

№ 1 (37) 2022
ISSN 2305-8838

Ученые записки
Национального
общества
прикладной
лингвистики

**Национальное общество прикладной
лингвистики (НОПриЛ)**

**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
НАЦИОНАЛЬНОГО
ОБЩЕСТВА ПРИКЛАДНОЙ
ЛИНГВИСТИКИ**

**Научно-исследовательский
журнал**

№ 1 (37)

**МОСКВА
2022**

УДК 81'33(063)
ББК 81.1я431
У 91

Главный редактор:

д. филол.н., профессор С.Г. Тер-Минасова (МГУ имени М.В. Ломоносова)

Заместитель главного редактора:

д.филол.н., доцент Н.А. Ахренова (ГСГУ, г. Коломна)

Технический секретарь:

Ph.D. М.Н. Дубинина
(ГСГУ, г. Коломна)

Редакционная коллегия:

д.филол.н., профессор Л.И. Богданова (МГУ имени М.В. Ломоносова)
д.филол.н., профессор Т.Г. Добросклонская (МГУ имени М.В. Ломоносова)
к. культ., доцент О.Ю. Иванова (РосНОУ, г. Москва)
д.филол.н., доцент Т.В. Ивченко (РГГУ, г. Москва)
д.филол.н., профессор О.М. Карпова (ИГУ, г. Иваново)
д.филол.н., доцент М.И. Киосе (Институт языкознания РАН)
к.филол.н., доцент О.А. Ксензенко (МГУ имени М.В. Ломоносова)
д.филол.н., профессор А.Л. Назаренко (МГУ имени М.В. Ломоносова)
д.филол.н., профессор Л.В. Полубиченко (МГУ имени М.В. Ломоносова)
Robert Ilson (University College London)

Zhong Weihe (Guangdong University of Foreign Languages)

профессор Ян Кэ (Университет иностранных языков и внешней торговли, г. Гуанчжоу)

У 91 Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики. М.:
НОПриЛ, 2022 – 145 с.
ISSN 2305-8838

Материалы журнала содержат статьи, посвященные актуальным проблемам изучения и преподавания родного и иностранного языков, межкультурной коммуникации, перевода и другим аспектам современной лингвистической и педагогической наук.

ISSN 2305-8838

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
(Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и
массовых коммуникаций (Роскомнадзор))
ПИ № ФС77-52630 от 25 января 2013 г.

Учредитель Национальное общество прикладной лингвистики. Адрес учредителя: 127572, Москва, ул. Новгородская, д. 22, к. 3, Председатель редакционной коллегии проф. Тер-Минасова С.Г. Подписано в печать 22.02.22. Формат 60х90/16. Усл.печ.л. 20,8. Тираж 1000 экз. Цена свободная.

© Национальное общество прикладной лингвистики (НОПриЛ)

© Авторы статей

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЕКСИКОЛОГИЯ. КОРПУСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА

Галимова Х.Н. Сложность и связность текста-ретранслята: корпусный подход	7
Иконникова В.А., Пронина Е.А. Тенденции развития современной юридической терминографии и особенности фиксации маркированных единиц	24
Лукин Д.С., Губочкина Л.Ю. Некоторые особенности репрезентации неологизмов в англоязычном дискурсе (на материале романа Дж. Брандрета «Have You Eaten Grandma?»)	39
Маник С.А. Англоязычная лексикография в эпоху цифровых трансформаций: от картотеки к корпусу	47
Шарифуллина Э.А. Word-sense disambiguation of the word 'view': corpus- driven approach	58

ПСИХОЛИНГВИСТИКА

Ломакина О.В., Хохлов А.А. Варьирование крылатых единиц как способ расширения репрезентантов концепта (на материале газетных заголовков 2020-2022 гг.)	72
--	----

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

Шовкович Е.Г. Трёхязычие, как частный случай многоязычия в Республике Казахстан	81
--	----

СТИЛИСТИКА И АНАЛИЗ ДИСКУРСА

Беляков М.В.	
Контент-анализ: теория и практика применения для анализа текстов открытой дипломатии	93
Димитриева О.А.	
Аксиологический аспект ситуации винопития в произведениях Александра Грина	102
Полубиченко Л.В.	
Английский язык для научно-публикационных целей в условиях плюрицентричности языка	116

ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. КОММУНИКАЦИЯ

Комкова Н.И.	
Роль прозы Б.В. Шергина в репрезентации Северного текста	127
Список авторов	138

CONTENTS

LEXICOLOGY. RESEARCH IN CORPUS LINGUISTICS

- Khalida Galimova**
Complexity and coherence of the retranslated text: a corpus approach 7
- Valentina Ikonnikova, Elena Pronina**
Modern Dictionaries of Law: tendencies of development and peculiarities of cultural markers 24
- Dmitrii Lukin, Gubochkina Lyubov**
Some peculiarities of neologism representation in English discourse (based on the novel by G. Brandreth «Have You Eaten Grandma?») 39
- Svetlana Manik**
English lexicography in the era of digital transformations: from catalogue to corpus 47
- Elvira Sharifullina**
Word-sense disambiguation of the word 'view': corpus-driven approach 58

PSYCHOLINGUISTICS

- Olga Lomakina, Aleksej Hohlov**
Variation of winged units as a way to expand the representatives of the concept (on the basis of newspaper headlines 2020-2022) 74

SOCIOLINGUISTICS

- Elena Shovkovich**
Trilingualism as a special case of multilingualism in the Republic of Kazakhstan 133

STYLISTICS AND DISCOURSE ANALYSIS

Mikhail Belyakov	
Content-analysis: theory and practice of application of public diplomacy texts	93
Olga Dimitrieva	
Axiological aspect of the situation of wine drinking in the works of Alexander Green	102
Lydia Polubichenko	
Pluricentric English used for research publication purposes	116

LANGUAGE. CULTURE. COMMUNICATION

Nina Komkova	
The role of the prose of Boris Shergin in the representation of the Northern text	127
List of authors	138

ЛЕКСИКОЛОГИЯ. КОРПУСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА

УДК 81'42

Галимова Халида Нурисламовна
Khalida Galimova

Сложность и связность текста-ретранслята: корпусный подход

Complexity and coherence of the retranslated text: a corpus approach

***Аннотация.** Цель исследования. Исследование нацелено на выявление способов объективации связности в первичном тексте – тексте для чтения и изложениях студентов-иностранцев с приблизительно одинаковым уровнем общей осведомленности и уровнем владения русским языком. Материалы и методы. В качестве материала представленного исследования использовано 12 текстов: первичный текст – текст для чтения и 11 текстов-ретранслятов – изложений, выполненных студентами. Автоматическая оценка связности русских текстов была выполнена с помощью RuLingva¹, автоматического анализатора, измеряющего следующие показатели когерентности: локальный повтор словоформ существительных, глобальный повтор словоформ существительных, локальный повтор существительных и местоимений, а также глобальный повтор существительных и местоимений. Категория «лингвистической связности» трактуется в работе как конструкт, эксплицируемый на основе присутствия/отсутствия референтного имени в смежных предложениях; последовательности размещения «старой» и «новой» информации; имплицитности/эксплицитности референтов имен. Расчеты референциальной локальной и глобальной связности текста производятся при помощи лингвостатистических методов на основе количества повторяющихся знаменательных частей речи и местоимений. Результаты. В представленном исследовании были рассчитаны и сравнены следующие характеристики текстов-изложений: локальный и глобальный повтор словоформ существительных (англ. noun overlap), локальный и глобальный повтор существительных и местоимений (англ. argument overlap). Также были измерены дескриптивные параметры первичного и вторичных текстов: длина текста первичного текста для чтения и длина текстов изложений. Предлагаемая методика оценки связности текста может быть использована как для лингвистического анализа текста, так и в различных прагмалингвистических ситуациях для прогнозирования успешности чтения. Выводы. Анализ связности первичного информативного и вторичных текстов – текстов изложений продемонстрировал, что тексты-ретрансляты содержат приблизительно равное количество способов повышения связности за счет добавления референтного имени и повтора темы. Предложенная методика оценки связности текста может быть использована в*

¹ URL:<https://rulingva.kpfu.ru/>

исследованиях различных типов текстов, а также и в системе образования для прогнозирования успешности чтения.

Abstract. *The Aim of the study. The research is aimed at identifying ways to objectify coherence in the primary text – the text for reading and expositions of foreign students with approximately the same level of general awareness and proficiency in Russian. Materials and methods. As the material of the presented research 12 texts were used: the primary text – the text for reading and 11 texts-retranslations – expositions made by students. Automatic assessment of the coherence of Russian texts was performed using RuLingva. It's an automatic analyzer that measures the following indicators of coreference: local repetition of noun word forms, global repetition of noun word forms, local repetition of nouns and pronouns, as well as global repetition of nouns and pronouns. The category of "linguistic coherence" is interpreted in the work as a construct, replicated on the basis of the presence/absence of a reference name in adjacent sentences; the sequence of placement of "old" and "new" information; implicitness/explicitness of referents of names. Calculations of the referential local and global coherence of the text are made using linguostatistical methods based on the number of repeated significant parts of speech and pronouns. Results. In the presented study, such characteristics of the presentation texts were calculated and compared as local and global repetition of noun forms (noun overlap), local and global repetition of nouns and pronouns (argument overlap). Descriptive parameters of primary and secondary texts (the length of the text of the primary text for reading and the length of the presentation texts) were also measured. The proposed method of assessing the coherence of the text can be used both for linguistic analysis of the text, and in various pragmalinguistic situations to predict the success of reading. Conclusions. The analysis of the coherence of the primary informative and secondary texts – the texts of the presentations demonstrated that the retranslated texts contain approximately an equal number of ways to increase coherence by adding a reference name and repeating the topic. The proposed methodology for assessing the coherence of the text can be used in studies of various types of texts, as well as in the education system to predict the success of reading.*

Ключевые слова: учебный текст, категория связности, кореферентные связи, частотные слова, глобальный повтор, локальный повтор

Keywords: educational text, coherence category, coreferent connections, frequency words, global repetition, local repetition

Введение

Учебный текст трактуется в науке как это продукт, средство и объект обучения текстовой деятельности [Бабайлова 1987]. Категория учебного текста тесно связана с проблемой трудности его восприятия, сложности языковых единиц-элементов данного текста [Кисельников 2015], а также его соответствия лингвистическим и когнитивным способностям читателей. Очевидно, что трудность учебного текста зависит от пресуппозиции читателя, его готовности к восприятию всего текста и его компонентов. С этим связано и еще одно определение учебного текста как модели формы и средства коммуникативной деятельности. Определяя учебный текст как речевое произведение, «все элементы которого подчинены стратегической задаче передать информацию» [Яхиббаева 2008:

96], Яхиббаева Л. М. указывает на его связующую функцию, обеспечивающую коммуникацию автора учебного текста и читателя. Исследователь также подчеркивает формальную сторону учебного текста, его «учебный» язык, т.е. язык, специально подобранный для учебных целей. Последнее предполагает присутствие эффекта «общения ученика-читателя с текстом как интересным собеседником» [Яхиббаева 2008: 96]. Именно поэтому при отборе текстов в качестве учебных особо значимой является оценка присутствия в тексте мотивирующих читателя элементов.

Все вышесказанное предполагает, с одной стороны, взгляд на текст как конструктор, а, с другой стороны, обращение к идиоматичности текста, т.е. невыводимости его общего смысла исключительно из семантики входящих в него элементов [Солнышкина 2022]. Текст как конструктор определяется в науке как система элементов нижестоящих уровней: предложений, слов и морфем. Очевидно, что при такой трактовке понимание текста предполагает понимание всех (или большей части) составляющих данного конструктора: морфем, слов, предложений.

Постановка проблемы

Проблема понимания и восприятия текста, является одной из существенных проблем. Цикл исследований, проведенных на материале разных языков, свидетельствует о том, что наиболее значимым для понимания текста является лексический уровень текста, сложность восприятия которого оценивается при помощи индексов абстрактности, входящих в него слов, их частотности в современном для читателя дискурсе, «знакомости» и др. [Майер 2016; Perfetti 2007]. Считается, что в современных условиях особую проблему составляет высокая конденсация смыслов современных текстов, их повышенная информативность и абстрактность изложения¹. При прогнозировании сложности абстрактность текста оценивается на основе отношения количества абстрактных слов к общему количеству слов в тексте [Солнышкина 2015]. Высокую читабельность имеют также наиболее частотные слова, на

¹ URL: <https://klex.ru/mzj>

восприятие и удержание в рабочей памяти которых не требуется много когнитивных усилий.

Весьма точным предиктором успешности понимания, прочитанного является также жанр текста. Например, художественное произведение с высокой долей высокочастотных слов будет восприниматься легче, чем текст научный или учебный, имеющий в своем составе высокий процент общенаучных или специальных слов [Бринюк 2019]. В списке наиболее изученных жанров находятся повествовательный и информативный, при этом последний, как известно, может сочетать в себе характеристики собственно информативного и повествовательного текстов. Известно также, что повествовательный и информативный типы текстов различаются не только текстовыми особенностями, включая структуру, но и своими функциями. Повествовательные тексты пишутся для развлечения читателей, имеют постепенно развивающуюся тему. Тексты этого типа легче понять, поскольку в основе их сюжета – повседневные события, известные читателю из личного опыта. Читатели достаточно легко реконструируют концептуальные пробелы, потому что обладают соответствующими базовыми знаниями, необходимыми для понимания логики повествуемых событий. Считается, что восприятие повествовательных текстов зависит от количества известных (высокочастотных) слов и логических связей в тексте [McNamara 2012].

В отличие от повествовательных текстов информативные тексты знакомят читателей с конкретной темой. Эти тексты труднее понять, потому что они передают потенциально незнакомую информацию, не связанную с повседневным опытом типичного читателя [McNamara 2018]. Следовательно, сложность информативных текстов связана с количеством незнакомых (низкочастотных) слов. Традиционно такими словами являются слова высокой степени абстрактности, общенаучные слова и термины специальных областей. Именно поэтому связность, упрощающая восприятие информационных текстов, имеет значительно большую значимость, чем в повествовательных текстах, где логические бреши могут вызывать интерес и давать читателю возможность их восстанавливать в зависимости от своего личного опыта и знаний.

При оценке готовности читателя к восприятию текста учитываются его словарный запас и базовые знания (общая осведомленность), которые являются основополагающими. При проведении научных исследований дополнительно оцениваются также такие характеристики читателя, как навык чтения, рабочая память, концентрация внимания, мотивированность, а также когнитивные процессы понимания: способность к воспроизведению и навыки логического (критического) мышления [McNamara 2010; Микк 1981].

В качестве менее значимых предикторов сложности текста ученые указывают на морфологические (доля слов различных частей речи, количество слов с абстрактными суффиксами, количество слов с различными категориями), синтаксические (длина слова, длина предложения, количество клауз и различных синтаксических конструкций), а также дескриптивные параметры (длина текста в слогах, словах и предложениях) [Солнышкина 2015].

Основная часть

1.Связность как характеристика и параметр текста

Связность текста достигается благодаря присутствию слов-связок (когезия), а также благодаря логической последовательности текста (когерентность). При этом различные кореферентные и метадискурсивные связи повышают связность текста по-разному [Medvedev 2022]. Например, один и тот же текст будет по-разному восприниматься в зависимости от присутствия/отсутствия метадискурсивных маркеров:

I. Низкая связность:

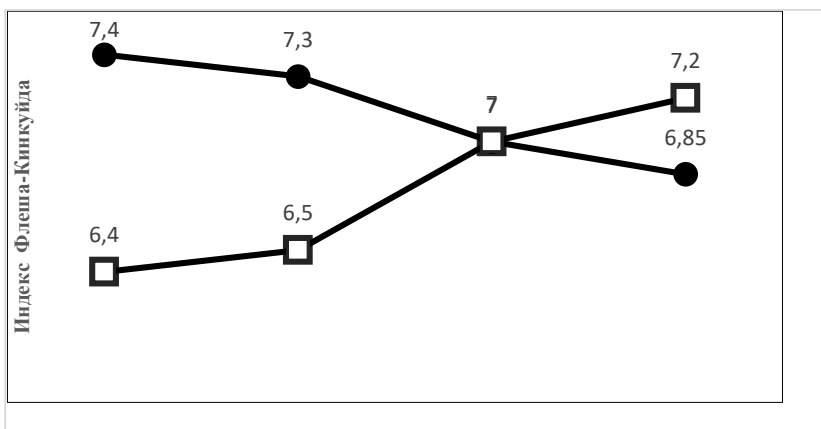
«Экология должна заниматься не только задачами сохранения природы. Человек живет не только в природной среде. Человек живет в среде, которая создана культурой. Природа необходима человеку для его биологической жизни, культурная среда необходима для духовной жизни. Сохранение культурной среды — задача не менее важная, чем сохранение природы».

II. Высокая связность:

«Экология должна заниматься не только задачами сохранения природы. Ведь человек живет не только в природной среде, но и в среде, которая создана культурой. Если

природа необходима человеку для его биологической жизни, то культурная среда необходима для его духовной жизни. Поэтому сохранение культурной среды — задача не менее важная, чем сохранение природы»¹.

В науке имеются убедительные доказательства того, что связность критически влияет на трудность восприятия текста (см. Рис.1). В своем монографическом исследовании Д. Макнамара предлагает иллюстрацию зависимости индекса Флеша-Кинкейда и референциальной связности [McNamara 2012], полученную в результате экспериментального исследования, в котором четырем группам читателей предлагались четыре версии одного и того же текста с разной степенью связности [Gatiyatullina 2020; McNamara 2018].

□ Связность ● Индекс Флеша-Кинкейда (ФК)

Рис. 1. Корреляция индекса ФК и связности текста

Как мы показано на диаграмме, чем выше референциальная связность, объективируемая в повторении слов, тем ниже индекс Флеша-Кинкейда (ФК), т.е. ниже сложность его восприятия. Индекс ФК в тексте рассчитывается на основе длины слов и длине предложений. Более длинные слова, как правило,

¹ URL: https://www.lihachev.ru/pic/site/files/fulltext/D.S._Lihachev_Russkaya_kultura.pdf: 236

менее частотны, поэтому читатели имеют меньше знаний об этих словах в мире. А более длинные предложения создают большую нагрузку на рабочую память и тем самым увеличивают трудность понимания. Для английского языка формула ФК имеет вид:

$$\text{ФК} = 0,39 * \text{ДП} + 11, 8 * \text{ДС} - 15:59,$$

где * - знак умножения, ДП - средняя длина предложения в словах, ДС - средняя длина слова в слогах [McNamara 2018].

Д. Макнамара указывает: «Десятилетия исследований продемонстрировали важность связности (когезии) для понимания текста, однако на рубеже нашего века еще не было доступных средств для объективного измерения связности текста» [McNamara 2012: 18]. В экспериментальных исследованиях, авторы которых при оценке сложности восприятия текста, предлагались рекомендации по увеличению или уменьшению связности (или когерентности, как ее также часто называют) для различных версий текста, но не существовало мер оценки связности текста. Не существовало и параметров, расчет которых можно было бы автоматизировать [Britton 2015]. Первым инструментом, автоматически оценивающим связность стал Coh-Metrix¹, позволяющий оценивать индексы повтора словоформ, лемм, знаменательных слов и местоимений [McNamara 2012].

Для русского языка аналогичным инструментом является профайлер RuLingva², разработанный для автоматического расчета 45 лингвистических параметров (см. Рис.1).

Рассмотрим исключительно параметры связности – 22 -25 (см. Табл.1).

¹ URL:https://www.researchgate.net/publication/8358727_CohMetrix_Analysis_of_text_on_co_hesion_and_language (В настоящее время доступ к сайту может быть ограничен)

² URL:<https://rulingva.kpfu.ru/>

Табл. 1.

Параметры текста «Память культуры», рассчитываемые RuLingva¹

#	Параметр	Значение
1	Количество слов (Tokens)	450
2	Количество уникальных слов (Types)	275
3	Количество слогов	1169
4	Количество предложений	41
5	GENERAL POS / SENTENCES ratio	8,8
6	Ср. количество слов в предложении	10,98
7	Ср. количество слогов в слове	2,6
8	Количество существительных	149
9	Ср. кол-во существительных на предложение	3,63
10	Количество глаголов	68
11	Ср. кол-во глаголов на предложение	1,66
12	Количество прилагательных	56
13	Ср. кол-во прилагательных на предложение	1,37
14	Количество наречий	33
15	Количество местоимений	54
16	Количество числительных	1
17	Средний ранг	6 946,77
18	Частотность (по словарю Шарова)	244,45
19	Индекс ФК (мод) SIS	6,94
20	Индекс ФК (O)	11,72
21	Индекс абстрактности	2,62
22	Локальный повтор словоформ существительных	0,1
23	Глобальный повтор словоформ существительных	0,06
24	Локальный повтор существительных и местоимений	0,66

¹ На рисунке 2 показана только часть рассчитываемых параметров, рассматриваемых в данном исследовании.

25	Глобальный повтор существительных и местоимений	0,27
26	RR	0,01
27	TTR	0,61
29	Именительный падеж (сущ)	
30	Родительный падеж (СУЩ)	45
31	Дательный падеж (СУЩ)	33
32	Винительный падеж (СУЩ)	9
33	Творительный падеж (СУЩ)	37
34	Предложный падеж (СУЩ)	16
35	Настоящее время (ГЛ)	9
36	Будущее время (ГЛ)	36
37	Прошедшее время (ГЛ)	1
38	Соотношение глаголов к существительным	7
39	Соотношение прилагательных к существительным	0,46
40	Доля сущ. в родительном падеже	0,38
41	Количество терминов	0,22
42	Количество односложных слов	40
43	Количество двусложных слов	103
44	Количество трехсложных слов	120
45	Количество четырехсложных слов	98

При расчете индекса «повтор словоформ существительных» (англ. noun overlap) учитываются только существительные, морфологические формы которых полностью совпадают (например, стол/стол). Индекс «повтор существительных и местоимений» (англ. argument overlap) оценивает повторы существительных и местоимений (стол/стол, он/он), при этом учитываются все местоимения и все существительные, независимо от их кореферентности. Например, в примере III не учитывается, относится ли местоимение «его» к существительному *труд* или *Соловьев*.

III. *Позволю себе привести полностью это место из труда Соловьева. Его положения не совпадают с тем, что пишу*

я, только в начальной части, зато очень важна заключительная часть¹.

При расчете индекса «повтор основы» учитывается повтор морфемы в любых частях речи, существительных, глаголах, прилагательных, наречиях. Например, существительное «изучения» и глагол «изучает».

IV. *Экология изучает мир как целое. Цель такого изучения – возможность помощи миру, его «лечения» и выяснения безопасности вносимых человеком изменений в мир².*

RuLingva также оценивает количество повторов знаменательных слов (англ. content word overlap). Связность текста увеличивается, если предложения содержат повторы знаменательных слов (см. Пример I).

Все типы повторов рассчитываются в двух вариантах – локальном и глобальном: «локальный» повтор оценивает исключительно повторы слов в соседних предложениях, индекс «глобального» повтора отражает повторы слов каждого предложения с каждым другим предложением в тексте (См.Табл.1).

2.Методы, участники, ход исследования

Алгоритм исследования включал следующие этапы: 1. отбор текстов для чтения – первичных текстов; 2. Чтение участниками исследования текста; 3. Пересказ; 4. Анализ связности в текстах пересказов.

Материал. В качестве материала представленного исследования использовано 12 текстов: первичный текст – текст для чтения и 11 текстов-ретранслятов – изложений, выполненных студентами. Оригинальный текст для чтения – «Память культуры» – информативный учебный текст о двух толкованиях понятия экология: экология природы и экология культуры. Текст используется при обучении русскому языку как иностранному на второго сертификационного уровня³, объем текста – 463 слово, параметры текста представлены в Таблице 1.

¹ URL: <http://likhachev.lfond.spb.ru/articl100/Russia/ekolog.pdf> : 8

²URL: <http://likhachev.lfond.spb.ru/articl100/Russia/ekolog.pdf> : 1

³ <http://likhachev.lfond.spb.ru/articl100/Russia/ekolog.pdf>

Участники. Отбор участников исследования, студентов-иностранцев первого курса, обучающихся по специальности «Русский язык как иностранный», осуществлялся на основе двух основных тестов: теста на общую осведомленность и теста на знание русского языка. Весь комплекс тестов проводился в один день, до начала учебных занятий, тестирование было полностью добровольным, студенты не получали бонусов или выплат за участие в исследовании. Тестовая сессия длилась примерно 90 минут. Порядок заданий, выполняемых студентами, был следующим: (1) тест на общие знания, (2) тест по русскому языку, (3) чтение текста (два раза), (4) письменное воспроизведение текста на память. Для представленного исследования было отобрано 11 работ студентов, имеющих приблизительно одинаковый уровень общей осведомленности и уровень владения русским языком (Второй сертификационный уровень). Участие в эксперименте было анонимным и в начале эксперимента каждый участник получил уникальный код.

Инструмент. Автоматическая оценка связности русских текстов была выполнена с помощью RuLingva, автоматического анализатора, измеряющего следующие показатели кореферентности: локальный повтор словоформ существительных (ЛПСС), глобальный повтор словоформ существительных (ГПСС), локальный повтор существительных и местоимений (ЛПСМ), а также глобальный повтор существительных и местоимений (ГПСМ).

Анализ. В представленном исследовании поставлена задача расчета и сравнения следующих характеристик текстов-изложений: локальный (параметр ЛПСС, Табл.2) и глобальный повтор словоформ существительных (параметр ГПСС) (англ. noun overlap), локальный и глобальный повтор существительных и местоимений (параметры ЛПСМ и ГПСМ) (англ. argument overlap).

Табл. 2.

Метрики связности первичного и вторичных тестов

		Первичный текст	Текст 1	Текст 2	Текст 3	Текст 4	Текст 5	Текст 6	Текст 7	Текст 8	Текст 9	Текст 10	Текст 11
1	ЛПСС	0,1	0,4	0,38	0,57	0,17	0,2	0	0	0	0	0,25	0,44
2	ГПСС	0,06	0,53	0,1	0,36	0,05	0,2	0,07	0,33	0	0	0,3	0,24
3	ЛПСМ	0,66	0,4	0,95	1	0,17	0,2	0,13	0	0	0	0,5	0,78
4	ГПСМ	0,27	0,73	0,32	0,61	0,1	0,33	0,2	0,33	0	0	0,7	0,44

Мы также измеряли дескриптивные параметры первичного и вторичных текстов: длина текста первичного текста для чтения длина текстов изложений. В качестве единиц измерения использовались следующие: количество словоупотреблений (параметр 1, Рис.3), количество «уникальных» неповторяющихся слов (types, параметр 2, Рис.3) и количество слогов (параметр 3, Рис.3). Все метрики были измерены с использованием программного обеспечения RuLingva [Солнышкина 2022; McNamara 2012].

Табл. 3.
Метрики дескриптивных параметров первичного и вторичных текстов

№	Параметр	Перв. текст	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1	Кол-во слов	416	89	233	127	44	48	96	32	16	47	58	89
2	Кол-во уникальных слов	278	67	163	98	39	42	79	30	15	45	51	69
3	Кол-во слогов	1016	228	617	302	107	312	227	87	43	111	149	226

Показательно, что при значительном сокращении в объеме текстов-изложений (см. Табл. 3) мы наблюдаем значительное увеличение связности, рассчитываемое при помощи вышеуказанных индексов (см. Табл.2). Например, в тексте 10, в значительной степени отличающемся от оригинала, всего 58 слов: «Сегодня многие **ученые** делают все возможные

чтобы спасти от загрязнения природы. Они защищают животный мир и птиц. Есть наука, которая занимается хранением природы. Это наука – экология. Экология делится на два раздела: биологическая природная и культурная¹<...>». При этом связность текста превышает связность оригинала: ЛПСС:0,1 – 0,25; ГПСС: 0,06 – 0,33; ГПСМ: 0,27 – 0,7.

Продемонстрируем изменение связности в текстах-ретранслятах.

Увеличение ЛПСС наблюдаем фактически во всех текстах (см.Табл. 2). Происходит это путем добавления референтного имени таким образом, что предложение повторяет идею, изложенную в предыдущем предложении. Например,

Тексте 2: *Есть наука, которая занимается хранением природы. Это наука – экология.*

Первичный текст. *Наука, которая занимается охраной природы, называется экологией.*

При этом данный способ повышения связности весьма часто сопровождается перестановкой составляющих предложения таким образом, чтобы читатели сначала получали старую информацию (то есть идею, представленную ранее в тексте), а затем новую информацию. Показателен в этом отношении Текст 3: *Экология природы важна, но и также важна экология культуры. Экология культуры не так развита, как экология природы.*

Своеобразный импульс такого рода повторов задан самим текстом-оригиналом: *Однако вопрос об экологии культуры, к сожалению, пока не изучается. Изучаются различные виды культуры, изучается культура прошлого, но не изучается значение всей культурной среды для человека.*

Связность увеличивается и за счет некоторых синонимических повторов в текстах изложений. Например, в тексте 7: *Это и есть наше уважение прошлому, к нашим предкам и уважение к будущему, последующему поколению, которое займет наше место.*

¹ Орфография и пунктуация изложения сохранены.

Третьим способом, к которому прибегают авторы изложений, является экспликация *имплицитного* референта. Например, «*Сохранять окружающую среду с помощью экологическими мерами вполне возможно, потому что нам помогает и сама природа. Природа способна восстанавливаться, так как она “Живая”.*»

Заключение

Таким образом, можно заключить, что анализ связности первичного информативного текста, предложенного студентам РКИ для чтения и изложения, а также 11 вторичных текстов – текстов изложений продемонстрировал спектр возможных способов усиления связности: добавление референтного имени в последующем предложении (в 9 изложениях из 11), добавление темы к реме, а также экспликация имени референта или ситуационной модели. Классификация типов связности во вторичных текстах включает две основные группы: воспроизводящие и нарушающие связность первичного текста. Анализ продемонстрировал, что тексты-ретрансляты содержат приблизительно равное количество способов повышения связности за счет добавления референтного имени и повтора темы.

На основании изученного материала предлагается оценивать степень связности текстов в зависимости от трех основных признаков: (1) присутствии/отсутствии *референтного имени* в смежных предложениях; (2) последовательность размещения старой и новой информации; (3) экспликация *имени референта*. Предложенная методика оценки связности текста может быть использована в исследованиях различных типов текстов, а также и в системе образования для прогнозирования успешности чтения.

Литература

1. Бабайлова А.Э. Текст как продукт. средство и объект коммуникации при обучении неродному языку – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, – 1987. – 152 с.
2. Бринюк Е. В. Текст как средство межкультурной коммуникации// Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2019. – № 2. – С. 19–24.

3. Кисельников А. С. К проблеме характеристик текста: читабельность, понятность, сложность, трудность // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, – 2015. – № 11(53): в 3-х ч. Ч. II. С. 79-84.
4. Майер Р.В. — Об измерении сложности учебного текста по естественно научным дисциплинам // Современное образование. – 2016. – № 4. – С. 56 - 64. DOI: 10.7256/2409-8736.2016.4.19501 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=19501
5. Микк Я.А. Оптимизация сложности учебного текста. М.: Просвещение, –1981, –119 с.
6. Солнышкина М.И., Соловьев В.Д., Гафиятова Э.В., Мартынова Е.В. Сложность текста как междисциплинарная проблема // Вопросы когнитивной лингвистики. –2022. –№ 1. – С. 18-39. DOI: 10.20916/1812-3228-2022-1-18-39
7. Солнышкина М.И, Кисельников А.С. Сложность текста: этапы изучения в отечественном прикладном языкознании // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2015. – №6 (38) – С. 86-99. DOI: 10.17223/19986645/38/7
8. Солнышкина М. И. Параметры сложности экзаменационных текстов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2015. – № 1. – С. 99– 107. DOI: 10.15688/jvolsu2.2015.1.11
9. Яхиббаева Л. М. Категории цельности / целостности и связности как основные признаки текста // Лингвокультурология. – 2008. – № 2. – С. 209-213.
10. Britton, B. K., & Gulgoz, S. Using Kintsch’s computational model to improve instructional text: Effects of repairing inference calls on recall and cognitive structures // Journal of Educational Psychology. –1991. – V 83. –P. 329–345.
11. Gatiyatullina G.M., Solnyshkina M.I., Soloviev V.D., Danilov A.V., Martynova E.V., Yarmakeev I.E. Computing Russian Morphological Distribution Patterns Using RusAC Online Server – 13th Conference on Development in Systems Engineering (DeSE), December 13—17, England, UK, –2020. – pp. 393–398.
12. Perfetti, C.A. Reading ability. New York, NY: Oxford University Press. Perfetti, C.A. (September 2007). – №11(4) – P. 357-383.
13. McNamara, D.S., A.C. Graesser, & Louwerse, M.M. Sources of Text Difficulty: Across the Ages and Genres, In J.P. Sabatini, E. Albro, & R.T. O’Reilly, Measuring Up // Lanham, MA: R&L Education. – 2012. – P. 89- 119.

14. McNamara, D.S., & Kintsch, W. Learning from text: Effects of prior knowledge and text coherence // *Discourse Processes*, –2018. – №78. – P. 247–288.
15. McNamara, D. S., Louwrese, M. M., McCarthy, P. M., & Graesser, A. C. CohMetrix: Capturing linguistic features of cohesion // *Discourse Processes*, – № 2010. – No 47. – P. 292–330.
16. Medvedev, V., Solnyshkina, M Technologies of Assessing and Enhancing Cohesion of Instructional and Narrative Texts. *Lecture Notes in Networks and Systems*, 2022, 342 LNNS, C. 693–712.
17. McNamara, Danielle & Arthur C. Graesser. Coh-Metrix: An Automated Tool for Theoretical and Applied Natural Language Processing// *IGI Global*. – 2012. – P. 18. DOI: 10.4018/978-1-60960-741-8.ch011
18. McNamara, D.S., Magliano, J. Chapter 9 Toward a Comprehensive Model of Comprehension. *Psychology of Learning and Motivation // Advances in Research and Theory*. – 2009. –V. 51– P.297–384 (2009).

References

1. Babajlova A.E. Tekst kak produkt. sredstvo i ob"ekt kommunikacii pri obuchenii nerodnomu yazyku [Text as a product. the means and object of communication in teaching a non-native language]. Saratov: Publishing House Saratov Univesity, 1987. – 152 pp. (in Russian).
2. Brinyuk E. V. Tekst kak sredstvo mezhkul'turnoj kommunikacii [Text as a means of intercultural communication] // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology], № 2. 2019, pp. 19–24 (in Russian).
3. Kisel'nikov A. S.K probleme harakteristik teksta: chitabel'nost', ponyatnost', slozhnost', trudnost'[On the problem of text characteristics: readability, comprehensibility, complexity, difficulty]// *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of theory and practice]. Tambov: Gramota, 2015. № 11(53), pp. 79-84 (in Russian).
4. Majer R.V. — Ob izmerenii slozhnosti uchebnogo teksta po estestvenno nauchnym disciplinam [On measuring the complexity of an educational text in natural science disciplines] // *Sovremennoe obrazovanie* [Modern education], № 4, 2016, pp. 56 - 64 (in Russian).
5. Mikk YA.A. Optimizaciya slozhnosti uchebnogo teksta [Optimization of the complexity of the educational text], M.: Prosveshchenie, 1981, 119 pp. (in Russian).
6. Solnyshkina M.I., Solov'ev V.D., Gafiyatova E.V., Martynova E.V. Slozhnost' teksta kak mezhdisciplinarnaya problema [Text complexity as

- an interdisciplinary problem] // *Voprosy kognitivnoj lingvistiki* [Questions of cognitive linguistics], № 1, 2022, pp. 18-39. (in Russian).
7. Solnyshkina M.I, Kisel'nikov A.S. Slozhnost' teksta: etapy izucheniya v otechestvennom prikladnom yazykoznanii [The complexity of the text: stages of study in Russian applied linguistics] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Bulletin of Tomsk State University. Philology], №6 (38), 2015, pp. 86-99 (in Russian).
 8. Solnyshkina M. I. Parametry slozhnosti ekzamenacionnyh tekstov [Parameters of the complexity of examination texts] // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: YAzykoznanie* [Bulletin of Volgograd State University. Series 2: Linguistics], № 1, 2015, pp. 99– 107 (in Russian).
 9. YAhibbaeva L. M. Kategorii cel'nosti / celostnosti i svyaznosti kak osnovnye priznaki teksta [Categories of wholeness / integrity and coherence as the main features of the text]// *Lingvokulturologiya*, № 2, 2008, pp. 209-213 (in Russian).
 10. Britton, B. K., & Gulgoz, S. Using Kintsch's computational model to improve instructional text: Effects of repairing inference calls on recall and cognitive structures // *Journal of Educational Psychology*. –1991. – V 83. –P. 329–345.
 11. Gatiyatullina G.M., Solnyshkina M.I., Soloviev V.D., Danilov A.V., Martynova E.V., Yarmakeev I.E. Computing Russian Morphological Distribution Patterns Using RusAC Online Server – 13th Conference on Development in Systems Engineering (DeSE), December 13—17, England, UK, –2020. – pp. 393–398.
 12. Perfetti, C.A. Reading ability. New York, NY: Oxford University Press. Perfetti, C.A. (September 2007). – №11(4) – P. 357-383.
 13. McNamara, D.S., A.C. Graesser, & Louwerse, M.M. Sources of Text Difficulty: Across the Ages and Genres, In J.P. Sabatini, E. Albro, & R.T. O'Reilly, *Measuring Up* // Lanham, MA: R&L Education. – 2012. – P 89- 119.
 14. McNamara, D.S., & Kintsch, W. Learning from text: Effects of prior knowledge and text coherence // *Discourse Processes*, –2018. – №78. – P. 247–288.
 15. McNamara, D. S., Louwerse, M. M., McCarthy, P. M., & Graesser, A. C. CohMetrix: Capturing linguistic features of cohesion // *Discourse Processes*, – № 2010. – No 47. – P. 292–330.
 16. Medvedev, V., Solnyshkina, M Technologies of Assessing and Enhancing Cohesion of Instructional and Narrative Texts. *Lecture Notes in Networks and Systems*, 2022, 342 LNNS, S. 693–712.

17. 17. McNamara, Danielle & Arthur C. Graesser. Coh-Metrix: An Automated Tool for Theoretical and Applied Natural Language Processing// IGI Global. – 2012. – P. 18. DOI: 10.4018/978-1-60960-741-8.ch011
18. 18. McNamara, D.S., Magliano, J. Chapter 9 Toward a Comprehensive Model of Comprehension. Psychology of Learning and Motivation // Advances in Research and Theory. – 2009. –V. 51– P.297–384 (2009).

УДК 81.33

Иконникова Валентина Александровна
Valentina Ikonnikova
Пронина Елена Анатольевна
Elena Pronina

Тенденции развития современной юридической терминографии и особенности фиксации маркированных единиц

Modern Dictionaries of Law: tendencies of development and peculiarities of cultural markers

Аннотация. *Актуальность* изучения особенностей фиксации маркированных единиц в современной юридической терминографии определяется необходимостью исследования процессов утраты либо сохранения культурного компонента значения терминологических единиц в условиях глобализации и локализации как основных социокультурных и лингво-правовых тенденций современности. **Новизна** исследования обусловлена **материалом** и совокупностью применяемых методов исследования: в сферу терминографического анализа вовлекаются новейшие британские, американские и российские юридические словари, локальные онлайн глоссарии и подотраслевые глоссарии международных организаций. Применяется комплекс семантических (дефиниционный и компонентный) и терминоведческих (методика изучения терминологического знака В.М. Лейчика) **методов** анализа. **Цели** исследования включают уточнение статуса современных англо-английских, англо-русских и русско-английских юридических словарей, а также определение особенностей маркирования культурных (территориальных и исторических) значений юридических терминов в общелитературных и специальных словарях. В результате исследования авторы приходят к следующим **выводам**.

1. К современным тенденциям развития англо-английской и англо-русской юридической терминографии относятся центристская (унификация права, стандартизация терминологии) и центробежная (сохранение локальной правовой

культуры) тенденции. Первая тенденция иллюстрирует процессы глобализации; вторая – процессы локализации на материале англоязычной юридической терминологии.

2. Культурно-маркированная лексика в юридической терминологии имеет ссылки на местное законодательство и прецеденты (например: *Boddie v Connecticut*, 401 U.S. 371, 91 S.Ct. 780 (1971)) в американских и британских изданиях, которые используются как вторичный источник права для судов; данная лексика имеет соответствующие историко-территориальные пометы в переводных словарях (амер., англ., в некоторых штатах США, в графстве Кент до 1925 г. и др.) или указания в дефинициях.

Abstract. The article reports a study of dictionary means for identifying the cultural meaning component of legal terminological units. The aim of the article is to specify the status of modern English-English, English-Russian and Russian-English dictionaries of law and to identify the peculiarities of dictionary markers used for culturally bound (territorial and historical) meanings of law terms in general dictionaries and dictionaries for lawyers. British, American and Russian latest editions of dictionaries of law are included in the materials of the research. A combination of semantic methods (the definitional and componential analysis) with the methods of Terminology Science (the method of terminological sign studies by Prof. Vladimir M. Leitchik) are used in the given research. The authors arrive at the following results:

1. The cultural markers vary from references like “in England”, “in the USA” etc. in general vocabulary dictionary (eg. Collins) and bi-lingual Russian-English and English-Russian dictionaries (eg. Andrianov, Berson) to providing links to precedents and local state reports in British and American editions addressing courts and legal professionals: eg. *Boddie v Connecticut*, 401 U.S. 371, 91 S.Ct. 780 (1971).

2. Some dictionaries under study provide historical interest and reveal the process of law development (eg. *Bouvier's law dictionary and concise encyclopedia* (1838)).

The paper concludes by arguing that both centrifugal (local glossaries) and centripetal (terminology unification) tendencies define the process of modern law lexicography development. British and American dictionaries of law are used as secondary sources of law for Anglo-American courts. Cultural markers identify jurisdiction of the term application (territory and time) and differ depending on the type of dictionary.

Ключевые слова: современная юридическая терминология, термины с культурным компонентом значения, культурные / историко-территориальные маркеры

Key words: modern dictionaries of law, terms with the cultural component of meaning, cultural / historical and territorial markers

Введение

Актуальность исследования особенностей фиксации маркированных единиц в современной юридической терминологии определяется необходимостью исследования процессов утраты либо сохранения культурного компонента значения терминологических единиц в условиях глобализации и локализации как основных социокультурных и лингво-правовых тенденций современности. Важность исследования современных тенденций лексикографии в условиях стремительного развития цифровых технологий, антропоцентрического подхода в лексикографии, развитии онлайн глоссариев, все более широкого использования и толкования материала и методов корпусной

лингвистики не раз подчеркивали представители Ивановской лексикографической школы [Карпова 2012, Маник 2020 и др.]. Концепция лингвокультурологического терминоведения и культурного компонента значения терминологических единиц [Иконникова 2014] применяется к обширному материалу англоязычных терминологий, степень конвенциональности (условности) которых достаточно высока: англоязычная терминология юриспруденции, систем образования Великобритании и США, религии, межкультурной коммуникации, медиадискурса, истории и т.д. [Иконникова, Цверкун 2021]. В данной статье представлены результаты изучения способов фиксации культурного (историко-территориального) компонента значения в юридических словарях разных типов.

Описанием культурно-маркированной лексики занимались многие отечественные исследователи, например, Комлев Н.Г. (1966), Е.М. Верещагин, В. Г. Костомаров, Морковкин (1974), Влахов, Флорин (1980) Тер-Минасова С.Г. (2004), Ощепкова В.В. (2004, 2010) и др. Важность проблемы культурных составляющих, подлежащих включению в словарь, а также проблему неразработанности параметров описания культурно-маркированных единиц, проблему межъязыковых соответствий (подбор верных эквивалентов) в переводном лингвострановедческом словаре, фиксации имен собственных, в частности прецедентных имен собственных подчеркивали представители Ивановской лексикографической школы [Ужова 2011].

Важно различать особенности фиксации культурно-маркированной лексики в словарях общелитературной лексики и культурно-маркированной лексики в терминографии. Особое внимание следует уделять таким классам лексики как имена собственные (*proper names*), слова, обозначающие реалии (*words denoting realia / reference words*), слова с культурным компонентом значения (*words with cultural connotative components of meaning*).

Среди наиболее значимых исследований фиксации культурно-маркированной лексики в лексикографии следует назвать работы Ивановской лексикографической школы

[Григорьева 2014, Лутцева 2008, Ужова 2011 и др.], а также ряд зарубежных исследований [English Dictionaries as Cultural Mines 2012, A Cultural Journey through the English Lexicon 2012 и др.]. В работе [Иконникова, Цверкун 2021] предложена авторская концепция лингвокультурологического терминоведения и положения теории культурного компонента значения терминологических единиц на материале англоязычных терминологий и терминосистем, характеризующихся конвенциональностью: терминологии и терминосистемы юриспруденции, системы образования, религии, истории России и ряда других.

Целью данного исследования стало уточнение особенностей фиксации маркированных единиц в специальной юридической терминографии.

Основная часть

1. Материал и методы исследования

Материалом исследования послужили моноязычные (англо-английские) и двуязычные, переводные (англо-русские и русско-английские) юридические словари, как общелитературные (например, Collins), так и юридические, как современные, так и исторические (например, Bouvier 1836).

Применяется комплекс семантических (дефиниционный и компонентный) и терминоведческих (методика изучения терминологического знака В.М. Лейчика) **методов** анализа.

В соответствии с теорией В.М. Лейчика [Лейчик 2009] предложена следующая **методика** анализа терминологических единиц с культурным компонентом значения:

(1) изучается этимология, семантика, словообразование языкового субстрата терминологического знака;

(2) исследуется история, содержание, системные связи логического суперстрата этого знака + теория науки / области знания, понятие которой обозначается термином.

2. Концепция культурного-компонента значения терминологических единиц

Анализ фиксации маркированных единиц в современной юридической терминографии проводился в соответствии с концепцией лингвокультурологического терминоведения и культурного компонента значения терминологических единиц

[Иконникова 2014], к основным положениям которой можно отнести следующие:

(1) Элемент условности в терминологиях с культурным компонентом достаточно высок и зависит от **территориально-культурного и историко-культурного факторов**.

(2) Культурный компонент значения входящих в указанные терминологии и терминосистемы единиц формально выражен лексикографическими пометами «англ.», «амер.», «шотл.», «в некоторых штатах США», «в графстве Кент до 1925 г.» и т.д., либо **отсылками** к таким (историко-) территориальным терминосистемам, содержащимся **в словарных дефинициях или контекстах**.

Как видно, в признаке (2) описываются только культурные (историко-территориальные) пометы, указывающие на культурный компонент значения англоязычных юридических терминов в общелитературных переводных словарях. Необходимо проанализировать еще два типа словарей – общелитературных и специальных англо-английских британских и американских словарях.

3. Пример фиксации культурных маркеров в общелитературном моноязычном словаре.

Приведем пример маркирования культурно-обусловленной юридической лексики в общелитературном (неюридическом) англо-английском словаре.

sheriff [Collins]:

1) **(in the US)** *the chief law-enforcement officer* in a county: popularly elected, except in Rhode Island

2) **(in England and Wales)** the chief executive officer of the Crown in a county, having *chiefly ceremonial duties*. Related adj: shrieval

3) **(in Scotland)** *a judge* in any of the sheriff courts

4) **(in Australia)** *an administrative officer of the Supreme Court*, who enforces judgments and the execution of writs, empanels juries, etc

5) **(in New Zealand)** *an officer of the High Court*

• Etymology: Old English scīrgerēfa, from scīr SHIRE 1 + gerēfa REEVE 1. Derived words: sheriffdom

Итак, термин **sheriff** – имеет собственно английский по происхождению **лингвистический субстрат терминологического знака (этимология)**. Обобщим анализ семантики значений данной единицы, акцентируя внимание на историко-территориальных (культурных) компонентах ее значений:

- шериф Ноттингемский, преследователь Робин Гуда и представитель органов власти **средневековой Англии,**
- американский шериф в колониях на **Диком Западе и в современных США,**
- судья в современной **Шотландии,**
- судебные исполнители / сотрудники судов в современных **Австралии и Новой Зеландии** (с разными функциями).

4. Обзор современной юридической лексикографии и особенности фиксации культурных маркеров в словарях разных типов

Юридическая терминография включает в себя рабочие словари, адресованные как широкой публике, так и переводчикам, лексикологам и лексикографам, юристам-международникам.

К современной юридической терминографии, используемой в практике перевода и работы юриста-международника в Великобритании, США и России относятся в том числе следующие категории словарей:

- британские юридические словари (Oxford Dictionary of Law 2018, Jowitt's Dictionary of English Law, Osborn's Concise Law Dictionary 2013, Stroud's Judicial Dictionary of Words & Phrases 2021, и др.);
- американские юридические словари (Black's Law Dictionary 2014, Dictionary of Law by Merriam-Webster 2016, Ballentine's Law Dictionary 1969, West's Words and Phrases 2007, Barron's Law Dictionary (Barron's Legal Guides), 2016 и др.);
- двуязычные словари, изданные в России (Англо-русский и русско-английский юридический словарь / С.К.Левитан, С.В. Павлова, О.А. Одинцова, 2020; Англо-русский толковый словарь юридических понятий и категорий англо-

американской правовой системы / И. Г. Федотова, Н. В. Старосельская, И. В. Резник; Под ред. Г. П. Толстопятенко, 2003 и др.).

При выборе словаря практикующий юрист должен принять во внимание не только сферу права (договорное, судебное), но и юрисдикцию. В связи со спецификой правовых систем США и Великобритании существуют различия в наиболее популярных словарях. Словари по праву США и Великобритании могут являться вторичным источником права и использоваться судьями при вынесении и обосновании решений. Рассмотрим основные характеристики некоторых словарей более подробно.

Словарь [Black's Law Dictionary 2014], традиционно считающийся одним из самых авторитетных словарей в области права США, является предпочтительным справочным материалом для определений в справках по делу и заключениях суда. Во многих разбиравшихся Верховным судом США судебных делах на него ссылались как на вторичный источник права.

Приведем пример словарной статьи:

Acquisition / .../. The act of becoming the owner of certain property; the act by which one acquires or procures the property in anything. State ex reI. Fisher v. Sherman, 135 Ohio St. 458, 21 N.E.2d 467, 470. Used also of the thing acquired. Taking with, or against, consent. Scribner v. Wikstrom, 93 N.H. 17, 34 A.2d 658, 660. Term refers especially to a material possession obtained by any means. Jones v. State, 126 Tex.Cr.R. 469, 72 S.W.2d 260, 263.

Словарь [Ballentine's Law Dictionary 1969] включает более 40 000 терминов и понятий, основанных на фактическом толковании этих терминов судами США последней инстанции с указанием дел, где возникло такое определение. Пример словарной статьи:

Action against the state. An action which, because of the immunity of a state from suit under the 11th Amendment to the Constitution of the United States and established principles of jurisprudence, can be had only with the consent of the state. 49 Am J1st States § 91

A suit to restrain state officers from taking steps by means of a judicial proceeding in execution of a state statute to which they do

not hold any special relation, is a suit against the state within the meaning of the prohibition of the 11th Amendment. *State v Southern Railway Co.* 145 NC 495, 59 SE 570.

Словарь [Modern Dictionary for the Legal Profession 1993] насчитывает около 10 000 современных терминов и понятий из десятков профессий, и специальностей, а также международных организаций, что дает возможность представителям юридической профессии ознакомиться с популярными, техническими и жаргонными терминами и понятиями. Обновляется с учетом последних решений Верховного суда США и нового законодательства. Так, в новую версию вошли такие темы и законы кибербезопасность и закон о контроле за оружием.

Словарь [Dictionary of Law, Merriam-Webster 2016] включает 7 000 наименований юридических терминов, которые чаще всего встречаются в повседневных ситуациях: составление завещания, подписание договора, судебный процесс и т.д. Цитаты и примеры слов используются в контексте, чтобы продемонстрировать их употребление, например:

Definition of *loan*

(Entry 1 of 2)

1a: money lent at interest: took out a *loan* to pay for the new car

b: something lent usually for the borrower's temporary use

2a: the grant of temporary use: Can I have the *loan* of your car?

b: the temporary duty of a person transferred to another job for a limited time: He had been on *loan* to the navy during the war.

3: LOAN WORD The word "nosh" is a *loan* from Yiddish.

Словарь [West's Words and Phrases 2007] содержит судебные определения слов и фраз из судов штатов США и федеральных судов. Каждое определение содержит цитату из суда, который дал это определение и классифицируется по системе West Key Number System® (система классификации американского права, которая индексирует дела по более чем 400 темам и более чем 98 000 правовых вопросов).

Словарь [Barron's Law Dictionary 2019] включает в себя последние изменения в федеральном законодательстве США и

законодательстве штатов. Термины снабжены ссылками и относятся к гражданскому процессу, коммерческому и договорному праву, конституционному праву, уголовному праву, имущественному праву и деликтам.

Словарь [Dictionary of Law 2019] является авторитетным и всеобъемлющим источником юридической информации без «юридического жаргона». Его статьи четко определяют основные термины, понятия, процессы и организацию английской правовой системы. В последнем издании отражены такие законодательные акты, как референдум ЕС, а также изменения в потребительском, иммиграционном и семейном праве. Кроме того, в конце издания имеется полезное руководство по написанию и цитированию, в котором специально рассматриваются проблемы и установленные требования для написания юридических эссе и отчетов. Словарь сосредоточен в основном на английском праве, он также является универсальным источником информации для любой из многих стран, которые основывают свою правовую систему на английском праве.

[Jowitt's Dictionary of English Law 2019] охватывает законодательство Англии и Уэльса, также содержит пояснения к юридическим терминам и их историческому контексту, также на него регулярно ссылаются суды. См., например, ссылку на словарь Джовитта для определения значения термина “set off” в деле *Rank Group PLC v HMRC* (2019) UKUT 0100 (TCC) [Rank Group PLC...] или для развития значения термина “person aggrieved” в деле *Watkins v Aged Merchant Seamen's Homes* (2018) EWHC 2410 [Watkins v Aged...]. Это издание обычно используется в сочетании с «Судебным словарем Страуда» и регулярно цитируется судами.

[Stroud's 2021] фиксирует, как любое выражение, встречающееся в статуте или другом юридическом документе, было истолковано судами или определено в законодательстве. Он является дополнением к «Словарю английского права» Джовитта.

[Words and phrases legally defined 2018] – это антология избранных судебных и законодательных определений, собранных в алфавитном порядке под соответствующими

тематическими заголовками. Она охватывает материалы из Великобритании, Австралии, Канады и Новой Зеландии. Определения содержат выдержки из судебных решений и пояснительные редакционные примечания

Словарь [Левитан, Павлова, Одинцова 2020] содержит более 11 000 терминов в первой части и около 9000 терминов во второй части по всем отраслям права. Помимо устоявшейся юридической терминологии содержит ряд относительно новых юридических терминов, а также терминов с уточненным значением. Основными критериями отбора лексических единиц являются частотность словоупотребления и принадлежность к современному юридическому дискурсу. Приведем пример словарной статьи из данного словаря (маркеры отсутствуют): acquisition 1. приобретение (прав, имущества, территории) 2. завладение (имуществом, территорией)

compulsory ~ принудительное отчуждение

regular ~ правомерное приобретение

Словарь [Федотова, Толстопятенко 2003] представляет в наиболее полном объеме юридические понятия и категории, сложившиеся в англоязычной правовой культуре, и дает их максимально точное и подробное объяснение на русском языке. Является частью Уникального учебного комплекса МГИМО МИД РФ, состоящего из трех книг: И. Г. Федотова, Г. П. Толстопятенко «Юридические понятия и категории в английском языке: Учебное пособие», И. Г. Федотова, Г. П. Толстопятенко «Юридические понятия и категории в английском языке: Толковый словарь», И. Г. Федотова, Г. П. Толстопятенко, Н. В. Старосельская, И. В. Резник «Теория и практика устного и письменного юридического перевода».

Словарь [Дегтярева 2021] предназначен для лиц, изучающих юридический английский язык с помощью учебника International Legal English, Cambridge. Словарь состоит из 15 разделов, соответствующих главам учебника. Издание также включает алфавитный указатель, составленный по всей тематике учебника, что позволяет использовать его не только как учебное пособие, но и как универсальный справочник юридических терминов на английском языке.

Следует отдельно отметить современную юридическую онлайн терминографию, к которой относятся локальные глоссарии, содержащие юридическую терминологию, используемую на определенной англоязычной территории. Например:

▶ Glossary of Scottish Legal Terms // Grey and Co. Solicitors (Шотландия);

▶ Glossary of Legal Terms // United States Courts (США).

Полученные результаты:

1. Культурно-маркированная лексика в юридической терминографии имеет ссылки на местное законодательство и прецеденты (например: *Boddie v Connecticut, 401 U.S. 371, 91 S.Ct. 780(1971)*) в американских и британских изданиях, которые используются как вторичный источник права для судов;

2. данная лексика имеет соответствующие историко-территориальные пометы в переводных словарях (*амер., англ., в некоторых штатах США, в графстве Кент до 1925 г. и др.*) или указания в дефинициях.

Заключение

Таким образом, в качестве вывода следует отметить, что к современным тенденциям развития англо-английской и англо-русской юридической терминографии относятся *центростремительная* (унификация права, стандартизация терминологии, глобализация) и *центробежная* (сохранение локальной правовой культуры) тенденции. Данные тенденции находят свое отражение в наличии лексикографических маркеров (помет), фиксирующих центробежную тенденцию: сохранение историко-территориальных (культурных, локальных) помет для юридической терминологии. Данные пометы отличаются в общелитературных словарях, ориентированных на общую публику; в переводных словарях, адресованных переводчикам юридических текстов и в моноязычных англо-английских британских и американских изданиях юридических словарей, адресованных юристам (адвокатам, прокурорам, судьям и т.д.), использующим данные издания в том числе как вторичный источник англо-американского права.

Литература

1. Англо-русский и русско-английский юридический словарь / С.К.Левитан, С.В. Павлова, О.А. Одинцова; под ред. С.К.Левитана. М.: Проспект, 2020. – 512 с.
2. Англо-русский толковый словарь юридических понятий и категорий англо-американской правовой системы / И. Г. Федотова, Н. В. Старосельская, И. В. Резник; под ред. Г. П. Толстопятенко. М.: Титул, 2003. – 561с.
3. Англо-русский, русско-английский юридический словарь / В.А. Радовель; под ред. И. Жилияков. М.: Феникс, 2010. – 384 с.
4. Англо-русский словарь юридических терминов / Т.Д. Витлинская, Е.А. Дегтярева, Н.М. Головина; под ред. Е.А. Дегтяревой. – М.: Проспект, 2021 – 216 с.
5. Веденина Л.Г. Человек в лингвоэтнокультурном пространстве /Л.Г.Веденина. – М.: Языки русской культуры, 2017. – 664 с.
6. Григорьева Е.М. Культурно-маркированная лексика австралийского варианта английского языка в словарях различных типов. – Дис. ... канд. филол. н. – Н. Новгород, 2014. – 230 с.
7. Иконникова В.А. Возникновение и развитие культурного компонента в англоязычной юридической терминологии (на материале терминосистем Англии, Шотландии и США). Дис. ... доктора филол. наук. М. 2014. – 479 с.
8. Иконникова В.А. Лингвокультурологические исследования англоязычных отраслевых терминологий и современные технологии в лингвистике: монография / В.А. Иконникова, Ю.Б. Цверкун. М.: КноРус, 2021. – 188 с.
9. Карпова О. М. Английская лексикография. М.: Академия. 2010. – 176 с.
10. Лутцева М. В. Лексикографическое описание юридической терминологии в неспециальной сфере использования (лингвостатистическое исследование на материале произведений Дж. Гришема). – Дис. ... канд. филол. н. – Ярославль, 2008.
11. Ужова О. А. Лексикографическое отражение английской культуры в словарях английского языка. Историко-типологическое исследование: Дис. ... д-ра филол. наук. – Иваново, 2011.
12. The Rank Group PLC v The Commissioners for HM Revenue and Customs: [2019] UKUT 0100 (TCC) // URL: <https://www.gov.uk/tax-and-chancery-tribunal-decisions/the-rank-group-plc-v-the-commissioners-for-hm-revenue-and-customs-2019-ukut-0100-tcc> (date of reference: 02.12.21).

13. Watkins v Aged Merchant Seamen's Homes (2018) EWHC 2410 // URL: <https://www.casemine.com/judgement/uk/5cb02e822c94e02c1b892dd5> (date of reference: 02.12.21).
14. A Cultural Journey through the English Lexicon/ Ed. By R. Facchinetti. Cambridge. Cambridge Scholars Publishing, 2012. – 290 p.
15. Ballentine's Law Dictionary. Lexis and Nexis Uni, 1969 – 640p.
16. Barron's Law Dictionary (Barron's Legal Guides) // Barron's Educational Series, Inc, 2016. – 592 p.
17. Black's Law Dictionary/Bryan A. Garner, ed. // St. Paul: «West Group», 2014. – 890 p.
18. Bouvier's law dictionary and concise encyclopedia // Kansas City, Mo., Vernon Law Book Co.; St. Paul, Minn., West Pub. Co., 1914. - Vol. 1 "contains volume 1, pp. 1-1174 and volume 2, pp. 1175-1810," v. 2 "contains volume 2, pp. 1811-2284 and volume 3, pp. 2285-3504
19. 1839. // URL: https://wzukusers.storage.googleapis.com/user-32960741/documents/5ad525c314331myoR8FY/1856_bouvier_6.pdf (date of reference / дата обращения: 05.10.2021).
20. Dictionary of Law. Oxford University Press, 2018. – 768 p.
21. Dictionary of Law by Merriam-Webster. Merriam-Webster, Incorporated, 2016. – 634 p.
22. Elisa Mattiello. Translating the Lexicon of the Law: A Cross-linguistic Study of De Franchis's Law Dictionary //English Dictionaries as Cultural Mines/ Ed. By R. Facchinetti. Cambridge// Cambridge Scholars Publishing, 2012. – 264 p. (pp. 115-147).
23. Glossary of Scottish Legal Terms // Grey and Co. Solicitors. URL: <https://www.greyandcosolicitors.co.uk/glossary-of-scottish-legal-terms.asp> (date of reference /дата обращения: 05.10.2021).
24. Glossary of Legal Terms // United States Courts. URL: <https://www.uscourts.gov/glossary> (date of reference /дата обращения: 05.10.2021).
25. Jowitt's Dictionary of English Law. Sweet & Maxwell, 2019. – 2734 p.
26. Modern Dictionary for the Legal Profession/ Gerry W. Beyer. William s Hein & C, 2008 – 977 p.
27. Osborn's Concise Law Dictionary. Sweet & Maxwell, 2013. – 502 p.
28. The Longman Dictionary of Law// Longman Pub Group, 2011. – 528 p.
29. Stroud's Judicial Dictionary of Words & Phrases //Sweet & Maxwell, 2020 – 3087 p.
30. West's Words and Phrases // Thomson West, 2007. – 19 Volumes.
31. Words and phrases legally defined // LexisNexis Butterworths, 2018. – 752 p.

References

1. Anglo-russkij i russko-anglijskij juridicheski slovar' [English-Russian and Russian-English Law Dictionary] / S.K. Levitan, S.V. Pavlova, O.A. Odintsova; ed. S.K. Levitan. M. Prospekt, 2020. – 512 pp. (in Russian).
2. Anglo-russkij tolkovyj slovar' juridicheskich ponjatij i kategorij anglo-amerikanskoj pravovoj sistemy [English-Russian Dictionary of Legal Concepts and Categories of the Anglo-American Legal System] / I.G. Fedotova, N.V. Saroselskaya, I.V. Reznik; ed. G.P. Tostopyatenko. M.: Titul, 2003. – 516 pp. (in Russian).
3. Anglo-russkij, russko-anglijskij juridicheski slovar' [English-Russian and Russian-English Law Dictionary] / V.A. Radovel; ed. I. Zhilyakov. M: Feniks, 2010. – 384 pp. (in Russian).
4. Anglo-russkij slovar' juridicheskich terminov [English-Russian Dictionary of Legal Terms] / T.D. Vitlinskaya, E.A. Degtyareva, N.M. Golovina; ed. E.A. Degtyareva. – M.: Prospekt, 2021. – 216 pp. (in Russian).
5. Vedenina L.G. Chelovek v lingvojetnokul'turnom prostranstve [A Human Being in the Area of Language, Ethnos and Culture] / L.G. Vedenina. – M.: Jazyki russkoj kul'tury, 2017. – 664 pp. (in Russian).
6. Grigor'eva E.M. Kul'turno-markirovannaja leksika avstralijskogo varianta anglijskogo jazyka v slovarjah razlichnyh tipov. [Culturally marked vocabulary of the Australian variant of the English language in different types of dictionaries.]: – Dis. ... kand. filol. n. – N. Novgorod, 2014. – 230 pp. (in Russian).
7. Ikonnikova V.A. Vozniknovenie i razvitie kul'turnogo komponenta v anglojazychnoj juridicheskoj terminologii (na materiale terminosistem Anglii, Shotlandii i SSHA). [The Origin and development of the Cultural Component of the Anglo-American Law Terminology (on the material of the terminological systems of England, Scotland and the USA)]: Dis. ... doktora filol. nauk. M. 2014. – 479 pp. (in Russian).
8. Ikonnikova V.A. Lingvokul'turologicheskie issledovanija anglojazychnyh otraslevykh terminologij i sovremennye tehnologii v lingvistike: monografija [Linguistic and cultural research on Anglo-American terminologies and modern technologies in linguistics] / V.A. Ikonnikova, Ju.B. Cverkun. M.: KnoRus, 2021. – 188 pp. (in Russian).
9. Karpova O. M. Anglijskaja leksikografija. [English lexicography]. M.: Akademija. 2010. – 176 pp. (in Russian).
10. Lutceva M. V. Leksikograficheskoe opisanie juridicheskoj terminologii v nespecial'noj sfere ispol'zovanija (lingvostatisticheskoe issledovanie na materiale proizvedenij Dzh. Grishema). [A lexicographical description of the terminology of law in fiction texts (a linguo-statistic

- research on the material of John Grisham's novels]: – Dis. ... kand. filol. n. – Jaroslavl', 2008. (in Russian).
11. Uzhova O. A. Leksikograficheskoe otrazhenie anglijskoj kul'tury v slovarjah anglijskogo jazyka. Istoriko-tipologicheskoe issledovanie [The lexicographical reflection of the English culture in the dictionaries of the English language]: Dis. ... d-ra filol. nauk. – Ivanovo, 2011. (in Russian).
 12. The Rank Group PLC v The Commissioners for HM Revenue and Customs: [2019] UKUT 0100 (TCC) // URL: <https://www.gov.uk/tax-and-chancery-tribunal-decisions/the-rank-group-plc-v-the-commissioners-for-hm-revenue-and-customs-2019-ukut-0100-tcc> (date of reference: 02.12.21).
 13. Watkins v Aged Merchant Seamen's Homes (2018) EWHC 2410 // URL: <https://www.casemine.com/judgement/uk/5cb02e822c94e02c1b892dd5> (date of reference: 02.12.21).
 14. A Cultural Journey through the English Lexicon/ Ed. By R. Facchinetti. Cambridge. Cambridge Scholars Publishing, 2012. – 290 p.
 15. Ballentine's Law Dictionary. Lexis and Nexis Uni, 1969 – 640p.
 16. Barron's Law Dictionary (Barron's Legal Guides) // Barron's Educational Series, Inc, 2016. – 592 p.
 17. Black's Law Dictionary/Bryan A. Garner, ed. // St. Paul: «West Group», 2014. – 890 p.
 18. Bouvier's law dictionary and concise encyclopedia // Kansas City, Mo., Vernon Law Book Co.; St. Paul, Minn., West Pub. Co., 1914. - Vol. 1 "contains volume 1, pp. 1-1174 and volume 2, pp. 1175-1810," v. 2 "contains volume 2, pp. 1811-2284 and volume 3, pp. 2285-3504
 19. 1839. // URL: https://wzukusers.storage.googleapis.com/user-32960741/documents/5ad525c314331myoR8FY/1856_bouvier_6.pdf (date of reference / дата обращения: 05.10.2021).
 20. Dictionary of Law. Oxford University Press, 2018. – 768 p.
 21. Dictionary of Law by Merriam-Webster. Merriam-Webster, Incorporated, 2016. – 634 p.
 22. Elisa Mattiello. Translating the Lexicon of the Law: A Cross-linguistic Study of De Franchis's Law Dictionary //English Dictionaries as Cultural Mines/ Ed. By R. Facchinetti. Cambridge// Cambridge Scholars Publishing, 2012. – 264 p. (pp. 115-147).
 23. Glossary of Scottish Legal Terms // Grey and Co. Solicitors. URL: <https://www.greyandcosolicitors.co.uk/glossary-of-scottish-legal-terms.asp> (date of reference /дата обращения: 05.10.2021).
 24. Glossary of Legal Terms // United States Courts. URL: <https://www.uscourts.gov/glossary> (date of reference /дата обращения: 05.10.2021).

25. Jowitt's Dictionary of English Law. Sweet & Maxwell, 2019. – 2734 p.
26. Modern Dictionary for the Legal Profession/ Gerry W. Beyer. William s Hein & C, 2008 – 977 p.
27. Osborn's Concise Law Dictionary. Sweet & Maxwell, 2013. – 502 p.
28. The Longman Dictionary of Law// Longman Pub Group, 2011. – 528 p.
29. Stroud's Judicial Dictionary of Words & Phrases //Sweet & Maxwell, 2020 – 3087 p.
30. West's Words and Phrases // Thomson West, 2007. – 19 Volumes.
31. Words and phrases legally defined // LexisNexis Butterworths, 2018. – 752 p.

УДК 347.78.034

Лукин Дмитрий Сергеевич
Dmitrii Lukin
Губочкина Любовь Юрьевна
Gubochkina Lyubov

Некоторые особенности репрезентации неологизмов в англоязычном дискурсе (на материале романа Дж. Брандрета «Have You Eaten Grandma?»)

Some peculiarities of neologism representation in English discourse (based on the novel by G. Brandreth «Have You Eaten Grandma?»)

***Аннотация.** Статья посвящена анализу неологизмов в рамках англоязычной картины мира. Объектом исследования выступает роман английского писателя и журналиста Джэйлса Брандрета, занимающегося изучением феномена появления новых слов в языке. Целью исследования является сопоставление и классификация основных источников пополнения неологизмов английского языка. Новизна исследования определяется тем, что впервые проводится анализ двух классификаций неологизмов как в синхроническом, так и в диахроническом аспектах с позиции как переводоведческой мысли, так и в рамках литературоведческого подхода. В ходе исследования авторы рассматривают особенности возникновения и проявления новых форм слов, обладающих ярко-выраженной лингвокультурной языковой спецификой. В процессе анализа лексического материала поднимаются вопросы о допустимости эквивалентного перевода неологизмов, их сопоставлении с окказионализмами и возможностью поиска замен и/или адаптации с целью преодоления лингвокультурных барьеров в рамках межкультурной коммуникации. Статья позволяет ознакомиться с переводами данных*

лингвокультурных единиц на русский язык на основе широкого языкового материала. Рассматриваемая проблематика, по мнению авторов статьи, выходит за пределы только исследования языкового материала и может рассматриваться с учетом экстралингвистических факторов, важнейшими из которых следует считать широкий контекст и ситуативность высказывания. В статье аргументированно приводятся выводы о необходимости внести определенные уточнения и дополнения к классификации автора книги, которые позволяют говорить о неоднозначности и одновременно актуальности вопроса использования неологизмов как в современном английском языке, так и о возможности их передачи на русский язык.

Abstract. *This paper deals with the analysis of neologisms within the framework of the English-language picture of the world. The object of the research is the novel by the English writer and journalist Giles Brandrett, who for many years has been studying the phenomenon of emerging new words in the language. The aim of the study is to compare and classify the main sources of replenishment of neologisms in the English language. The novelty of the research is determined by the fact that for the first time an analysis of two classifications of neologisms both in synchronic and diachronic aspects from the standpoint of both translational thought and within the framework of the literary approach is carried out. In the course of the study, the authors examine the features of the emergence and manifestation of new forms of words with a pronounced linguocultural linguistic specificity. In the process of analyzing lexical material, questions about the admissibility of an equivalent translation of neologisms, their comparison with occasionalisms and the possibility of searching for replacements and / or adaptation in order to overcome linguocultural barriers in the framework of intercultural communication are raised. The paper allows to study the translations of these linguocultural units into Russian based on a wide linguistic material. The problem, according to the authors of the paper, goes beyond the scope of linguistic material and can be considered taking into account extralinguistic factors, the most important of which should be considered the wide context and situationality of the statement. The work gives reasoned conclusions about the need to make certain clarifications and additions to the classification of the author of the book, gives grounds for the ambiguity and at the relevance of using neologisms both in modern English and the possibility of their transfer into Russian as well.*

Key words: *cultural code, linguistic view of the world, discourse, neologisms, portmanteau*

Ключевые слова: *культурный код, языковая картина мира, дискурс, неологизмы, словосложение*

1. Введение

В статье изучается такой языковой феномен как неологизм на примере романа одного из ведущих журналистов британского телевидения Джэйлза Брандрета «Have You Eaten Grandma?», который в формате научно-популярного издания в нескольких параграфах книги под общим заголовком *Don't resist Change* рассматривает «новые слова» сквозь призму англоязычного представления о возникновении понятий и явлений в современном разговорном дискурсе британской языковой картины мира. Авторы статьи предлагают изучить появление неологизмов не только с общепринятых позиций, утвердившихся в отношении них в науке о языке, но и

сопоставить их с новым взглядом журналиста, посвятившего свою жизнь поиску и классификации новых слов.

2. Материалы и методы

Следует отметить, что книга, вышедшая одновременно в Великобритании, США и Канаде в 2018 году, до сих пор не получила достаточного освещения как в языкознании в целом, так и в переводоведении, в частности. Сложно не согласиться с Дж. Брандретом в том, что *language is power* (язык – это сила) [Перевод наш – Л.Д.]. Не менее бесспорным можно считать тот факт, что «many of new words are intriguing» – многие новые слова вызывают повышенный интерес [Перевод наш – Л.Д.].

В исследовании предлагаем классифицировать неологизмы не только с точки зрения переводческой практики, что, безусловно, важно для лучшего понимания определенных паттернов британской лингвокультуры читателю, но и с позиций актуализации некоторых «культурных кодов», присущих всем носителям англоязычного дискурса.

3. Обсуждение

Дж. Брандрет в течение многих лет ведет теле- и радиопередачи на BBC и является признанным экспертом в области одной из наиболее популярных языковых игр – Scrabble. В сферу его интересов входит поиск не просто новых слов, но и постоянное, систематическое расширение словарного запаса английского языка. Он выделяет несколько возможностей его пополнения. Так, Брандрет отмечает, что подавляющее большинство новых слов первое время невозможно встретить в словарях, их значение закреплено только в устном дискурсе говорящих: «People tend not to record a new word or usage until they feel it's reasonably well-established» [Brandreth 2018: 262]. – Люди не склонны фиксировать на письме новые слова до тех пор, пока для этого не будет существенных оснований» [Перевод наш – Л.Д.].

Таким образом, в первую группу следует включать окказиональную лексику, которая только со временем может «перейти в статус» неологизмов. К таким словам автор, например, относит прилагательное *presidentiable* – a person who is likely or confirmed candidate for president [Brandreth 2018: 262] –

вероятный или утвержденный кандидат на должность президента.

В политическом дискурсе слово появилось не позже 2014 года, когда в ходе многочисленных «предвыборных гонок» ни республиканцам, ни демократам не удавалось окончательно определиться с выдвиженцем от своих партий. Для описания неоднозначной ситуации в СМИ также активно применялось выражение *hot mess* (*mess* – беспорядок), что на русский язык можно перевести как *хаос*, *дурдом* и даже несколько вульгарно – *цирк*¹.

Во вторую группу неологизмов автор помещает лексические единицы, полученные в результате словосложения двух и более общеупотребительных в языке слов, так называемых слов-гибридов (*portmanteau* в книге). Фиксация в словаре в данном случае зависит не только от частотности использования тех или иных понятий в процессе коммуникации, но и от появления новых явлений и предметов, напрямую или опосредованно связанных со сферой их применения.

В частности, в последние несколько лет огромной популярностью стали пользоваться различные стриминговые платформы, позволяющие просматривать контент не только на телевизоре, но и посредством других медиа-устройств. Брендрет обратил внимание, что вместо слов *serials* (сериалы) и отдельные части фильмов (*episodes*) среди молодежи все чаще в лексике встречается слово *webisodes* – *a short video, which is presented online* (короткое видео, которое показано онлайн) [Brandreth 2018: 262].

В течение последних десяти лет понятие «веб-эпизод» практически вытеснило другие форматы, что обусловило его появление в Оксфордском словаре. Другим популярным словом в медиа-дискурсе становится обозначение нового жанра *biopic* (*байопик*) от сложения слов *biography* (*биография*) и *picture* (*картина, рисунок*). Так, Д. Бинэм в статье *The Lives and Times of Biopic*, посвященной популярному направлению в

¹ URL://www.multitran.com/m.exe?s=hot+mess&l1=2&l2=1 (access mode: 02.01.2022)

киноиндустрии, отмечает: «Biopic often combines dramatic and biography modes – *байопик* часто содержит как элементы драмы, так и биографического описания [Bingham 2013: 232].

Следовательно, появление данного слова было вызвано объективным интересом зрителей к просмотру кинокартин, представляющих «смешение» нескольких жанров. Любопытно, что «под объединение» попали даже звёзды американского шоу-бизнеса. Так, одну из самых красивых пар Голливуда, Анджелину Джоли и Бреда Питта, британцы иронично прозвали *Brangelina* (*Brad and Angelina*). Еще одним словом, также известным широкому кругу британских зрителей, стало *Bruiceploitation*, образованное при помощи объединения имени *Bruce* и существительного *exploitation* (*эксплуатация*). Понятие возникло сразу после смерти известного американского и южнокорейского актера Брюса Ли, когда режиссеры стали активно пользоваться его именем и образом с целью продвижения картин в мировом кинопрокате.

В сфере политики автор отмечает слово *tenderpreneur* – *a person who uses his political connections to secure government contracts and tenders for personal advantage* [Brandreth 2018: 261], *тендерпренёр* – человек, использующий свои политические связи для обеспечения проведения успешных контактов и тендеров, заключаемых правительством, в личных целях [Перевод наш – Л.Д.]. Слово активно используется в странах Африки со слабо развитыми институтами демократии и свободных выборов.

Дж. Брандрет также особо выделяет неологизмы, образованные при помощи сложения нейтральных по значению слов. Например, *banker* (*банкир*) в сочетании с устаревшим *gangster* (*гангстер*) образует слово *bankster* (*банкир-бандит*), *black* (*черный*) и *accent* (*акцент*) – *blaccent* (*язык, на котором говорят «белые», стараясь в произношении походить на «темнокожих»*) [Brandreth 2018: 262].

Также в данную группу слов следует включить лексику кулинарии и моды [Brandreth 2018: 264]. Одним из наиболее популярных у британцев пирогов считается *banoffee pie* (*банановый пай со сгущенным молоком и карамелью*). Слово происходит от *banana* (*банан*) и *toffee* (*ириска*). В мультикультурной Великобритании одним из наиболее

популярных женских костюмов для плавания считается *буркини* (*burka* – *паранджа* и *bikini* – *бикини*), поскольку в стране проживает несколько миллионов мусульман [Brandreth 2018: 264].

В некоторых случаях появление новых слов обусловлено интеллектуальным подъемом молодого поколения британцев. Такие слова, как *youthquake* (*youth* – молодежь и *earthquake* – землетрясение), обозначающее резкий скачок открытий в самых разных областях знания преимущественно лицами, не достигшими 18-летнего возраста или *brainiac* (*brain* – мозг и *maniac* – маньяк) четко дают понять людям старшего поколения, что молодежь вполне отвечает современным вызовам как со стороны общества, так и государства.

В третью группу Брандрет определяет те слова, которые приобрели совершенно иное значение со временем и, по выражению Брандрета, «его бабушка не поняла бы ни одно из них» [Brandreth 2018: 264]. В первую очередь, автор отмечает вульгарное на сегодняшний день (в ряде стран) слово *gay* (*гомосексуалист*). Тем не менее, еще в 1960-х годах слово обладало значением «*light-hearted*» (*легкомысленный*) и *carefree* (*беззаботный*) [электронный ресурс]. Неоднозначными по значению и сфере применения на сегодняшний день следует считать и такие общеупотребимые слова, как *ill* (*больной*) или даже имя *Charlie* (*Чарли*), в ряде случаев приобретающие новый, сленговый подтекст [Brandreth 2018: 265].

В первом случае автор книги отмечает и другие значения *ill* как «чрезвычайно-популярные» в британском социуме – *sweet* (милый), *cool* (клёвый) и даже *tight* (крутой). Второе слово стало обладать пометой «сниженная лексика» и используется как слэнгизм в значении *cocaine* (*кокаин*)¹. Как отмечает Э. Береговская, сленгизмы зачастую непонятны людям других возрастных категорий [Береговская 1996: 34], что приводит к недопониманию между представителями не только различных культур, но и возрастных групп.

¹ URL://www.urbandictionary.com/define.php?term=Charlie (access mode: 08.01.2022)

Таким образом, по мнению авторов, появление неологизмов в английском языке носит синхронический характер и зависит главным образом от трех основных факторов:

1. слово должно обладать окказиональным статусом и не иметь словарной дефиниции;
2. словосложение рассматривается как одно из важнейших механизмов пополнения словарного состава языка;
3. семантическая наполняемость лексемы напрямую зависит от степени узнаваемости и частотности использования понятия в обществе.

Полагаем, что вышеприведенную классификацию можно считать обоснованной, но требующей уточнения. В частности, следует отметить одну из наиболее полных работ, посвященных вопросу образования новых слов, написанную в 2013 году Юлией Гонцаровой (Julia Gontsarova) за пять лет до публикаций Брандрета. Она выделяет семь типов образования новых слов в английском языке: словосложение, слово-гибрид (*portmanteau* у Брандрета), аффиксация, изменение части речи, сокращение, звукоподражание, обратная деривация и повтор слова. Несмотря на отсутствие окказионального аспекта в классификации, обратим внимание на морфемный и фонетический подход к появлению неологизмов. Так, Ю. Гонцарова подчеркивает важность диахронического образования слов, принадлежащих к разным частям речи, при помощи таких суффиксов и префиксов, как *-er (worker)*, *-less (sleepless)*, *-age (village)* и т.д. Звукоподражание как фактор неологизации речи, по мнению автора исследования, характерно для слов, которые по звучанию имитируют звуки природы. Например, *buzz* – жужжать (жужжание пчелы или шмеля), *cuckoo* – кукушка (созвучное *ку-ку*) или *tew* (близко по звучанию к *мяу*). Редупликацию также можно считать крайне продуктивным способом пополнения словарного запаса английского языка. Причем возможна как полная, так и частичная редупликация, например: *bye-bye* (пока-пока), *walkie – talkie* (карманное радио) и *chi-chi* (шикарно выглядящая женщина) и т.д. [Gontsarova 2013: 18].

4. Заключение

Таким образом, в ходе проведенного исследования определяем, что процесс появления новых слов в английском

языке продолжается, причем за последние несколько лет увеличение частотности применения различных неологизмов было обусловлено рядом экстралингвистических факторов, среди которых следует выделить вульгаризацию и компьютеризацию языкового дискурса. Необходимо отметить тот факт, что наряду с семантическими изменениями значений слов всё более значимую роль играют лексико-грамматические и фонетические способы неологизации языка. Анализ неологизмов в рамках вышеуказанных классификаций позволяет увидеть и структурировать основные способы передачи данных лингвокультурных феноменов с английского языка на русский как в диахроническом, так и синхроническом аспектах, среди которых наиболее продуктивными следует считать аффиксацию, звукоподражание и словосложение. При этом окказиональность рассматривается как один из важнейших факторов пополнения языка. Тем не менее, несмотря на схожесть обеих классификаций, для отечественного читателя многие слова и выражения требуют переводческого комментария, что указывает на несовпадение «лингвокультурных кодов» британской и российской языковых картин мира.

В этом отношении особого внимания заслуживают вопросы актуализации неологизмов в рамках сравнительно-сопоставительного анализа переводов данных лингвокультурных феноменов.

Литература

1. Береговская Э.М. Молодежный сленг: формирование и функционирование // Вопросы языкознания. 1996. № 3. С. 32-41.
2. Bingham D. The Lives and Times of the Biopic. John Wiley & Sons. NJ. Rutgers University Press. P. 233 – 254.
3. Brandreth G. Have You Eaten Grandma. Penguin. UK. 311 p.
4. Gontsarova J. Neologisms in modern English: study of word-formation processes. Narva, 2013. 37 p.
5. Multitran [Электронный ресурс] URL: <https://www.multitran.com/> (дата обращения: 02.01. 2022)
6. Urban Dictionary [Электронный ресурс] URL: <https://www.urbandictionary.com/> (дата обращения 02.01.2022)

References

1. Beregovskaya E.M. Youth slang: formation and functioning // Questions of linguistics. 1996. No. 3. S. 32-41.
2. Bingham D. The Lives and Times of the Biopic. John Wiley & Sons. NJ. Rutgers University Press. P. 233 – 254.
3. Brandreth G. Have You Eaten Grandma. Penguin. UK. 311 p.
4. Gontsarova J. Neologisms in modern English: study of word-formation processes. Narva, 2013. – 37 p.
5. Multitran [Electronic resource] URL: <https://www.multitran.com/> (access mode: 02.01.2022)
6. Urban Dictionary [Electronic resource] URL: <https://www.urbandictionary.com/> (access mode: 08.01.2022)

УДК 81.33

Маник Светлана Андреевна
Svetlana Manik

Англоязычная лексикография в эпоху цифровых трансформаций: от картотеки к корпусу

English lexicography in the era of digital transformations: from catalogue to corpus

***Аннотация.** Англоязычная лексикография претерпевает значительные изменения в эпоху цифровых технологий. Она представляет собой информационно-коммуникационную инфраструктуру современного общества. Актуальность работы детерминируется необходимостью описания и рассмотрения основных трендов англоязычной лексикографии в данный период ее стремительного развития. Новизна исследования обусловлена констатацией ее достижений, выделением известных практик составления словарей и дальнейших перспектив лексикографирования больших данных, а также **материалом** и совокупностью применяемых **методов**. Целью настоящего исследования является рассмотрение основных трендов англоязычной лексикографии в эпоху цифровизации, констатация ее достижений и перспектив на примере трансформации от первых словарей английского языка до современных словарных генераторов, массивных электронных и онлайн корпусов письменных и устных текстов.*

*В результате исследования автор делает следующие **выводы**:*

1. Современная англоязычная лексикография в полной мере использует преимущества цифровой эпохи, что позволяет ей выдерживать конкуренцию с поисковыми системами сети Интернет. Возможности компьютерных программ довольно разнообразны и даже привычный поиск информации может осуществляться по разным параметрам.

2. Смена лексикографической парадигмы приводит к тому, что в будущем при составлении словаря важно учитывать три стороны: лексикограф, компьютер и волонтер-пользователь.

3. Вызовы, стоящие перед лексикографами в новом тысячелетии, можно сформулировать как: построение и обеспечение новой инфраструктуры и новых услуг (не только информационных, но также развлекательных); поиски финансирования и обеспечение долгосрочности проекта, гарантии для пользователя, что проект/словарь останется в сети, не исчезнет, будет долгосрочным, обновляемым, функциональным.

4. Перспективы развития англоязычной лексикографии заключаются в разработке большего количества электронной индивидуализированной справочной литературы со встроенными корпусами, что позволит пользователям, имеющим минимальный опыт работы с подобными технологиями, благодаря интуитивно понятному интерфейсу, самостоятельно анализировать корпусные данные.

Abstract. English lexicography has been experiencing great changes in the era of digital technologies. It constitutes an information and communication infrastructure of the contemporary society. The significance of the research is determined by the necessity to consider and describe major trends of English lexicography in the given period of its rapid development. The paper is up-to-date since it states achievements of English lexicography, distinguishes existing practices of dictionary making and further prospects of lexicographic description of big data. The aim of the research is to examine major trends of English lexicography in the era of digitalization, to state its achievements and prospects exemplifying by the transformations from the first dictionaries of the English language to the modern dictionary generators, massive electronic and online corpora of written and oral texts.

The author has come to the following conclusions:

1. Contemporary English lexicography makes a full use of the advantages of digital era to compete the Internet search engines. Capabilities of computer software are rather diverse and even a simple search of information may be carried out according to various parameters.

2. The change of lexicographic paradigm results in the fact that while compiling a dictionary it is necessary to consider three parties: lexicographer, computer (artificial intelligence) and user-volunteer.

3. Challenges the lexicography is facing in a new millennial may be stated as follows: to build and maintain new infrastructure and new services (not only informative, but entertaining as well); search of financing and provision of a project longevity, guarantees for users that a dictionary remains in the net, will be lasting, updated and functional.

4. Prospects of English lexicography lie in development of a big number of electronic and personalized reference books with embedded corpora in them to allow for a user with little experience to work and independently analyze corpus data due to a user-friendly interface.

Ключевые слова: англоязычная лексикография, корпус, словарный генератор, информационно-коммуникационная инфраструктура

Key words: English lexicography, corpus, dictionary generator, information and communication infrastructure

Введение

Новое тысячелетие представляет собой эпоху данных значительного объёма (*big data*), которые при помощи искусственного интеллекта и прорывных информационных технологий возможно собирать, обрабатывать, хранить, передавать и синтезировать на этой основе новый контент. Компьютеризация, безусловно, вносит существенный вклад в

процессы анализа сведений. Различное программное обеспечение широко используется во многих областях, в том числе в лексикографической науке, тем самым значительно облегчая и оптимизируя работу лексикографов.

Лексикография за многовековой период своего развития вышла за рамки раздела языкознания, который занимается вопросами, в основном, составления и изучения словарей. Уже в конце прошлого столетия известный британский лексикограф Т. МакАртур в книге «*Worlds of Reference*» отмечал факт перерастания лексикографии в более широкую область знания – *reference science* [McArthur 1986], т.е. в справочно-информационную науку. Традиционный образ словаря из книги в печатной форме трансформировался в информационно-справочное пособие (*reference book*), как правило, в онлайн формате, в котором пользователь может найти различную информацию (лингвистическую, энциклопедическую, прагматическую, узкоспециальную, культурологическую и т.п.). Лексикография осуществляет анализ большого количества языкового материала, опираясь на теоретические постулаты, составляет емкое, компактное, но вместе с тем высококачественное знание о словах на благо всего языкового сообщества. Таким образом, возможно заключить, что лексикография представляет собой науку, основывающуюся на фактических данных (*evidence-based lexicography*).

В современном мире роль и место лексикографической науки значительно изменились. Нельзя не согласиться с В.В. Гончаровой, которая справедливо отмечает, что лексикография, как и библиография, представляет собой «информационно-коммуникационную инфраструктуру современного общества. Им присущи общие социально-культурные функции: фиксация, систематизация, сохранение, поиск, оценка семантической информации с целью удовлетворения текущих информационных потребностей и передачи культурного наследия из поколения в поколение» [Гончарова 2021: 19].

Огромные потоки информации ставят перед человеком новые задачи в XXI веке. Т. МакАртур подчеркивает, что изменение концептуального понимания в настоящее время происходит настолько стремительно, что мы вынуждены в

значительной степени подстраивать образ мышления под наши новые цифровые инструменты и то, что ими создается, а инновационные способы «контейнеризации» информации (*containerizing information*) [McArthur 1986], иными словами систематизации или сегментирования информации, играют главную роль. Таким образом, развитие информационных технологий способствовало созданию, введению и совершенствованию способов хранения и передачи информации. Словари, в свою очередь, по-прежнему служат источником нормы, с одной стороны, а также систематизируют и фиксируют разнообразные значения и контексты употребления слов, с другой стороны. Поэтому они справедливо являются справочными ресурсами.

Целью настоящего исследования является рассмотрение основных трендов англоязычной лексикографии в эпоху цифровизации, констатация ее достижений и перспектив на примере трансформации от первых словарей английского языка до современных словарных генераторов, массивных электронных и онлайн корпусов письменных и устных текстов.

Основная часть

Подходы классической лексикографии

Традиции всестороннего и системного описания лексического материала уходят корнями в XVII-XVIII века, когда впервые начали создаваться сначала глоссарии, списки слов (*wordbooks*), словари «трудных» слов (*dictionaries of hard words*), а затем словарные издания национального английского языка вслед за переводными словарями XVI века, служившими, главным образом, учебным целям (латино-английский словарь *The Dictionary of Syr Thomas Eliot Knyght* (1538); француско-английский словарь *Claudius Hollyband's Dictionarie French and English* (1593); итальяно-английский словарь *John Florio's Italian-English Worlde of Wordes* (1598)). Первым одноязычным словарем английского языка считается справочник Р. Кодрея (Robert Cawdrey) *Table Alphabeticall*, опубликованный в 1604 г. В корпусе зарегистрировано около 3000 «трудных» слов с кратким объяснением, которые вошли в английский с развитием торговли, промышленности и не были знакомы широкой аудитории. Д.Консидин в монографии описывает историю появления

последующих справочников *John Bullokar's English Expositor* (1616), *Henry Cockeram's English Dictionary* (1623), *Thomas Blount's Glossographia* (1656), *Edward Phillip's New World of English Words* (1658), *Elisha Coles's English Dictionary* (1676) и др., которые оказали влияние на становление англоязычной лексикографии [Considine 2019]. Все данные издания фиксировали трудные слова в известной педагогической (предписывающей) традиции, именно они детерминировали появление словарей новой эпохи, описывающих весь язык (=словарей для общих целей).

С. Джонсон при работе над словарем, известным позднее как *Dictionary of the English Language*, самым известным словарем в истории лексикографии, для иллюстрации значения описываемого слова вместе с шестью помощниками обрабатывал тексты художественной литературы и выписывал примеры. В общей сложности ученый включил в корпус 114000 цитат, отобранных из литературных источников XVI века и обработанных согласно собственным художественным и политическим предпочтениям. Впервые акцент был сделан не только на значение, но также на правильную орфографию и грамматику английского языка. Карточки, последовательно систематизировавшие данные в виде глоссариев, постепенно формировались в бумажные картотеки, что требовало много времени, да и поиск информации в них также был времязатратным. Появление машинописи способствовало тому, что на смену рукописному написанию пришёл книгопечатный способ, который вывел лексикографический процесс на новый уровень. За почти четыре века лексикография прошла длинный путь технологического развития от ручной обработки данных, написания специальных карточек и глоссариев до словарных генераторов [Dictionary.com; the Free Dictionary; Wordnik.com] и миллиардных компьютеризированных лингвистических корпусов [COCA; BNC; iWeb; News on the Web; SketchEngine и т.п.].

Важно подчеркнуть, что несмотря на доступные в то время технические возможности работы с информацией, многое по-прежнему опиралось на интуицию лексикографа и его личные предпочтения относительно необходимости (не)включения той

или иной лексической единицы в словарь, на личный опыт и знания ученого. Однако постепенно от многолетней предписывающей практики словари перешли к новым идеалам, что было продиктовано временем: от описания того, как нужно говорить, к тому, как носители языка говорят на самом деле. «Дескриптивная революция» (*descriptive revolution*) с целью усовершенствования способов описания лексической единицы сделала возможным введение новых информационных категорий (например, аудиозапись транскрипции, видео материалы, гиперссылки, инфографику и т.п.) в макро- и микроструктуре словаря, виртуальные подсказки при поиске, вовлечение пользователя в процесс обсуждения слова и создания словарного продукта и др.

Цифровизация англоязычной лексикографии

Потребность в наблюдениях за речью носителей языка и ее фиксации явилась предпосылкой к созданию специальных электронных коллекций языкового материала, отражающих реальное словоупотребление в разных ситуациях и сферах коммуникации. Лингвистические электронные корпуса строятся по принципу конкорданса, который, как отмечает О.М. Карпова, заимствован составителями из лексикографической формы конкорданса, с которой начиналась английская писательская лексикография, где за многовековую историю создано более ста печатных и электронных конкордансов к произведениям английских писателей [Карпова 2021]. В этой связи стали создаваться корпуса сначала письменных текстов художественной литературы, средств массовой информации, потом корпуса звучащей речи, например, корпус Лондонского диалекта, телевизионный корпус, корпус кинофильмов, корпус заседаний Верховного суда и т.п. А в настоящее время исследователи анализируют корпуса, комбинирующие как устные, так и письменные тексты.

Представляется важным акцентировать внимание на значительном разнообразии корпусов английского языка. Кроме репрезентативных и сбалансированных корпусов национального языка, доступных онлайн, в которых на основе впечатляющего объёма данных становится возможным изучать лексический пласт во всём его многообразии как в синхроническом, так и в

диахроническом аспектах, а также создавать новые словари [English Corpora], известно много проектов более узких и специальных баз данных, создаваемых в соответствии с определённой целью и задачами исследования, которые определяют критерии выборки материала. Так, существуют специальные тематические корпуса (например, политических речей, газетные, мыльных опер, корпус ковида и т.п.), учебные корпуса, многоязычные корпуса, параллельные корпуса, web-корпуса (т.е. основанные только на онлайн текстах), диалектологические корпуса, сравнительные корпуса, корпуса устных текстов, синтаксические корпуса, акцентологические корпуса, мультимедийные корпуса и т.п. Если раньше корпус воспринимался в основном как источник для фундаментальных исследований, поскольку доступ к нему, как правило, имели только учёные, то в настоящее время создание корпусов, в частности узких корпусов, становится всё более доступным практически для любого пользователя (например, *AntConc* на Laurence Anthony's Website) [AntConc]. Появляется много новых корпусов, крупных, репрезентативных и небольших, ни одно лингвистическое исследование не обходится без компилирования рабочего корпуса.

Современная англоязычная лексикография в полной мере использует преимущества цифровой эпохи, что позволяет ей выдерживать конкуренцию с поисковыми системами сети Интернет. Возможности компьютерных программ довольно разнообразны и даже привычный поиск информации может осуществляться по разным параметрам, что было недоступно в доцифровую эпоху: поиск по лемме, по словоформе, запрос по словосочетанию, поиск по символам (по последовательности символов), поиск по аффиксам, поиск по словам с орфографическими ошибками, запрос с описанием (обратные словари, например, *Reverse Dictionary*; *OneLook Reverse Dictionary*) или ассоциативным рядом слов (ассоциативные словари, например, *Word Associations Network*). Большой список задач, с которыми успешно справляются современные информационно-коммуникационные технологии, вдохновляет исследователей на создание новых технических возможностей для словарных проектов. В рамках прикладной и корпусной

лингвистики активно разрабатываются более совершенные функции и инструменты, позволяющие лексикографам автоматически извлекать необходимую информацию, обрабатывать её, получать статистические данные в соответствии с поисковыми запросами по корпусу, а также адаптировать презентацию языкового материала под запрос конкретного пользователя (онлайн, в социальных сетях, на мобильных устройствах в качестве приложений и т.п.). Если в XIX веке словарные проекты создавались филологами, представителями академического научного сообщества для себе подобных (ученых, преподавателей, студентов) в качестве памятников национального культурного достояния, то в XXI веке роль и место словаря в обществе, как отмечалось ранее, поменялось. Сейчас словари являются частью цифровой инфраструктуры, которая обслуживает огромное и очень разнообразное языковое сообщество. Поэтому одной из прикладных задач лексикографии является процесс автоматизированной адаптации микроструктуры под ожидания определенного читателя. Важно учитывать, что словари предоставляют данные, которые находятся в свободном публичном доступе, являются некими централизованными хранилищами. В этой связи специализация, многофункциональность, актуальность и быстрота осуществления запроса играют ключевую роль. На наш взгляд, вызовы, стоящие перед лексикографами в новом тысячелетии, можно сформулировать как: построение и обеспечение новой инфраструктуры и новых услуг (не только информационных, но также развлекательных); поиски финансирования и обеспечение долгосрочности проекта, гарантии для пользователя, что проект/словарь останется в сети, не исчезнет, будет долгосрочным, обновляемым, функциональным.

Начало XXI века ознаменовалось антропоцентричностью лексикографии, когда изучение профиля пользователя (*user's profile*), т.е. запросов и ожиданий человека от словаря, было первостепенным. Словарь стал более персонифицированным изданием. Этот аспект связан с макроструктурной доступностью (*macrostructural accessibility*), процессом извлечения данных (*information retrieval*) и доступностью/легкостью или «дружелюбностью» справочника (*user-friendliness*). Вместе с тем

пользователь стал активным участником лексикографического процесса, поэтому оформились такие направления как партнерская лексикография (*collaborative lexicography*), волонтерская лексикография (*volunteer lexicography*).

Заключение

Представляется, что смена лексикографической парадигмы приводит к тому, что в будущем при составлении словаря важно учитывать три стороны: лексикограф, компьютер и волонтер-пользователь. Необходимо найти самый эффективный способ их взаимодействия, поскольку каждый из этих участников имеет свои сильные стороны. Творческое начало лексикографа, его знания и систематизацию, структурирование данных, проверку качества, надежности и достоверности лингвистических данных невозможно заменить. Компьютерные технологии/искусственный интеллект дают возможность хранить и обрабатывать значительные объемы данных, автоматизировать (частично или полностью) ряд лексикографических процессов на этапе работы с корпусами, пост редактирования для снятия неоднозначности (*disambiguity*): морфологической, синтаксической, семантической и т.п. Пользователь- волонтер предоставляет данные, неологизмы, профессионализмы и т.п., которые отражают предпочтения и интересы читателей.

Таким образом, перспективы развития англоязычной лексикографии, по нашему мнению, заключаются в разработке большего количества находящейся в свободном доступе электронной индивидуализированной справочной литературы со встроенными корпусами. Она позволит пользователям, имеющим минимальный опыт работы с подобными технологиями, благодаря интуитивно понятному интерфейсу, самостоятельно анализировать корпусные данные, расширяя для себя информацию, представленную в словарях, справочниках, учебных пособиях или иных онлайн генераторах.

Литература

1. Гончарова В.В. Лексикографические информационные ресурсы в справочно-библиографическом обслуживании: диссертация ... доктора педагогических наук: 05.25.03 / ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный институт культуры», 2021. – 513 с.

2. Карпова О.М. Английская лексикография в цифровую эпоху // Современная германистика и западноевропейская литература (= Modern Germanic Philology and West-European Literature): коллективная монография. Вып. 3 / отв. ред. А.В. Иванов. – М.: ФЛИНТА, 2021. – С. 208-229.
3. AntConc. – URL: <https://www.laurenceanthony.net/software/antconc/> (дата обращения 30.12.2021).
4. British National Corpus. – URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения 30.12.2021).
5. Corpus of Contemporary American English. – URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (дата обращения 30.12.2021).
6. Dictionary.com. – URL: <https://www.dictionary.com/> (дата обращения 30.12.2021).
7. English Corpora. – URL: <https://www.english-corpora.org> (дата обращения 30.12.2021).
8. Free Dictionary. – URL: <https://www.thefreedictionary.com/> (дата обращения 30.12.2021).
9. iWeb. – URL: <https://www.english-corpora.org/iweb/> (дата обращения 30.12.2021).
10. McArthur T. Worlds of Reference. – Cambridge: Cambridge University Press, 1986. – 224 p.
11. OneLook Reverse Dictionary. – URL: <https://www.onelook.com/reverse-dictionary.shtml> (дата обращения 30.12.2021).
12. Reverse Dictionary. – URL: <https://reversedictionary.org/> (дата обращения 30.12.2021).
13. SketchEngine. – URL: <https://www.sketchengine.eu/> (дата обращения 30.12.2021).
14. The Cambridge World History of Lexicography / J. Considine (ed.). – Cambridge: Cambridge University Press, 2019. – 962 p.
15. Word Associations Network. – URL: <https://wordassociations.net/en> (дата обращения 30.12.2021).
16. Wordnik. – URL: <https://www.wordnik.com/> (дата обращения 30.12.2021).

References

1. Goncharova V.V. Leksikograficheskie informacionnye resursy v spravочно-bibliograficheskom obsluzhivanii [Lexicographic information resources in reference service]: dissertacija ... doktora pedagogicheskikh nauk: 05.25.03 / FGBOU VO «Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj institut kul'tury», 2021. – 513 p. (in Russian)

2. Karpova O.M. Anglijskaja leksikografija v cifrovuju jepohu [English Lexicography in digital epoch] // *Sovremennaja germanistika i zapadnoevropejskaja literatura (= Modern Germanic Philology and West-European Literature): kolektivnaja monografija. Vyp. 3 / otv. red. A.V. Ivanov. – M.: FLINTA, 2021. – Pp. 208-229. (in Russian)*
3. AntConc. – URL: <https://www.laurenceanthony.net/software/antconc/> (дата обращения 30.12.2021).
4. British National Corpus. – URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения 30.12.2021).
5. Corpus of Contemporary American English. – URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (дата обращения 30.12.2021).
6. Dictionary.com. – URL: <https://www.dictionary.com/> (дата обращения 30.12.2021).
7. English Corpora. – URL: <https://www.english-corpora.org> (дата обращения 30.12.2021).
8. Free Dictionary. – URL: <https://www.thefreedictionary.com/> (дата обращения 30.12.2021).
9. iWeb. – URL: <https://www.english-corpora.org/iweb/> (дата обращения 30.12.2021).
10. McArthur T. *Worlds of Reference*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1986. – 224 p.
11. OneLook Reverse Dictionary. – URL: <https://www.onelook.com/reverse-dictionary.shtml> (дата обращения 30.12.2021).
12. Reverse Dictionary. – URL: <https://reversedictionary.org/> (дата обращения 30.12.2021).
13. SketchEngine. – URL: <https://www.sketchengine.eu/> (дата обращения 30.12.2021).
14. *The Cambridge World History of Lexicography* / J. Considine (ed.). – Cambridge: Cambridge University Press, 2019. – 962 p.
15. Word Associations Network. – URL: <https://wordassociations.net/en> (дата обращения 30.12.2021).
16. Wordnik. – URL: <https://www.wordnik.com/> (дата обращения 30.12.2021).

УДК 81

Шарифуллина Эльвира Альбертовна
Elvira Sharifullina

**Снятия лексико-семантической омонимии слова *view*:
корпусный подход**

**Word-sense disambiguation of the word ‘view’: corpus-driven
approach**

***Аннотация.** Представленное исследование посвящено описанию многозначного существительного английского языка *view* и имеет в своей основе классический подход к многозначности, в рамках которого разные значения слова рассматриваются как связанные семантико-синтаксическими отношениями элементы структуры слова. На основе последовательного анализа грамматических моделей и семантической классификации окружения существительного *view* автор исследует особенности и ограничения сочетаемости слова, предлагая алгоритм снятия многозначности или «правила выбора значения слова». Авторский корпус – 255266 словоформ *view* (6773) / *views* (1994) – содержит тексты художественного, публицистического и делового дискурсов, источниками которых послужили параллельный подкорпус НКРЯ (10641), COCA (181948), iWeb (259) и BNC (49727). Результаты исследования могут быть использованы для решения проблемы снятия лексико-семантической омонимии других лексем, а также в лексикографической практике.*

***Abstract.** The present study is devoted to the description of the English polysemantic noun *view* and is based on the classical approach to polysemy, in which different senses of a word are considered as elements of the word structure connected by semantic-syntactic relations. Based on a consistent analysis of grammatical models and semantic classification of the context of the noun ‘view’, the author explores features and limitations of the word distribution, proposing an algorithm for disambiguation or “rules for defining word senses”. The author’s corpus – 255266 tokens of *view* (6773) / *views* (1994) – contains fiction texts, publicist and business discourses, sourced from the parallel subcorpus of National Corpus of Russian (10641), COCA (181948), iWeb (259) and BNC (49727). The results of the study can be employed for development of disambiguation theory and tools as well as in lexicographic practice.*

***Ключевые слова:** омонимия, лексема *view*, корпусный подход, контекст, синтаксическая модель*

***Keywords:** homonymy, *view* lexeme, corpus-driven approach, context, syntactic model*

Введение

Неоднозначные слова представляют серьезную проблему при решении многих исследовательских задач, но в первую очередь – при поиске информации и обработке естественного языка (NLP, Natural language processing) [см. Weiss 1973]. В современном прикладном языкознании общепринятой является идея, что неоднозначность слов является причиной низкого

качества систем извлечения информации (Information Retrieval) и автоматизации семантического анализа. Именно поэтому проблеме снятия неоднозначности и поиску соответствующих алгоритмов посвящено немало работ отечественных и зарубежных исследователей. Традиционный подход к проблеме снятия лексико-семантической омонимии (word-sense disambiguation) предполагает создание корпуса семантически размеченных текстов и так называемых «поверхностных фильтров» или «жестких правил-шаблонов» [Weiss 1973, Hirst 1986; Ide, Veronis 2002; Stevenson 2003 и др.]. Общеизвестно, что эти правила дают наибольшую точность результатов, но одновременно считаются и наиболее трудоемкими [Кобрицов, Ляшевская, Толдова 2001].

Представленное исследование посвящено выявлению достаточного минимального контекста лексемы view для определения лексико-семантического варианта в глагольных моделях.

Проблема неоднозначности

Неоднозначность как абстрактная категория и инвариант многозначности, полисемии и омонимии реализуется в одном из трех вариантов: лексическая неоднозначность, синтаксическая и контекстуальная неоднозначность [Зализняк 2013: 18]. При этом полисемия традиционно трактуется как лексическая многозначность, т.е. наличие нескольких лексико-семантических вариантов (далее ЛСВ) или значений одного слова, а сам термин «полисемия» используется при наличии разных значений в лексикографических источниках. Что касается термина «многозначность», то он традиционно используется как синоним полисемии. Однако если полисемия есть реализация парадигматических отношений, то многозначность, с одной стороны, описывает объективацию синтагматических отношений, а с другой стороны, «одновременную реализацию у той или иной языковой единицы, двух (или более) значений» [Зализняк 2004]. Омонимия рассматривается как формальное совпадение языковых единиц, не имеющих в своих значениях «ничего общего» [Апресян 1971]. В контексте представляемого исследования мы разграничиваем языковую и речевую неоднозначность. Первая трактуется как способность слова

обладать разными значениями, а речевая неоднозначность определяется как объективация указанной способности языковой единицы [Winter-Froemel, Zirker 2015].

Материал и методы

В представленной работе анализу подвергается исключительно лексическая неоднозначность на материале авторского корпуса текстов COCA, BNC, iWeb и параллельного подкорпуса НКРЯ. Общий объем корпуса составил 255266 словоупотреблений.

В качестве иллюстрации выбрано имя существительное английского языка **view**. Современные словари английского языка фиксируют следующие ЛСВ изучаемого слова: ЛСВ 1. An inspection of things for sale by prospective purchasers, especially of works of art at an exhibition, an occasion when a video is watched online, наблюдение, осмотр, доступ публики ограничен, доступ закрыт, в закрытом помещении¹ (OALD, ODO, LDOCE); ЛСВ 2. The ability to see something or to be seen from a particular place, возможность видеть что-либо или быть увиденным с определенного места, обзор (OALD, CDO, ODO, LDOCE); ЛСВ 3 A sight or prospect, typically of attractive natural scenery, that can be taken in by the eye from a particular place, вид или перспектива, как правило, привлекательных природных пейзажей, которые могут быть увиденны глазами с конкретного места; вид, панорама (OALD, CDO, ODO, LDOCE); ЛСВ 3.1. A work of art depicting a sight of natural scenery, произведение искусства, изображающее вид природных пейзажей, картина, фотография (OALD, ODO, LDOCE); ЛСВ 3.2. The visual appearance or an image of something when looked at in a particular way, объект, рассматриваемый с определенного места, угла, ракурса (ODO); ЛСВ 4. A particular way of considering or regarding something; an attitude or opinion, мнение, взгляд, точка зрения (OALD, CDO, ODO, LDOCE); ЛСВ 4.1. перспектива **with a view to**, with the hope, aim, or intention of, с целью, с намерением (сделать что-л.) (OALD, ODO); ЛСВ 4.2. **long view** долгосрочная перспектива, анализ динамики на длительный период.

¹ Перевод на русский язык здесь и далее, если не указано иначе, выполнен автором – Э.Ш.

Снятие неоднозначности: алгоритмы и способы

Способы снятия неоднозначности включает анализ контекста и анализ «затекста», т.е. фоновых знаний, реальных событий и явлений. Например, контекст предложения (КА996) нельзя признать достаточным для определения, какой из четырех возможных ЛСВ слова использован в данном случае: (КА996). “Maybe the next branch will give an ever better view”. Возможные переводы включают, например, возможно, следующая дочерняя компания представит лучшее видение или Возможно, с соседней ветки лучше видно. Для понимания данного предложения следует расширить контекст до абзаца: (КА996) “# **Climbing from one branch to the next** highest was easier than he expected. Each time he stopped **to get a good foothold**, he **surveyed the landscape**. Maybe **the next branch will give an ever better view**. # Midway up, he came to a spot where many **branches** on the sides and back part of the tree cradled toward the middle, giving him **a wider area** to stand on”. Букв. Подняться с одной ветки на следующую оказалось легче, чем он ожидал. Каждый раз, когда он останавливался, чтобы хорошо закрепиться, он осматривал пейзаж. Может быть, следующая ветка даст лучший обзор. # На полпути он подошел к месту, где множество ветвей по бокам и задней части дерева прижимались к середине, что давало ему более широкое пространство, на котором он мог стоять». Как видим, данный отрывок следует признать достаточным для отнесения view к ЛСВ 2 – *обзор, поле зрения*.

С другой стороны, в ряде случаев использование ближайшего контекста – первого «окна» в препозиции (контекст, предшествующий слову) или постпозиции (контекст, последующий за словом) – достаточно для определения смысла. Например, сочетание point of в препозиции к view является вполне достаточным для определения значения – ЛСВ 4.

Большая часть отечественных и зарубежных методик снятия неоднозначности имеют в своей основе комплекс правил, созданных вручную. Такого рода правила базируются на гипотезе, что каждый из ЛСВ слова имеет свой минимальный лингвистический «допустимый тип контекста». В методиках такого типа определение значения осуществляется на основе анализа контекстов изучаемого слова [см. Кобрицов 2004].

В общих чертах, снятие неоднозначности слова означает установление связи между лексико-семантическими вариантами слова, его значением и смыслом, т.е. реализацией значения в тексте. А сама задача включает два этапа: (1) выявление всех возможных значений слова в рассматриваемом тексте; и (2) правило присвоения каждому вхождению слова соответствующего смысла (значения). При этом этап (2), т.е. присвоение вхождениям слова соответствующих смыслов, осуществляется при помощи двух основных источников информации: лингвистической информации из контекста слова и экстралингвистической информации из контекста. Вся работа по устранению неоднозначности включает сопоставление контекста слова и контекстов, полученных из корпусов.

С. Вайс (1973) предложил использование классификатора шаблонов в локальном контексте, при этом шаблон рассматривается как определенная строка слов (включая изучаемое слово), которая часто встречается в контекстах данного слова. Правила, разработанные С. Вайсом [Weiss 1973], суть «общие контекстные правила» и «правила-шаблоны», которые с высокой степенью точности могут быть разработаны только на основании корпуса с ручной разметкой. В обоих случаях, как с общим контекстным правилом, так и с правилом-шаблоном, значение изучаемого слова определяется на основании контекста этого слова, включающего некоторое конкретное слово. Например, если рядом со словом *view* присутствует слово “theoretical”, *рус. теоретический*, то, очевидно, что значением *view* в этом случае является «взгляд, точка зрения» (ЛСВ 4). Аналогично простым является и правило «правого» контекста: если постпозиция слова содержит *of the conflict*, то слово *view* также имеет значение «точка зрения, взгляд». Исключением из столь жестких правил являются случаи идиоматического использования слова. Например, **have a ringside view** означает «1. место, откуда все видно; 2. выгодная позиция для принятия обоснованного вывода», от *ringside* букв. первые ряды вокруг ринга.

Однако во всех случаях разработка правил-шаблонов – весьма нетривиальное занятие, предполагающее наличие репрезентативного аннотированного корпуса.

Продемонстрируем правило шаблонов на примере глагольных сочетаний. Рассмотрим текст, в котором ближайший «левый» контекст лексемы *view* составляют глагол с семантикой закрытия и притяжательное местоимение, а ближайший правый контекст включает группу ‘of the’ и номинативную группу. Например, (KA6132) *Archaeologists studying the frontiers in the 1970s and '80s later found that the Iron Curtain dividing Europe had shadowed their view of the distant past.* Букв. Археологи, изучавшие рубежи 1970-х и 80-х годов, позже обнаружили, что железный занавес, разделяющий Европу, затемнял их представление о далеком прошлом. Как видим, в данном случае лексема *view* реализует ЛСВ 4. Однако если существительное в постпозиции несет семантику конкретного имени, то реализован ЛСВ 2 – обзор, область зрения. Ср. (KA1335) *When they sat on the back porch having drinks, the trees and the steep hill blocked their view of the wood colonial, but whenever the people in the colonial looked up from their drinks, the stone chateau was frowning down upon them.* Букв. Когда они сидели на заднем крыльце и пили, деревья и крутой холм закрывали им вид на деревянный колониальный дом, но всякий раз, когда жители колониального дома поднимали глаза от своих напитков, каменный замок смотрел на них хмуро.

Глаголы зрительного восприятия в препозиции к *view*, имеющему *of* в постпозиции, в преимущественном большинстве случаев реализуют ЛСВ 3 – «вид, перспектива». Например, (KA1656) *These landscapes full of ruins often seem to show a view of the Venetian Empire that looks longingly backward from a future when things have at last collapsed.* Эти пейзажи, полные руин, часто, кажется, показывают вид на Венецианскую империю, которая с тоской смотрит назад из будущего, когда все наконец рухнуло. Аналогичные смыслы реализованы в KA1657 и KA1658: *Sunny ordered the nearest wall to show a view of Alex's room... Санны приказала ближайшему экрану показать вид на комнату Алекса. Surveillance photos, captured by one resident who had a security camera, show a view of the suspect's profile, На фотографиях с камер наблюдения, сделанных одним из жителей, у которого была камера слежения, виден профиль подозреваемого.*

Значительно сложнее представить описание шаблонов с глаголами широкой семантики и, как следствие, больших сочетательных возможностей. Например, глагол **to simulate** в зависимости от контекста может переводиться как *прикидываться (кем-л.); воспроизводить; напоминать (что-л.); инсценироваться; имитировать; походить (на что-либо и др.* Анализ всех иллюстраций в корпусах показывает, что типичным для ЛСВ 2 являются левый или правый контексты, семантика которых содержит указание на перемещение объекта. Например, (КБ1463) Our plan was to simulate **the view of a vulture** by mounting a camera on a model aircraft. Наш план состоял в том, чтобы **имитировать обзор стервятника**, установив камеру на модель самолета. (КА4294) placed my arms across two flapping slats that served as the insect's wings, and fit my head into a dragonfly face mask that **simulated the insect's view** of the world. ...положил руки на две хлопающие планки, которые служили крыльями насекомому, и надел на голову маску стрекозы, которая имитировала обзор мира насекомым.

В случае, если мы имеем дело с ЛСВ 3, то постпозиция **view** имеет сему места. Например, (КА4295) The frame ... helps to **simulate the deep view** underfoot... Рама ... помогает увидеть иллюзию пространства под ногами...

Используя классификацию глаголов Л.Г. Бабенко (2008), мы выявили список глаголов, используемых исключительно с ЛСВ 4: 1.2. Глаголы¹ направленного перемещения: to bear, 1.4.2. давления: to press, 1.4.11. соединения: to connect with, 1.4.12. присоединения: to side with; 1.6.1. восприятия: to admire; to look at; to see; 1.6.5 сравнения и сопоставления. to match 1.6.7. решения: to find (5) 1.6.9. решения: to justify 1.7.1. характеризованной речевой деятельности: to express, to voice 1.7.2. речевого сообщения: to confirm (3); to confirm in; to expound; to quote; 1.7.3. речевого общения: to bear out; to dispute; to argue against; to concur with to agree with; 1.8.1. деятельности по достижению цели: to hurry to 1.7.5. речевого воздействия: to impose on; to blame for; 1.8.1. деятельности по достижению цели:

¹ При наименовании последующих групп для сокращения объема текста мы исключили слово «глаголы».

to persist with; to persist in; 1.8.3. распространения информации: to disclose; 1.8.7. противодействия: to militate against; 2.1.2. существования: to live up to; 2.1.2.1. собственно бытия: to attend (2); 2.2.2. проявления признака: to reinforce; to convert to; to reinforce; 3.1.1. взаимосвязи: to react against 3.2.3. обладания: to hold; to own 3.2.4. сохранения: to preserve; 3.3.2. внешнего проявления отношения: to mock 3.4.5. защиты: to stand for 3.4.6. помощи: to support.

Отдельная группа «левого глагольного контекста» лексемы view была сформирована на основе корпуса сочетаний данных глаголов с ЛСВ 3: 1.4.14. глаголы отделения: to shut off; 1.5.1. создания объекта в результате трудовой деятельности: to assemble; 1.6.1. восприятия: to admire; to look at; to stare at; to see; to drink in; 2.2.4. эмоционального состояния: to enjoy; to love; to savor; 2.2.5. физиологического состояния: to tire of.

Однако значительно больший интерес вызывают глаголы, сочетаемостные возможности которых включают два и более ЛСВ. Например, глаголы с семантикой эмоционально-оценочного отношения: to like, to foster; to care for, а также глаголы познания: to forget, to remember используются как с ЛСВ 3, так и с ЛСВ 4. Для каждого из них на основании корпуса создается свой шаблон, раскрывающий левый или правый контекст. В ряде случаев необходимо открытие обоих контекстов. При этом весьма интересным случаем является, например, использование глагола liked, который в случае модификатор 'the' объективирует исключительно ЛСВ 3:

you bury your mother nearby? Of course. Up that hill. She always liked the view. If you think it appropriate, I'm... I'd really
 a then-31-year-old law student from Jamaica. # " I liked the setting. I liked the view. I liked the apartment," said the woman, Henrietta Davis
 year ago. I switched rooms with my parents because I... I said I liked the view of the backyard, but really it was just so that my boyfriend
 their glasses. The messenger scanned the stars, saying, " I've always liked the view from down here. " Max tapped Gabriel on the shoulder. "
 window. # Naruto looked out the dusty panes and grinned, deciding that he liked the view. It was in no way as beautiful as the country of course
 and mutual friends, and the high points of the trip so far (Jeff liked the view of rising fog on our hike; I still marveled at the sublimity
 our building, there's an empty office right below mine. You said you liked the view. you got the beer, right? No, I told you
 . How did you even - Well, I remembered you saying how much you liked the view from your dorm room so... I convinced these lovely little N.Y.U
 even I can tell That I confused my feelings with the truth! Cause I liked the view When there was me and you I can't believe that I could
 like you were floating while I was falling And I didn't mind Because I liked the view. ooh ooh, ooh, ooh I thought you felt it too
 ; they didn't come to dwell high up on sheer canyon walls because they liked the view. (n9) # What? No tales of scalplings and the raping
 had a run of the red soil Sebastiani wanted for his vines, and he liked the view. Westward stood the Carneros Hills. Eastward lay the Sonoma foot
 into Linc for a week. He seemed smart and sexy, and this outsider liked the view from the inside. - Yeah, OK. Sure. - Great
 34-year-old wooden surveyor's stakes. Unsuccessful, I bought the land anyway because I liked the view. It took three and a half years before I act
 glad it would be some other repairman who would get the job. p105 Livermore liked the view from the little white balcony outside his office. Eve
 he agreed. " But I puffed my way up there last year and kinda liked the view. Do something different tomorrow. " It was as if he'd

Рис. 1. Иллюстрации использования сочетания liked the view (COCA)

Аналогичным образом, использование притяжательного местоимения (his, her, their, our и др.) всегда реализует ЛСВ 4:

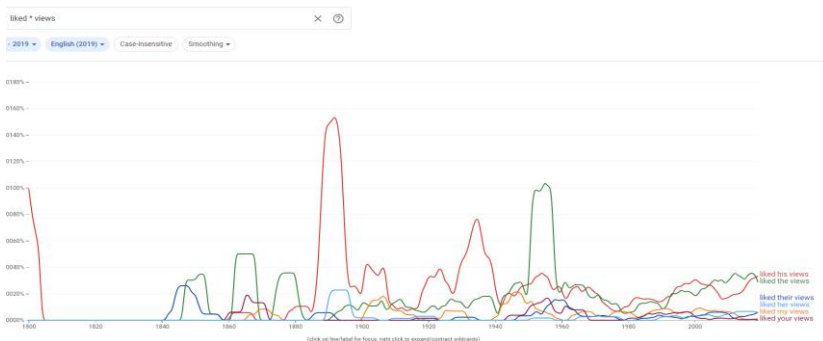

Рис. 2. Иллюстрации использования сочетания liked (poss pr) view (NgramViewer)

Как видим, построение шаблона контекста требует анализа больших баз данных, однако позволяет с высокой степенью точности снять лексико-семантическую омонимию. Шаблон контекста существительного view в глагольных сочетаниях (verb+modifier+view(s)) включает следующие этапы: 1. Выявление семантики глагола; 2. Выявление ближайшего левого и правого контекста; 3. Выявление внутреннего контекста (позиция между глаголом и существительным view). Для каждого из этапов создаются списки, в соответствии с которыми

устанавливается семантика слова. В случае, если ближайший контекст (первое окно в пре- и постпозиции) недостаточен, алгоритм предполагает выявление семантики широкого контекста (предложение, абзац). Очевидно, что в полном соответствии с существующей научной парадигмой для решения поставленных задач необходимо использование больших баз данных: моно- и билингвальных словарей [Dagan et al. 1991; Lesk 1988; Stevenson, Wilks 2002], корпусов [см. Yarowsky 1995], тезаурусов [Sussna 1993].

Заключение

С конца прошлого века ряд научных школ работают над созданием автоматических систем снятия неоднозначности. Традиционно эти исследования ведутся на основе больших корпусов, глоссариев, словарей и тезаурусов, а выявление семантики отдельного слова предполагает создание «шаблона контекста», т.е. минимального ближайшего контекста, эксплицирующего семантику. В основе алгоритма данного шаблона – дистрибутивные параметры грамматических и семантических моделей, компонентом которых может выступать изучаемое слово. Подготовленный в представленном исследовании материал и шаблоны глагольных контекстов лексемы *view* могут быть с успехом использованы для автоматизации лингвистического анализа текстов и снятия лексико-семантической омонимии.

Перспектива исследования состоит в расширении корпуса текстов с лексемой *view*, валидации выявленных шаблонов на новых корпусах текстов, а также при помощи инструментов обработки естественного языка.

Литература

1. Апресян Ю.Д. О регулярной многозначности. // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. – Т. XXX. Вып. 6. – М., 1971. – С. 509-523.
2. Зализняк А.А. Русская семантика в типологической перспективе. М.: Языки славянской культуры, 2013. – 640 с. – (Studia philologica.)
3. Зализняк А.А. Феномен многозначности и способы его описания. М.: Вопросы языкознания, № 2, 2004. – С. 20-45.

4. Кобрицов Б.П., Ляшевская О.Н., Толдова С.Ю. Снятие семантической многозначности глаголов с использованием моделей управления, извлеченных из электронных толковых словарей // Интернет-математика – 2007. [Электронный ресурс]. URL: <http://download.yandex.ru/IMAT2007/kobricov.pdf> (дата обращения 28.11.2021).
5. Кобрицов Б.П. Методы снятия семантической многозначности // Научно-техническая информация, сер.2, N 2. – 2004.
6. Митрофанова О.А., Паничева П.В., Ляшевская О.Н. Статистическое разрешение лексико-семантической неоднозначности в контекстах для предметных имён существительных // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 4–8 июня 2008 г.). – Вып. 7. М.: РГГУ, 2008. – С. 368-375.
7. Dagan I., Itai A., Schwall U. Two languages are more informative than one // Proceedings of the ACL, 1991 (29). P. 130-137.
8. Hirst, Graeme. 1987. Semantic interpretation and the resolution of ambiguity, Department of Computer Science, University of Toronto, Cambridge University Press, 284 p. DOI:10.1017/CBO9780511554346
9. Ide, Nancy and Jean Véronis. 1998. Introduction to the special issue on word-sense disambiguation: the state of the art. Computational Linguistics, Massachusetts Institute of Technology Press, 24(1):2-40.
10. Lesk M. “They said true things, but called them by wrong names” – vocabulary problems in retrieval systems // Proceedings of the 4th Annual Conference of the University of Waterloo Centre for the New OED, 1988
11. Stevenson, Mark. 2003. Word Sense Disambiguation: The Case for Combining Knowledge Sources. CSLI Publications (CSLI studies in computational linguistics, edited by Ann Copestake), Stanford, CA, 247-249.
12. Stevenson M., Wilks Y. Large vocabulary word-sense disambiguation // Ravin Y., Leacock C. (eds.) Polysemy: Theoretical and Computational Approaches. Oxford, 2002. P. 161-177.
13. Sussna M. Word sense disambiguation for free-text indexing using a massive semantic network // Proceedings of the International Conference on Information & Knowledge Management (CIKM), 2, 1993. P. 67-74.
14. Weiss, Stephen F. 1973. Learning to disambiguate. Information Storage and Retrieval, Published by Elsevier Ltd., Volume 9, Issue 1: 33-41.
15. Winter-Froemel, Esme and Angelika Zirker. 2015. Ambiguity in Speaker-Hearer-Interaction: A Parameter-Based Model of Analysis.

- Ambiguity: language and communication / ed. by Susanne Winkler. – Berlin [u.a.], pp. 283-340. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110403589-013>
16. Yarowsky D. Unsupervised word sense disambiguation rivaling supervised methods // Proceedings of the ACL'1995, 33.
 17. Большой толковый словарь синонимов русской речи: идеографическое описание, антонимы, фразеологизмы / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 2008. 784 с.
 18. НКРЯ. Национальный корпус русского языка параллельный подкорпус (английский) [Electronic resource]. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-para-en.html> (дата обращения: 28.11.2021).
 19. BNC. British National Corpus [Electronic resource]. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения: 28.11.2021).
 20. CALD. Cambridge Advanced Learner's Dictionary and Thesaurus [Электронный ресурс]. URL: <http://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/view> (дата обращения: 28.11.2021).
 21. COCA. The Corpus of Contemporary American English [Electronic resource]. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (дата обращения: 28.11.2021).
 22. iWeb. The 14 Billion Word Web Corpus [Electronic resource]. URL: <https://www.english-corpora.org/iweb/> (дата обращения: 28.11.2021).
 23. OED. Online English Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/view> (дата обращения: 28.11.2021).
 24. Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. URL: http://www.etymonline.com/index.php?allowed_in_frame=0&search=view+ (дата обращения: 28.11.2021).

References

1. Apresjan Ju.D. O reguljarnoj mnogoznachnosti. // Izvestija AN SSSR. Otdelenie literatury i jazyka. – Т. XXX. Вып. 6. – М., 1971. – С. 509-523.
2. Zaliznjak A.A. Russkaja semantika v tipologicheskoj perspektive. М.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2013. – 640 s. – (Studia philologica.)
3. Zaliznjak A.A. Fenomen mnogoznachnosti i sposoby ego opisanija. М.: Voprosy jazykoznanija, № 2, 2004. – С. 20-45.
4. Kobricov B.P., Ljashevskaja O.N., Toldova S.Ju. Snjatie semanticheskoj mnogoznachnosti glagolov s ispol'zovaniem modelej upravlenija, izvlechnnyh iz jelektronnyh tolkovyh slovaroj // Internet-matematika – 2007. [Jelektronnyj resurs]. URL:

- <http://download.yandex.ru/IMAT2007/kobricov.pdf> (data obrashhenija 28.11.2021).
5. Kobricov B.P. Metody snjatija semanticheskoy mnogoznachnosti // Nauchno-tehnicheskaja informacija, ser.2, N 2. – 2004.
 6. Mitrofanova O.A., Panicheva P.V., Ljashevskaja O.N. Statisticheskoe razreshenie leksiko-semanticheskoy neodnoznachnosti v kontekstah dlja predmetnyh imjon sushhestvitel'nyh // Komp'juternaja lingvistika i intellektual'nye tehnologii: Po materialam ezhegodnoj Mezhdunarodnoj konferencii «Dialog» (Bekasovo, 4–8 ijunja 2008 g.). – Vyp. 7. M.: RGGU, 2008. – S. 368-375.
 7. Dagan I., Itai A., Schwall U. Two languages are more informative than one // Proceedings of the ACL, 1991 (29). P. 130-137.
 8. Hirst, Graeme. 1987. Semantic interpretation and the resolution of ambiguity, Department of Computer Science, University of Toronto, Cambridge University Press, 284 p. DOI:10.1017/CBO9780511554346
 9. Ide, Nancy and Jean Véronis. 1998. Introduction to the special issue on word-sense disambiguation: the state of the art. Computational Linguistics, Massachusetts Institute of Technology Press, 24(1):2-40.
 10. Lesk M. “They said true things, but called them by wrong names” – vocabulary problems in retrieval systems // Proceedings of the 4th Annual Conference of the University of Waterloo Centre for the New OED, 1988
 11. Stevenson, Mark. 2003. Word Sense Disambiguation: The Case for Combining Knowledge Sources. CSLI Publications (CSLI studies in computational linguistics, edited by Ann Copestake), Stanford, CA, 247-249.
 12. Stevenson M., Wilks Y. Large vocabulary word-sense disambiguation // Ravin Y., Leacock C. (eds.) Polysemy: Theoretical and Computational Approaches. Oxford, 2002. P. 161-177.
 13. Sussna M. Word sense disambiguation for free-text indexing using a massive semantic network // Proceedings of the International Conference on Information & Knowledge Management (CIKM), 2, 1993. P. 67-74.
 14. Weiss, Stephen F. 1973. Learning to disambiguate. Information Storage and Retrieval, Published by Elsevier Ltd., Volume 9, Issue 1: 33-41.
 15. Winter-Froemel, Esme and Angelika Zirker. 2015. Ambiguity in Speaker-Hearer-Interaction: A Parameter-Based Model of Analysis. Ambiguity: language and communication / ed. by Susanne Winkler. – Berlin [u.a.], pp. 283-340. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110403589-013>
 16. Yarowsky D. Unsupervised word sense disambiguation rivaling supervised methods // Proceedings of the ACL'1995, 33.

17. Bol'shoj tolkovyj slovar' sinonimov russkoj rechi: ideograficheskoe opisanie, antonimy, frazeologizmy / pod red. prof. L. G. Babenko. M., 2008. 784 s.
18. NKRJa. Nacional'nyj korpus russkogo jazyka parallel'nyj podkorpus (anglijskij) [Electronic resource]. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-para-en.html> (data obrashhenija: 28.11.2021).
19. BNC. British National Corpus [Electronic resource]. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (data obrashhenija: 28.11.2021).
20. CALD. Cambridge Advanced Learner's Dictionary and Thesaurus [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://dictionary.cambridge.org/ru/slovar'/anglijskij/view> (data obrashhenija: 28.11.2021).
21. COCA. The Corpus of Contemporary American English [Electronic resource]. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (data obrashhenija: 28.11.2021).
22. iWeb. The 14 Billion Word Web Corpus [Electronic resource]. URL: <https://www.english-corpora.org/iweb/> (data obrashhenija: 28.11.2021).
23. OED. Online English Dictionary [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/view> (data obrashhenija: 28.11.2021).
24. Online Etymology Dictionary [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.etymonline.com/index.php?allowed_in_frame=0&search=view+ (data obrashhenija: 28.11.2021).

ПСИХОЛИНГВИСТИКА

УДК 81

Ломакина Ольга Валентиновна
Olga Lomakina

Хохлов Алексей Александрович
Aleksej Hohlov

Варьирование крылатых единиц как способ расширения репрезентантов концепта (на материале газетных заголовков 2020-2022 гг.)

Variation of winged units as a way to expand the representatives of the concept (on the basis of newspaper headlines 2020-2022)

***Аннотация.** Статья посвящена рассмотрению современных газетных заголовков. Актуальность исследования связана с разноплановым изучением медиатекстов, в т.ч. газетных статей. Цель статьи – показать, как путём реализации функционального потенциала и трансформации крылатых единиц как одного из класса фразеоресурсов языка расширяется репрезентация концепта. На материале газетных заголовков 2020-2022 гг. российских газет показано, что коронавирусная инфекция послужила событием-аттрактором, благодаря которому актуализировался интерес к ценностному концепту «здоровье». Методология исследования опирается на труды отечественных учёных в области медиалингвистики и фразеологии. Научная новизна заключается в рассмотрении влияния события-аттрактора на варьирование компонентов крылатых единиц, послуживших расширению репрезентантов концепта. Приведены примеры крылатых единиц, которые, благодаря трансформации, становятся репрезентантами концепта «здоровье». Выявлено, что замена компонента крылатой единицы приводит к её актуализации и конкретизации.*

***Abstract.** The article is devoted to the consideration of modern newspaper headlines. The relevance of the study is associated with a diverse study of media texts, incl. newspaper articles. The purpose of the article is to show how, by implementing the functional potential and transforming winged units as one of the class of phraseological resources of the language, the representation of the concept is expanded. Based on newspaper headlines 2020-2022 Russian newspapers show that the coronavirus infection served as an attractor event, thanks to which interest in the value concept of "health" was updated. The research methodology is based on the works of Russian scientists in the field of media linguistics and phraseology. The scientific novelty lies in the consideration of the influence of the event-attractor on the variation of the components of the winged units, which served to expand the representatives of the concept. Examples of winged units are given, which, due to transformation, become representatives of the concept of "health". It was revealed that the replacement of the winged unit component leads to its actualization and concretization.*

***Ключевые слова:** заголовок, газетная статья, концепт «здоровье», крылатая единица*

***Key words:** headline, newspaper article, concept «Health», winged unit*

Введение

Современный газетный текст вне зависимости от выбранного канала передачи отражает трансформации, относящиеся к социально-политической сфере общества, и является маркёром происходящих в языке изменений.

Согласно концепции совокупного заголовочного текста, предложенной К.В. Прохоровой, заголовок в прессе может рассматриваться «как самостоятельное речевое произведение, синонимичное (но не идентичное) развёрнутому газетному тексту» [Прохорова 2018: 195]. Заголовок, будучи сильной позицией текста, получает в современном медиaprостранстве компрессионное значение: номинативная, информативная и волюнтаривная функции, преобладающие в доинтернетовскую эпоху, дополняются графически-выделительной и прагматической функциями. «Желание автора статьи привлечь внимание к опубликованному материалу, необходимость репостов и большого количества скачиваний выдвигает на первый план прагматическую функцию заголовка» [Ломакина 2019: 37], поэтому заголовок должен отличаться краткостью, максимальной информативностью, а также привлекать внимание.

Фразеоресурсы различных разрядов активно используются в газетных статьях для придания текстам экспрессии, образности, оценочности, придания характеристики субъекту, а «рассмотрение закономерностей использования крылатых выражений как части фразеологического фонда языка именно в СМИ способствует более полной характеристике особенностей развития массовой коммуникации в современную эпоху» [Макарова 2017: 41]. Используемые крылатые единицы (КЕ), обладающие интертекстуальным характером, позволяют автору «сообщить о своих культурно-семиотических ориентирах, а в ряде случаев и о прагматических установках» [Черняк 2010: 286], поэтому можно говорить о варьировании различных классов фразеологических единиц, в том числе крылатики, как способе изменения их концептуального содержания.

Цель данной статьи – показать, как путём реализации функционального потенциала и трансформации КЕ как одного из класса фразеоресурсов языка расширяется репрезентация концепта.

Теоретическую основу исследования составляют труды по стилистике и медиалингвистике (Т.Г. Добросклонская, Л.Р. Дускаева, В.Г. Костомаров, Г.Я. Солганик); по фразеологии и крылатологии (А.М.Мелерович, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова); по функциональной фразеологии (Е.Н. Антонова, О.В. Ломакина, А.С. Макарова); по теории текста (И.В. Арнольд, И.Р. Гальперин, Н.А. Фатеева).

Материалом данного исследования выступает авторская картотека, включающая примеры заголовков, извлечённых приёмом сплошной выборки из российских газет 2020-2022 гг. различной общественно-политической направленности. Верификация фразеологического корпуса проводилась по лексикографическим источникам («Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка» В.П. Беркова, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежковой; «Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений» В.В. Серова).

Выбор методов работы с материалом обусловлен поставленной целью: наряду с привлечением классических методов и проведением описательно-аналитического исследования, авторы опираются на достижения когнитивистики, привлекают анализ контекстуального окружения, элементы статистического метода.

Основная часть

Трансформационный потенциала фразеологических ресурсов языка, в том числе крылатики, проявляется в контексте. При интерпретации трансформов КЕ исследователь публицистического текста принимает во внимание как вертикальный, так и горизонтальный контекст. Однако в публицистическом тексте корректнее говорить о единстве социо-историко-культурного контекста, проявлением которого являются пресуппозитивные знания, с одной стороны, и конкретных событий, послуживших информационным поводом – с другой.

Авторы газетного текста оперативно реагируют на социально-политические события, что определяет концептосферу публицистического стиля в конкретный период. События-аттракторы, важные для данного момента, меняют концептуальное содержание газетных статей и медиадискурса в

целом вне зависимости от ценностных установок, вероисповедания, особенностей менталитета [Ломакина, Эбзеева 2022]. Такое событие-аттрактор, как воссоединение Крыма с Россией, повлияло на состав крылатики русского языка: прецедентная единица *Крым наш* является тиражируемой, частотной, склонной к трансформациям [Ломакина 2019: 78] и благодаря варьированию репрезентует различные концепты.

Концепт «здоровье» относится к ценностным константам любого общества. По словам А.Н. Усачёвой, рассматриваемый концепт может характеризоваться и как «персональная ценность, имеющая особенно важное значение для каждого индивида и в социальной, и в частной жизни» [Усачёва 2005: 110]. А.С. Королькова в диссертации «Прагматико-семантический потенциал единиц концептосферы “Здоровый образ жизни” (на материале современного медиадискурса)» приводит обзор научных работ по данной теме, рассматривая особенности репрезентации в разных языках [Королькова 2021: 24-26]. Изучению репрезентации этого концепта в современных дискурсивных практиках посвящено исследование С.Л. Кушнерук [Кушнерук 2019].

Концепт «здоровье» объективируется различными разрядами фразеологических единиц, в т.ч. *КЕ В здоровом теле здоровый дух* (БСКСВРЯ 1: 169); *Если хочешь быть здоров, закаляйся* (БСКСВРЯ 1: 169), *От всех болезней нам полезней / Солнце, воздух и вода* (ЭСКСВ: 431).

«Словарь русского языка коронавирусной эпохи» показал, какое влияние на язык оказала новая коронавирусная инфекция. COVID-19, выступая событием-аттрактором, нашёл отражение и в современных газетных статьях. Авторы подобных статей актуализировали различные КЕ, подвергая их трансформации. Рассмотрим подобные примеры, чтобы показать, как происходит репрезентация концепта «здоровье» путём варьирования крылатики.

Основу заголовка *«От прививки станет всем светлей»* (Коммерсантъ, 29.12.2020) составляет КЕ *От улыбки станет всем светлей* из песни композитора В.Я. Шаинского на стихи М.С. Пляцковского, исполненной К.М. Румяновой в мультфильме «Крошка Енот», наряду с которой популярна КЕ *От улыбки*

хмурый день светлей (БСКСВРЯ 2: 161). Трансформация КЕ в данном заголовке заключается в субституции – замене компонента *улыбки* созвучной лексемой *прививки*, что позволяет автору заголовка предварительно ознакомить читателя с содержанием статьи, в которой речь идет о начавшейся в Евросоюзе вакцинации от COVID-19. Актуализация содержания статьи происходит с помощью компонента, репрезентующего концепт «здоровье».

Заголовок *«Цвет настроения – красный»* (Российская газета, 06-12.05.2020) апеллирует к новой КЕ, относящейся к синтетическим видам искусства, *Цвет настроения синий*. Автор статьи прибегает к замене компонента, что позволяет актуализировать КЕ: речь идёт о том, что доноры продолжают активно сдавать кровь, даже находясь в режиме самоизоляции.

Под влиянием социокультурного контекста предметы могут обретать символическое наполнение, которое «позволяет говорить об обретении словом новых смыслов, порой скрытых, при этом анализируемая лексема характеризуется лабильностью и может выступать когнитивной базой» [Ломакина 2018: 205]. Подобным примером выступает лексема *маска*, ношение которой обязательно для того, чтобы не заразиться коронавирусом.

На субституции КЕ построен и заголовок *«Вирус волнуется раз, вирус волнуется два...»* (Труд, 09.04.2021), в основе которого КЕ *Море волнуется раз, море волнуется два*, восходящее к детской игре. Благодаря замене компонента, ситуативно и контекстуально обусловленной, заголовок определяет тематику статьи, связанную с коронавирусной инфекцией.

Рассмотрим пример, в котором субституция осуществляется при помощи компонента, эксплицитно не связанного с концептом «здоровье»: *«Спешить нельзя подождать: насколько актуальна и полезна на самом деле повторная вакцинация от COVID-19»* («Комсомольская правда», 13.08.2021), в основе которого КЕ *Казнить нельзя помиловать* (БСКСВРЯ 1: 472). Наблюдаемая замена компонентов *казнить, помиловать* глаголами *спешить, подождать* соответственно актуализирует появившийся трансформ в контексте ситуации с повторной вакцинацией в стране. Кроме того, КЕ *Казнить нельзя*

помиловать, имеющий двойной смысл, и в трансформированном виде сохраняет значение «О неопределённости предлагаемых решений», при этом пояснительная часть заголовка конкретизирует значение.

Заголовок «*Маски-шоу возвращаются*» (Собеседник, 12-18.08.2020) представляет собой имплицитный вариант КЕ *Маски-шоу*. Статья предостерегает о новой волне коронавируса и возможном карантине.

С концептом «здоровье» связан концепт «болезнь», образующие дихотомию. Новой КЕ, актуализировавшейся в коронавирусную эпоху и являющейся одним из частотных вербализаторов концепта «болезнь», является устойчивая единица *красная зона* – «1. Отделение стационара, предназначенное для лечения пациентов с коронавирусной инфекцией; то же, что грязная зона. 2. О стране или регионе, где выявлен высокий (по сравнению с другими) уровень распространения заболеваемости коронавирусной инфекцией» (СРЯКЭ: 55). Приведём заголовки, включающие данную КЕ: «*“Красная” зона: как в Донбассе борются с COVID-19*» (Известия, 05.06.2020); «*В эпицентре COVID-19: ощущения журналистов от лечения и “красной зоны”*» (Новые известия, 09.11.2020); «*Иду в красную зону*» (Российская газета, 10-16.06.2020). Стоит отметить графическое выделение всей единицы или отдельных компонентов, что говорит об отнесении атрибутивного сочетания *красная зона* к неологизмам [Розенталь 1994: 328].

Заключение

Таким образом, проведённое исследование заголовков статей российской периодики, показал, что варьирование компонентов КЕ значительно расширяет её способность к репрезентации определённого концепта. Анализ заголовков статей, связанных с ценностной дихотомией «здоровье-болезнь» с учётом современного социокультурного контекста и построенных на использовании инвариантов, и вариантов КЕ, позволил представить функциональный потенциал крылатики. Кроме того, иллюстративный материал проиллюстрировал, что субституция как один из самых частотных преобразование фразеологических ресурсов русского языка, в том числе КЕ,

позволяет автору газетных статей актуализировать КЕ, максимально встроить её в контекст, подготовить читателя к восприятию информации.

Литература

1. Королькова А.С. Прагматико-семантический потенциал единиц концептосферы «Здоровый образ жизни» (на материале современного медиадискурса): дис. ... канд. филол. н.: 10.02.01. Нижний Новгород, 2022. 174 с.
2. Кушнерук С. Л. Когнитивно-дискурсивное миромоделирование: опыт сопоставительного исследования рекламной коммуникации: монография. М.: ФЛИНТА, 2019. 368 с.
3. Ломакина О.В. Крылатые единицы в роли современного газетного заголовка: состав, тенденции употребления // Русский язык за рубежом. 2019. № 1. С. 37-41.
4. Ломакина, О.В. От языкового символа – к символике художественного текста // Известия высших учебных заведений. Серия "Гуманитарные науки". 2017. Т. 8. № 3. С. 205-207.
5. Ломакина О.В., Эбзеева Ю.Н. Отражение социокультурного контекста в интернет-мемах (на материале русских, французских и азербайджанских интернет-текстов) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 77.
6. Макарова А.С. Роль крылатых выражений-галлицизмов в построении публицистических текстов // Медиалингвистика. 2017. № 3 (18). С. 41-50.
7. Прохорова К.В. Заголовочный комплекс медиатекста // Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник. М.: Флинта, 2018. С.195-210.
8. Розенталь Д.Э. Справочник по орфографии и пунктуации. Челябинск: Юж. -Урал. кн. изд-во, 1994. 368 с.
9. Усачёва А.Н. Здоровье // Антология концептов. Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 1. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 110-118.
10. Черняк В.Д. Прецедентные феномены в современной беллетристике // И вновь продолжается бой...: сб. науч. ст., посвящ. юбилею д-ра филол. наук, проф. С. Г. Шулежковой / гл. ред. В. М. Мокиенко. Магнитогорск: МаГУ, 2010. С. 285-291.

Словари

1. Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка: ок. 5000 ед.: в 2-х т./

под ред. С.Г. Шулежковой. Магнитогорск: МаГУ; Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universitat, 2009. Т.1-2. – БСКСВРЯ

2. Словарь русского языка коронавирусной эпохи. Сост. Х. Вальтер, Е.С. Громенко, А.Ю. Кожевников и др. / Санкт-Петербург: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. 550 с. – СРЯКЭ
3. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений: более 4000 ст. / [авт.-сост. Вадим Серов]. М.: Локид-пресс, 2004. 877 с. – ЭСКСВ

References

1. Korol'kova A.S. Pragmatiko-semanticheskiy potentsial yedinit kontseptosfery «Zdorovyy obraz zhizni» (na materiale sovremennogo mediadiskursa) [Pragmatic-semantic potential of units of the concept sphere "Healthy lifestyle" (on the material of modern media discourse)]: dis. ... kand. filol. n.: 10.02.01. Nizhniy Novgorod, 2022. 174 s.
2. Kushneruk, S. L. Kognitivno-diskursivnoye miromodelirovaniye: opyt sopostavitel'nogo issledovaniya reklamnoy kommunikatsii [Cognitive-discursive world-modelling experience in comparative research of advertising communication]: monografiya / S. L. Kushneruk. M.: FLINTA, 2019. 368 s.
3. Lomakina O.V. Krylatyye yedinity v roli sovremennogo gazetnogo zagolovka: sostav, tendentsii upotrebleniya [Catchwords (Winged Words) in the Role of a Modern Newspaper Headline: Composition, Usage Trends] // Russkiy yazyk za rubezhom. 2019. № 1. S. 37-41.
4. Lomakina, O.V. Ot yazykovogo simvola – k simbolike khudozhestvennogo teksta [From the Linguistic Symbol to the Symbolism of Fiction] // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Seriya "Gumanitarnyye nauki". 2017. T. 8. № 3. S. 205-207.
5. Lomakina O.V., Ebzeyeva Yu.N. Otrazheniye sotsiokul'turnogo konteksta v internet-memakh (na materiale russkikh, frantsuzskikh i azerbaydzhanskikh internet-tekstov) [Reflection of the Socio-Cultural Context in Internet Memes (Based on Russian, French and Azerbaijani Internet Texts)] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. 2022. № 77.
6. Makarova A.S. Rol' krylatykh vyrazheniy-gallitsizmov v postroyenii publitsisticheskikh tekstov [The role of the winged units gallicism in journalistic style texts (exemplified by Russian and French mass media)] // Medialingvistika. 2017. № 3 (18). S. 41-50.

7. Prokhorova K.V. Zagolovochnyy kompleks mediateksta [Heading complex of media text] // *Medialingvistika v terminakh i ponyatiyakh: slovar'-spravochnik*. M.: Flinta, 2018. S.195-210.
8. Rozental' D.E *Spravochnik po orfografii i punktuatsii* [Spelling and Punctuation Reference]. Chelyabinsk: Yuzh. -Ural. kn.izd-vo, 1994. 368 s.
9. Usachëva A.N. *Zdorov'ye* [Health] // *Antologiya kontseptov*. Pod red. V.I. Karasika, I.A. Sternina. Tom 1. Volgograd: Paradigma, 2005. S. 110-118.
10. Chernyak V.D. *Pretsedentnyye fenomeny v sovremennoy belletristike* [Precedent Phenomena in Contemporary Fiction] // *I vnov' prodolzhayetsya boy...*: sb. nauch. st., posvyashch. yubileyu d-ra filol. nauk, prof. S. G. Shulezhkovoy / gl. red. V. M. Mokiyeiko. Magnitogorsk: MaGU, 2010. S. 285-291.

Slovari

1. Berkov V.P., Mokiyeiko V.M., Shulezhkova S.G. *Bol'shoy slovar' krylatykh slov i vyrazheniy russkogo yazyka* [A large dictionary of winged words and expressions of the Russian language]: ok. 5000 yed.: v 2-kh t./ pod red. S.G. Shulezhkovoy. Magnitogorsk: MaGU; Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universitat, 2009. T.1-2. – BSKSVRYA
2. *Slovar' russkogo yazyka koronavirusnoy epokhi* [Dictionary of the Russian language of the coronavirus era]. Sost. X. Val'ter, E.S. Gromenko, A.YU. Kozhevnikov i dr. / Sankt-Peterburg: Institut lingvisticheskikh issledovaniy RAN, 2021. 550 s. – SRYAKE
3. *Entsiklopedicheskiy slovar' krylatykh slov i vyrazheniy* [Encyclopedic dictionary of winged words and expressions]: boleye 4000 st. / [avt.-sost. Vadim Serov]. M.: Lokid-press, 2004. 877 s. – ESKSV

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

УДК 81'246.3

Шовкович Елена Геннадьевна
Elena Shovkovich

Трёхязычие, как частный случай многоязычия в Республике Казахстан

Trilingualism as a special case of multilingualism in the Republic of Kazakhstan

Аннотация. Распространение многоязычного образования вызвало появление научного интереса к этому явлению, ведь такое образование предусматривает освоение трех и более языков и формирование у учащихся способности использовать их в реальной жизни, но не всегда удается успешно реализовать его. Актуальность данного исследования обусловлена тем, что в настоящее время многоязычие приобретает все большее значение в современном обществе, ведь стремление к успешности в международном сотрудничестве и достижение взаимопонимания не позволяет нам ограничиться знанием только одного иностранного языка. В настоящее время в Казахстане остро стоит вопрос о качестве трёхязычного обучения, поэтому цель данной статьи заключается в рассмотрении современного полилингвального образования в Республике Казахстан и отношения жителей Республики к своей системе образования, а также в выяснении качества владения языками. Материалом для исследования послужили результаты интервью представителей Казахстана, результаты тестирования 42 русскоязычных первоклассников из КГУ «Школы-лицей №66», а также видеоряд, взятый на телеканале Астана (Astana Times). В работе были применены такие методы как: анализ полученных данных, интервью, тестирование. Произведённое исследование позволило отметить, что сейчас языковая политика Казахстана направлена в первую очередь на возрождение казахского языка и на улучшение знания мирового языка; жители Казахстана неоднозначно относятся к новой системе образования; значение русского языка в Республике до сих пор остается большим, он продолжает использоваться на бытовом и на профессиональном уровне (даже несмотря на то, что некоторые жители Республики говорят с ошибками: неправильно определяют категорию рода, пропускают предлоги и путают падежи); иностранный язык (английский) стал преподаваться с первого класса, но учащиеся испытывают трудности в его усвоении. Полученные выводы раскрывают новую грань вопроса, касающегося обучения в многоязычной среде.

Abstract. The spread of multilingual education has caused the emergence of scientific interest in this phenomenon, because such education provides for the development of three or more languages and the formation of students' ability to use them in real life, but it is not always possible to successfully implement it. The relevance of this study is due to the fact that at present multilingualism is becoming increasingly important in modern society, because the desire for success in international cooperation and the achievement of mutual understanding does not allow us to limit ourselves to knowing only one foreign language. At present, the issue of the quality of trilingual education is acute in Kazakhstan, therefore the aim of this article is to consider modern multilingual education in the Republic of Kazakhstan and the attitude of the

inhabitants of the Republic to their education system, as well as to determine the quality of language proficiency. The material for the study was the results of interviews with representatives of the Republic of Kazakhstan, the results of testing 42 Russian-speaking first-graders from KSU "School-Lyceum No. 66", and a video sequence taken on the Astana TV channel. Data analysis, interviews, testing are used in this paper. The study made it possible to note that now the language policy of Kazakhstan is aimed primarily at reviving the Kazakh language and improving knowledge of the world language; residents of Kazakhstan are ambivalent about the new education system; the importance of the Russian language in the Republic is still great, it continues to be used at the everyday and professional level (even though some residents of the Republic speak with errors: they incorrectly determine the gender category, skip prepositions and confuse cases); a foreign language (English) began to be taught from the first grade, but students experience difficulties in mastering it. The findings reveal a new facet of the issue of learning in a multilingual environment.

Ключевые слова: полилингвизм, полилингвальное образование, иноязычное окружение, трёхязычная система, преподавание

Keywords: polylingualism, multilingual education, foreign language environment, trilingual system, teaching

Введение

Многообразие культур и языков является ценнейшим культурным наследием, оно рассматривается как философия социального и межкультурного взаимодействия в любом мультилингвальном и поликультурном обществе.

Проблемы образования в полиэтническом обществе можно отнести к числу наиболее сложных, так как они затрагивают не только образовательные процессы, потребности граждан, но и национальные чувства и самосознание людей, поэтому языковая политика в области образования относится к очень значимому сегменту государственной политики.

Язык является одним из многих факторов, которые могут способствовать представлению качественного образования, и язык, безусловно, является ключом к общению и пониманию в классе [Njoroge 2014].

В настоящее время многоязычие приобретает все большее значение в современном обществе, его изучение представляется очень важным, что и определяет актуальность настоящего исследования, ведь в современном мире стремление к успешности в международном сотрудничестве и достижению взаимопонимания не позволяет нам ограничиться знанием только одного иностранного языка. На сегодняшний день владение иностранными языками является значимым моментом жизнедеятельности человека [Гальченко 2019].

Многоязычие – это естественное явление в многонациональном мире [Могилевич 2017: 136]. Для межкультурной коммуникации, помимо родного, необходимо изучение и других языков.

Сейчас во многих странах мира образование осуществляется в многоязычной среде.

В данной статье объектом исследования является образовательная среда в Республике Казахстан.

Цель исследования – рассмотреть современное полилингвальное образование в Республике Казахстан и узнать, как жители Республики относятся к своей системе образования, насколько хорошо они владеют языками. Достижение поставленной цели требует решения следующих задач: узнать о нововведениях в области системы образования в Казахстане; выяснить мнение представителей Казахстана об их новой системе образования; протестировать первоклассников одной из школ города Караганды, для того чтобы определить уровень их знаний английского языка; определить значение русского языка.

Теоретической основой для данной статьи послужили работы отечественных и зарубежных ученых. К ним относятся: Г.В. Воробьева [Воробьева 2019], Л.М. Малых [Малых 2014, 2016], Okal В. О. [Okal 2014], Ж.Е. Дюсенбі [Дюсенбі 2021] и другие.

Определение терминов «полилингвизм», «полилингвальное образование»

Полилингвизм (многоязычие) – понятие, широко распространенное на огромном многонациональном географическом пространстве и имеющее различные дефиниции в современных культурно-специфических концепциях.

Ф.П. Филин различает полилингвизм в узком и широком смысле слова. В узком понимании полилингвизм означает более или менее свободное владение двумя и более иностранными языками. В широком понимании этого слова – это относительное владение иностранными языками, умение в том или ином объеме пользоваться ими в определенных сферах общения [Филин 1962].

В «Большом энциклопедическом словаре. Языкознание» под редакцией В.Н. Ярцевой сказано, что многоязычие (мультилингвизм, полилингвизм) – это употребление нескольких

языков в пределах определенной социальной общности (прежде всего государства); употребление индивидуумом (группой людей) нескольких языков, каждый из которых выбирается в соответствии с конкретной коммуникативной ситуацией¹.

Жители многих стран должны изучать несколько языков по причине необходимости международного общения.

Выбор же языка в рамках системы образования определяет широкие возможности и престиж благодаря его использованию в качестве официального языка обучения [Установочный документ ЮНЕСКО 2002].

Полилингвальное образование – это система образования, которая предусматривает одновременное изучение в учебном заведении нескольких иностранных языков². Такое образование реализуется в двух вариантах:

1) получение образования на разных языках в составе одного государства;

2) преподавание нескольких языков, несмотря на то, какой язык является родным языком учеников, и, несмотря на то, какой это тип школы.

В большинстве многоязычных обществ сформировался этнос, который уважительно относится к существованию разных языков и обеспечивает их сбалансированное использование. С точки зрения языковых сообществ, многоязычие – это скорее образ жизни, чем проблема, требующая решения [Малых 2011: 19]. Что касается системы образования в многоязычных странах, то перед ней стоит задача адаптирования к сложным условиям и обеспечения качественного образования, учитывающего потребности обучающихся, наряду с поддержанием их сбалансированности с социальными, культурными и политическими требованиями [Малых 2016].

Полилингвизм приводит к формированию разносторонней картины мира в сознании личности, стимулирует полноценное общение, способствует организации эффективной

¹ См.: Языкознание. Большой энциклопедический словарь. Ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. [Электронный ресурс]. URL: <https://bookree.org/reader?file=471041&pg=304> (дата обращения: 22.31.2021)

² См.: Полилингвальное образование. [Электронный ресурс]. URL: https://methodological_terms.academic.ru/1386/ (дата обращения: 22.31.2021)

трудовой деятельности, распространению культурного обмена между народами [Воробьева 2019: 36].

Многонациональное население Казахстана

Республика Казахстан – это государство, состоящее из нескольких национальных групп. Соотношение проживающих народностей в Республике Казахстан представлено на диаграмме ниже (см. рис. 1).

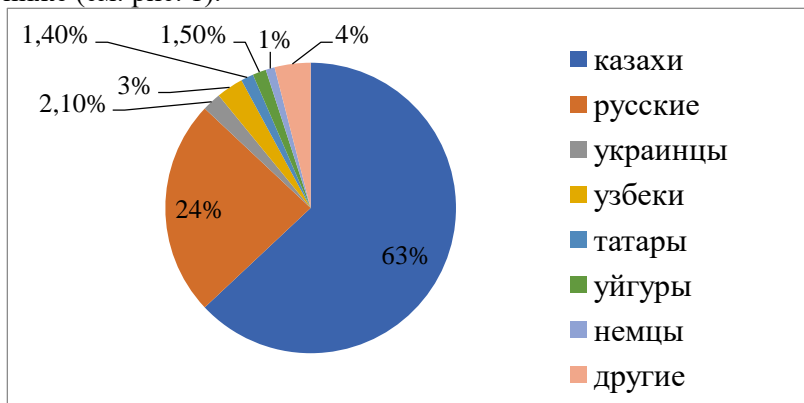

Рис.1. Различные народности в Республике Казахстан/
Fig.1. Various nationalities in the Republic of Kazakhstan

Источник: Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. [Электронный ресурс]. URL: <https://stat.gov.kz/> (дата обращения: 23.12.2021)

Численность населения Казахстана на начало 2022 года составляет более 19 млн. человек (19 269 189 человек)¹.

Основное население Казахстана – это казахи, их около 63% от всего населения страны. На втором месте по численности населения находятся русские, они составляют около 24%, затем узбеки, их около 3%, украинцы (численность данной национальности примерно 2.1%), уйгуры (1.5%), татары (1.4%),

¹ См.: 1. Население на Казахстан. [Электронный ресурс]. URL: <https://countrymeters.info/bg/Kazakhstan> (дата обращения: 27.01.2022)

немцы (1%). Остальные же малочисленные народности составляют около 4% от всей части населения Казахстана¹.

Государственным языком в Казахстане является казахский, но в государственных организациях, наравне с казахским языком, официально используется и русский язык.

По нашему мнению, одним из важных факторов поддержания общественного согласия и политической стабильности является проведение взвешенной сбалансированной языковой политики и всемерное развитие полилингвизма.

Характеристика современного полилингвального образовательного процесса Казахстана

Опираясь на данные, полученные из интервью, проведенное в 2021 году с респондентом (учительницей начальных русскоязычных классов КГУ «Школы-лицей №66» города Караганды), мы выяснили, что сейчас дети с первого класса учат сразу три языка – внедрилась трехязычная система обучения: русскоязычные, помимо родного, изучают одновременно государственный и иностранный языки, казахоязычные изучают родной, язык межнационального общения и иностранный (в национальных школах учащиеся учат четыре языка: родной, государственный, иностранный и язык межнационального общения).

Несмотря на разделение классов на русские и казахские, все ученики проходят одинаковые предметы, отличие лишь в рабочих языках, на которых ведутся уроки (в казахских классах преподают на казахском языке, в русских – на русском (исключения составляют иностранные дисциплины и специализированные школы, в которых ряд предметов ведется на английском языке)).

По словам учительницы КГУ «Школы-лицей №66» в наше время у обучающихся нет возможности выбора первого иностранного языка (дети с первого класса изучают английский),

¹ См.: Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. [Электронный ресурс]. URL: <https://stat.gov.kz/> (дата обращения: 23.12.2021)

но им дают право выбора второго иностранного языка (французский, немецкий, китайский и др.).

Сейчас в Республике Казахстан остро стоит вопрос о качестве трехязычного обучения.

Много людей в Казахстане, не являющиеся этнически русскими, могут разговаривать на русском языке. Даже несмотря на то, что они часто говорят по-русски с ошибками: «они такой шум поднимать», «дальше будем встретиться почаще», «у нас аниматоров какие были», «тогда календарь не был что ли», можно понять суть разговора (данные здесь и далее взяты по просмотру видеорядов на телеканале Астана: мы рассматривали ответы жителей Казахстана – этнических казахов и речь Турсынбека Кабатова на его первом сольном концерте на русском языке)¹.

Большинство ошибок, возникающих в русской речи казахов, связаны с категорией рода (в казахском языке эта категория отсутствует). В основном мы наблюдаем ошибки в согласовании прилагательных: «белый кошка» (вместо «белая кошка»), «одеяло белый» (вместо «одеяло белое»).

Неправильный выбор варианта падежного окончания – ещё одна распространённая ошибка. Например: «нет деньги» (вместо «нет денег»), «мира на киргизской, таджикской земли» (вместо ««мира на киргизской, таджикской земле»), «я вообще не знал русский языка» (вместо «я вообще не знал русского языка»).

Из-за того, что в казахском языке нет предлогов, казахоязычные часто их пропускают в своей речи: «вот так окно смотрю: буран, снег идет».

Что касается изучения английского языка, то проведенное тестирование учеников первого русскоязычного класса (всего в тестировании участвовало 42 человека) в КГУ «Школе-лицей №66» показало отрицательные результаты. Дети не смогли решить ни одно из предложенных заданий. Учитель аргументировал это тем, что ученики не проходили темы в представленном тесте (ни артикли, ни глагол to be, ни глагол to have), дети плохо читают на английском. Ученики смогли решить

¹ См.: Телеканал Астана / Astana TV. [Электронный ресурс]. URL: https://youtube.com/channel/UCW_q74Noz35H7H39aoY4Vog (дата обращения 12.02.2022)

задание, где нужно было написать слова заглавными буквами, но и здесь некоторые учащиеся путали буквы D и B, кто-то забыл, как пишется заглавная буква q.

Из-за того, что у учеников нет начальной базы знаний по английскому языку, в дальнейшем у них возникают трудности (по словам респондента (молодой учительницы начальных классов), студентам сейчас сложно воспринимать информацию на английском языке).

Некоторые старшеклассники и студенты не видят смысла в изучении государственного языка, им не нравится качество преподавания английского, а некоторых людей старшего поколения не устраивает новая система.

В одном из интервью на Ю-туб канале¹ молодая казашка рассказала, что заканчивала казахскую школу, но мысли ей удобней излагать на русском языке. Сейчас она изучает и английский язык, и этот язык ей легче совмещать с русским, нежели с казахским. Второй молодой казах сообщил, что по-казахски может сказать только «здрасьте», «до свидания», не видит сейчас смысла изучать казахский язык. Ребята говорили по-русски без ошибок и без акцента.

Один из интервьюеров при ответе на вопрос: «Почему казахи не хотят учить казахский язык?» написал в комментариях, что казахский язык сложно учить потому, что с каждым годом появляются все больше и больше неологизмов (международные термины переводят на казахский язык). Например, практически во всем мире слово “internet” будет произноситься почти так же: интернет (русский), l'Internet (французский), internettet (норвежский), 인터넷 (inteones – корейский), а по-казахски – ғаламтор (дословно: «всемирная сеть»). Другой интервьюер поделился своим мнением: «Казахский язык совершенно не имеет никакой информационной базы и даже близко не стоит по количеству контента в СМИ и интернете по сравнению с русским языком (фильмы, книги, сайты и др.), поэтому казахский язык бесперспективен. Он востребован лишь внутри страны, но не более».

¹ См.: Различия между казахами. Почему казахи не хотят учить казахский язык? 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://youtu.be/X-u199sDzKg> (дата обращения 12.02.2022)

На официальных сайтах правительства Казахстана используются казахский, русский и английский языки, но большинство людей предпочитает именно версию на русском языке [Хайнджу 2020]. Анализ по статистике использования языков в казахском интернет-пространстве показал, что русский язык был рабочим языком 610 вебсайтов, это составило 87% от общего числа [Sinyachkin, Sinyachkina 2018]. Лишь 13% людей предпочитают искать информацию на другом языке.

Есть респонденты, настроенные менее агрессивно: «живя в Казахстане, думаю, надо понимать казахский язык»; «моё мнение что знать свой (казахский) язык, это хорошо»; «при СССР, когда были только русские школы, наш (казахский) язык никуда не делся, не испарился и не исчез, почему сейчас так переживают, кто на каком языке говорит?»; «на английском и русском языках можно найти много информации, поэтому люди чаще говорят на этих языках, чтобы развиваться»; «был в северной области Казахстана, а автобусах всегда к казахам обращались на казахском: с акцентом, на ломанном, но всегда отвечали на казахском».

Казахстанцы видят, как и плюсы у трехязычной системы, так и минусы.

Заключение

Таким образом, несмотря на современные тенденции и политическую ситуацию в мире значение русского языка в Казахстане остается большим – он широко применяется в производстве, экономике, науке и технике, в сфере новых технологий, а также является рабочим языком ООН и фактически языком общения СНГ [Дюсенбі 2021]. Большой процент населения до сих пор использует русский язык как основной на бытовом и на профессиональном уровне (даже несмотря на то, что некоторые говорят с ошибками: неправильно определяют категорию рода, пропускают предлоги и путают падежи).

Сейчас в Казахстане английский язык преподается с первого класса, и его изучение, в сравнении с другими иностранными языками, доминирует. Низкий же результат тестирования можно обосновать учебной программой (в Казахстане на первом месте стоят два языка: русский и казахский, а значит, их изучению уделяется больше внимания,

чем английскому языку). Если не изменить учебный план по английскому языку, не наделить детей базовыми знаниями, то ученики не смогут должным образом познавать дисциплины, преподаваемые на этом языке (в том случае, если они продолжат своё обучения в ВУЗах).

Мы видим, что сейчас языковая политика Казахстана направлена в первую очередь на возрождение казахского языка (его стали преподавать не с четвертого класса, как это было в эпоху СССР, а с первого) и на улучшение знания мирового языка (английского) (его тоже теперь преподают с первого класса).

Все эти факторы расширяют, углубляют, укрепляют систему полилингвального образования в Республике Казахстан, но важно помнить, что, когда иностранные и местные языки включаются в систему образования, нельзя насильно навязывать их изучение. Следует принимать во внимание жесткую меру и четкие рамки, потому что навязывание языка людям опасно и может вызвать напряженность между различными этническими и / или языковыми сообществами [Okal 2014].

Литература

1. Воробьева Г.В. Многоязычие как основа межкультурной коммуникации в работе интернациональных студенческих объединений / Воробьева Г.В., Птицына Е.В., Ингеманссон А.Р. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия: Науки об образовании, 2019. С. 33–37.
2. Гальченко С.И. Роль иностранного языка в развитии международных отношений // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета, 2019. № 4 (52).
3. Малых Л. М. Модель мультилингвального образования в полиэтническом регионе. // Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2016. 208 с.
4. Малых Л. М. Мультилингвальное обучение – путь к улучшению качества иноязычного образования // Многоязычие в образовательном пространстве. Ижевск, 2011. С. 19–23.
5. Могилевич Б. Р. Калинин А. А. Многоязычие как социокультурный феномен // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2017. Т.17. Вып. 2. С. 136–138.

6. Филин Ф.П. Образование языка восточных славян // Москва-Ленинград: Издание Академии наук СССР, 1962. 296 с.
7. Хайнджу, Ю. Современное положение русского языка в государствах Центральной Азии // Постсоветские исследования. 2020. Т.3. № 3. С. 253
8. Образование в многоязычном мире. Установочный документ ЮНЕСКО, – ред. Анни Бриссэ, Луи-Жану Кальве, 2002 г. 17 с.
9. Дюсенбі Ж.Е. Триединство языков в Казахстане // “CHRONOS” Мультидисциплинарные науки. 2021. Т. 6. Вып. 3 (53). С. 61–63.
10. Njoroge, M.C. Mwangi, P.W., Ndung’u, R.W. et al. Introduction: multilingualism and education: the critical nexus // Multilingual Education. 2014. Vol. 4. No. 10
11. Okal B. O. Benefits of Multilingualism in Education // Universal Journal of Educational Research. 2014. No. 2(3). pp. 223-229
12. Sinyachkin V.P., Sinyachkina N.L. MULTILINGUALISM IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN: VIEWPOINT FROM THE OUTSIDE // Polilinguality and Transcultural Practices. 2018. No. 15(3). P. 450

References

1. Vorobyova G.V. [Multilingualism as the basis of intercultural communication in the work of international student associations] / Vorobyova G.V., Ptitsyna E.V., Ingemansson A.R. // In: Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University [Educational Sciences], 2019, pp. 33–37.
2. Galchenko S.I. [The role of a foreign language in the development of international relations]. In: Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University, 2019, no. 4 (52).
3. Malykh L. M. [A model of multilingual education in a multi-ethnic region]. In: Izhevsk: Publishing Center “Udmurt University”, 2016. 208 p.
4. Malykh L.M. [Multilingual education is a way to improve the quality of foreign language education]. In: Multilingualism in the educational space. Izhevsk, 2011, pp. 19–23.
5. Mogilevich B. R., Kalinkin A. A. [Multilingualism as a socio-cultural phenomenon]. In: Proceedings of the Saratov University. New episode. [Sociology. Political science], 2017, v.17, issue. 2, pp. 136–138.
6. Filin F.P. [The formation of the language of the Eastern Slavs]. In: Moscow-Leningrad. [Edition of the Academy of Sciences of the USSR], 1962, 296p.

7. Hainju, Yu. [The current position of the Russian language in the states of Central Asia]. In: *Post-Soviet Studies*, 2020, v.3, no. 3, 253 p.
8. Education in a multilingual world. UNESCO Position Paper, ed. Annie Brisset, Louis-Jean Calvet, 2002, 17 p.
9. Dyusenbi Zh.E. [Trinity of languages in Kazakhstan]. In: “CHRONOS” [Multidisciplinary sciences]. 2021, vol. 6#3 (53), pp. 61–63.
10. Njoroge, M.C., Mwangi, P.W., Ndung’u, R.W. et al. Introduction: multilingualism and education: the critical nexus // *Multilingual Education*. 2014. Vol. 4. No. 10
11. Sinyachkin V.P., Sinyachkina N.L. MULTILINGUALISM IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN: VIEWPOINT FROM THE OUTSIDE // *Polilinguality and Transcultural Practices*. 2018. No. 15(3). P. 450

СТИЛИСТИКА И АНАЛИЗ ДИСКУРСА

УДК 81.139

Беляков Михаил Васильевич
Belyakov Mikhail

Контент-анализ: теория и практика применения для анализа текстов открытой дипломатии

Content-analysis: theory and practice of application of public diplomacy texts

***Аннотация.** В статье рассматриваются основные этапы становления контент-анализа как метода исследования текстов разных направлений в зарубежной и отечественной практике. Целью исследования является, с одной стороны, краткий обзор развития метода контент-анализа, а с другой – анализ языкового материала (выступления в рамках открытого профессионального дипломатического дискурса) средствами компьютерного количественного и качественного контент-анализа. Новизна исследования определяется тем, что предлагается вариант определения общей эмотивности выступления дипломата количественным способом. Проводится интерпретация выбранной коммуникативной стратегии роста эмотивности речи. В ходе исследования рассматривается связь экстралингвистической ситуации и степени эмотивности текста, приводятся на исследуемом примере варианты количественного анализа соотношения конфликтосодержащих и эмотивных высказываний, а также фактического материала выступления.*

***Abstract.** The article deals with the main stages of the formation of content analysis as a method of studying texts of different fields in foreign and domestic practice. The purpose of the study is, on the one hand, a brief overview of the development of the content analysis method, and on the other hand, the analysis of language material (speeches within the framework of open professional diplomatic discourse) by means of computer quantitative and qualitative content analysis. The novelty of the study is determined by the fact that a variant of determining the general emotivity of a diplomat's speech is proposed in a quantitative way. The interpretation of the chosen communicative strategy for the growth of emotivity of speech is carried out. In the course of the study, the relationship between the extralinguistic situation and the degree of emotivity of the text is considered, options for quantitative analysis of the ratio of conflict-containing and emotive statements, as well as the actual material of the speech are given on the example under study.*

***Ключевые слова:** открытая дипломатия, контент-анализ, Совет безопасности ООН, эмотивность*

***Key words:** public diplomacy, content analysis, UN Security Counsel, emotivity*

1. Введение

Термин «контент-анализ» в гуманитарной сфере известен уже более 150 лет, а с 1930-х гг. этот сначала социологический, а

затем и лингвистический подход превратился в самостоятельный научный метод, стал расширяться и усложняться за счет появления новых инструментов познания в этой области. Будучи вначале по большей части прикладным методом, контент-анализ впоследствии обрел теоретическую основу, получили свое развитие количественный и качественный варианты, а впоследствии метод обрел и компьютерную реализацию.

К основным зарубежным исследованиям можно отнести работы основоположников метода: Г. Ласуэлла, изложившего в монографии «Техника пропаганды в мировой войне» (1927) проблемы политической и военной пропаганды; Б. Берельсона, впервые определившего сам метод контент-анализа (1952), его разновидности, единицы и критерии для количественного исследования; К. Криппендорфа, который в монографии «Контент-анализ: введение в методологию» (1980) сформулировал важнейшие 6 вопросов, на которые стоит опираться при проведении контент-анализа и мн. др. Идеи Г. Ласуэлла впоследствии развивал О. Хольсти [Максименко, Хроменков, 2013]. В последней трети XX в. Университете Глазго методом контент-анализа проводились исследования содержания теленовостей на предмет правдивости, что стало одним из первых прообразов анализа fake-news. В этот же временной период появляются работы К. Карли, Р. Вебера, Х. де Ландтсхеер, в которых под разными углами зрения рассматриваются достоинства и недостатки применения данного метода в разных типах дискурса, а также разной информационной среде – от так называемых «качественных СМИ» до социальных сетей [там же].

Исследования так теории контент-анализа, так и применение его на практике междисциплинарно, что объясняется сутью самого метода – извлечение объективной информации из текстов любой тематики и, в современном варианте, представленных на любых носителях – как бумажных, так и электронных, причем текстов не только вербальных, но и поликодовых.

Контент-анализ в отечественной науке стал активно развиваться также в последней трети XX в., логично смещая акценты от сугубо социологических исследований, например, Е.Я. Гаршица, до лингвистических (Л.Н. Федотова, А.Н. Баранов,

С.К. Шаляпина, Г.Ю. Малкова и др.) В целом, контент-анализ проводят, чтобы определить, как содержание текста влияет на аудиторию, а также для того, чтобы количественно описать содержание коммуникации. Кроме того, следует заметить, что контент-анализ и количественный, и качественный снижает вероятность субъективности при интерпретации текста [Беляков 2016, с. 67]. Количественный контент-анализ позволяет, согласно модели Г. Лассуэла, определить не только кто и что сказал, но и с каким эффектом. Г. Лассуэлл подчеркивал ценность этого метода для анализа текстов политического дискурса [там же, с. 59]. Столь же объективным является этот метод и для открытого дипломатического дискурса.

2. Материал и анализ

Осуществить процедуру контент-анализа можно на разных уровнях текста. Выделяется шесть таких уровней:

1. Синтаксический уровень, где анализируются буквы, слова, слоги или предложения;

2. Семантико-синтаксический уровень, где изучают, как синтаксические структуры могут повлиять на значение;

3. Семантический уровень, где происходит анализ значений слов, словосочетаний и предложений;

4. Прагматико-синтаксический уровень, где анализируются связи синтаксиса и эффекта текста;

5. Семантико-прагматический уровень, где соотносят эффект текста с конкретными его единицами;

6. Прагматический уровень, где ищут структуры, влияющие на восприятие текста, например, риторические вопросы [Тичер и др. 2009, с. 93].

Задачи, которые можно решить средствами контент-анализа, могут быть разными, мы предлагаем использовать данный метод для выявления степени эмотивности текста в открытом профессиональном дипломатическом дискурсе, оказывающей значительный эффект на слушающих (т.е. пятый и шестой уровень текста). Рассмотрим вариант решения такой задачи на материале выступления Постоянного представителя

Российской Федерации при Совете Безопасности ООН В.А. Небензи по Сирии (06.02.2020 г., Нью-Йорк)¹.

Выступления дипломатов высокого ранга, к которым относятся и Постоянные представители стран, входящих в ООН, представляют собой, в первую очередь, подготовленную речь, каждое слово в которой должно быть тщательно выверено, поскольку может вызвать серьезный резонанс в мировом сообществе. Появление эмотивной лексики, которая в некоторых условиях способна превратиться в конфликтогенную [Беляков 2019], должно быть оправданно дипломатическими целями, но прежде всего, отражает реакцию на экстралингвистическую ситуацию. Поэтому для проведения анализа необходимо определить коммуникативную ситуацию, в которой реализуется данное выступление. Обсуждение в Совете Безопасности ООН сирийского вопроса, как правило, сопровождается повышением эмотивной тональности текста. Выступления на заседаниях, посвященных вопросам внешней политики, характеризуется широким использованием эмоционально-окрашенной лексики, где присутствует доля возмущения, иронии, высмеивания, недоумения. С психологической точки зрения такое поведение мотивируется защитной реакцией человека, к которому: а) относятся предвзято б) его слушают, но не слышат, в) его позиция понятна, но с ним не могут согласиться, потому что таким образом соглашающийся теряет авторитет в глазах мировой общественности (особенно небольшие страны).

Компьютерные пакеты контент-анализа, в частности, atlas.ti, позволяют получать наглядные объективные характеристики текста.

1

https://www.mid.ru/foreign_policy/news//asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4029031

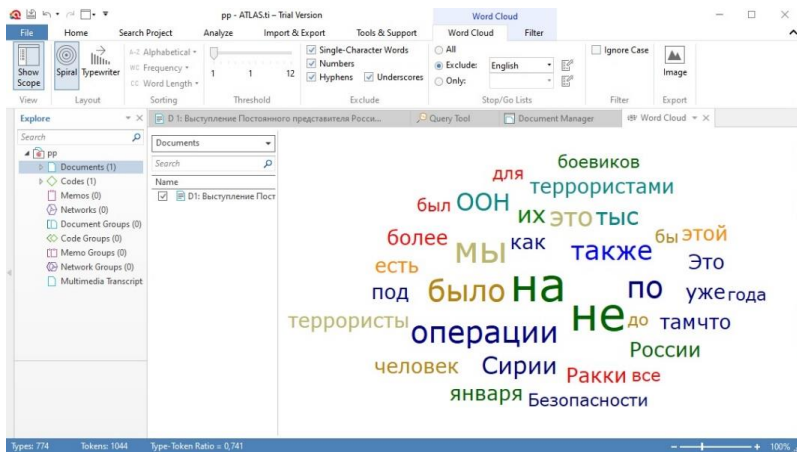

Рис. Облако частотных слов, полученное с помощью программы atlas.ti9.

Для дальнейшего анализа было выделено из речи В.А. Небензи 2 типа эмотивных единиц:

- 1) конфликтодержащая лексика;
- 2) эмоционально окрашенная лексика + оценочные суждения говорящего + сарказм.

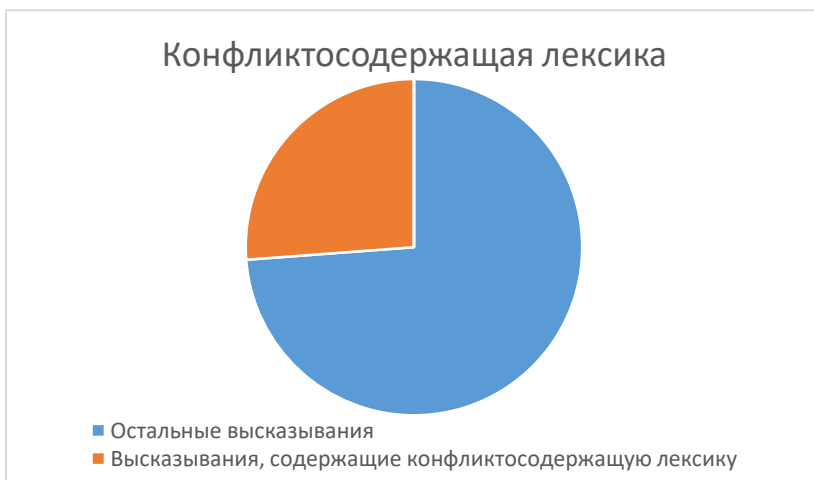
1) *Террористы, угроза, бороться, захватившие, атака, жертвы; нападение; убитый; раненый; ущерб; заложники; было уничтожено; погибли; военные акции; средство ведения войны; пропаганда;*

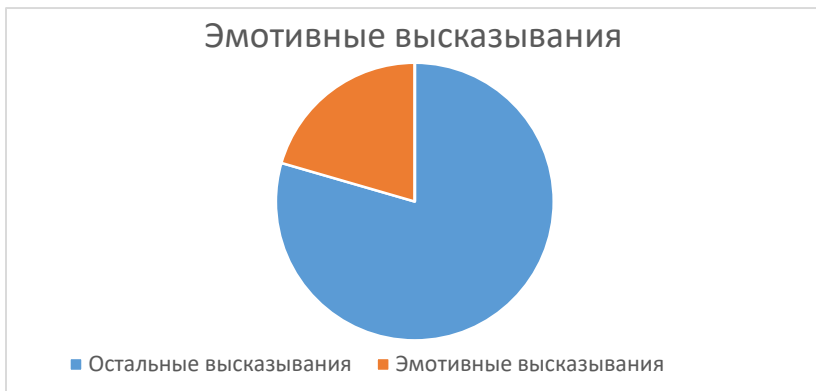
2) *мы снова обсуждаем; обсуждали ее целых два раза; знакомый почерк; уважаемым коллегам, кстати; «неправильные» сирийцы; устраню этот пробел; обходятся вниманием; под предлогом его «защиты»; хочу пояснить; о том, что «Хейят Тахрир аш-Шам», оказывается, «не так уж и плох» и «не представляет такой уж опасности»; не позволим вбивать в него клинья; «варварство»; не утруждайтесь проверять; «плохих парней»; я тоже вам напомню один урок географии; Ошибаетесь; «все равны перед законом, но кто-то равнее»; чистой воды фарс; неких таинственных «радиолюбителей»; видимо, посредством кухонных радиоприемников; без удивления смотреть невозможно; образец избирательности;*

«проповедовать». был стерт с лица земли, гуманитарщики лучшее в этой рубрике.

Выделенные эмотивные единицы по большей части выходят за рамки одного слова и представляют собой словосочетание/синтагму. Число слов в данной речи – 1242. Для выявления общей эмотивности текста можно получить данные о соотношении встречаемости подобных единиц к общему числу предложений. Для подсчета общего количества предложений в речи достаточно использовать стандартную функцию Microsoft Word автоматического поиска знаков: точка, восклицательный и вопросительный знак, после чего вручную вычитается количество точек, используемых для сокращений (типа «и т.д.»). В итоге получаем такую структуру выступления: 85 предложений, заканчивающихся точкой; одно предложение с восклицательным знаком; семь предложений с вопросительным знаком, т.е. 93 законченных высказывания.

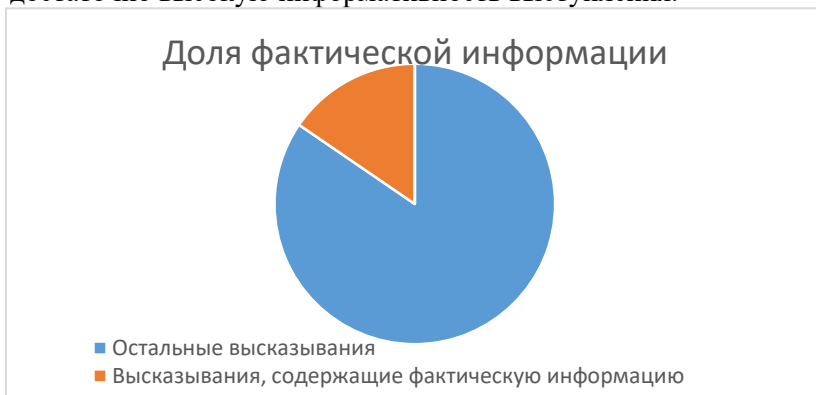
Употребление единиц первого типа встретилось в 33 предложениях; единиц второго типа – в 24 предложениях.

Употребление эмоционально окрашенной лексики, оценочных суждений, сарказма и неоднозначных выражений наблюдается в 25,81% законченных высказываний, т.е. в одной четверти всех высказываний.

Далее можно подсчитать количество высказываний, содержащих факты и цифры. Таких предложений – 17, что составляет 18,28% от общего объема текста, что демонстрирует достаточно высокую информативность выступления.

Однако стоит отметить, что задачей В.А. Небензи является не только перечисление фактического материала и статистики, связанных с сирийской проблемой. Важная коммуникативная стратегия – вызвать эмоциональную реакцию

на перечисленные проблемы не только у коллег в зале заседаний СБ ООН, но у всех, кто посмотрит/послушает выступление или его запись в интернете, что можно рассматривать как составляющую часть информационного влияния. Известно, что выступления ведущих мировых политиков, особенно по международной проблематике, собирает большое число просмотров по всему миру. Так, выступление Президента РФ на Генеральной ассамблее ООН в 2015 г. “Do you realise what you've done?” Putin addresses UNGA 2015 (FULL SPEECH)¹ собрало 2 337 947 просмотров.

Метод количественного и качественного контент-анализа позволяет определить, с одной стороны, тематику текста, а с другой, при заданных параметрах, его эмотивную характеристику. В выборе эмотивных выражений и лексических единиц в выступлениях открытого профессионального дипломатического дискурса прослеживается направленность информационного влияния: адресатом являются слушатели, для которых русский язык является родным и небольшое число тех, кто знает язык достаточно хорошо. Максимальный эффект оказывается только на тех, кто воспринимает такие выступления без перевода. СМИ, как правило, транслируют отрывки из выступлений, содержащие большой процент эмоционально окрашенной лексики, что создает эффект концентрированной эмотивности. Однако необходимо отметить, что дипломаты, постоянно принимающие участие в заседаниях СБ ООН, в меньшей мере подвержены эмоциональному влиянию. Эффект дополнительно снижается за счет использования синхронного перевода, задачей которого, по большей части, является точная передача фактической информации. Элементы с максимальной эмотивностью переводчик в большинстве случаев опускает, поскольку практически невозможно мгновенно подобрать удачный эквивалент с элементами иронии или сарказма. Например, в данном выступлении присутствуют такие фразы как *неких таинственных радиолобителей, образец избирательности, проповедовать*, в которых содержится прямая насмешка и сарказм. Такие высказывания поддаются переводу,

¹ <https://www.youtube.com/watch?v=76xGN5rABKo>

но могут восприниматься иностранной аудиторией как *arrogance*.

Заключение

Таким образом, суммируя все вышеперечисленное, можно сделать вывод, что на протяжении времени метод контент-анализа, его цели и способы его осуществления менялись, тем не менее, количественный и качественный контент-анализ в сочетании с другими методами позволяет объективно выделить эмотивную составляющую выступлений открытого профессионального дипломатического дискурса, а также показать, что мотивированность использования эмотивной лексики в речи выступающего определяется рядом факторов, принципиально значимым среди которых является реализация цели восприятия аудиторией декларируемых положений в психологически верном ключе.

Литература

1. Беляков М.В. Анализ новостных сообщений сайта МИД РФ методом контент-анализа (статья 1) // Вестник РУДН. Серия Теория языка. Семиотика. Семантика. 2016 №3 С. 58-68.
2. Беляков М.В. Семиотические доминанты презентации информации в цифровой дипломатии // Вестник РУДН. Серия Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019 №3 С. 593-601
3. Лассуэл Г.Д. Техника пропаганды в мировой войне. Пер. с англ. В.Г. Николаева М.: ИНИОН РАН, 2021. 236 с.
4. Максименко О.И., Хроменков П.Н. Исследование конфликтных текстов методом контент-анализа: история и современность // Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики. 2013 №4 (4). С. 109-117
5. Тичер С., Веттер Е., Водак Р., Мейер М. Методы анализа текста и дискурса / пер. с англ. / под ред. А.А. Киселевой. – Х.: Изд-во Гуманитарный центр, 2009. 356 с.

References

1. Belyakov M.V. Analysis of news reports of the website of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation by the method of content analysis (Article 1) // Bulletin of the RUDN. The Theory of language. Semiotics. Semantics. 2016 No.3 pp. 58-68.

2. Belyakov M.V. Semiotic dominants of information presentation in digital diplomacy // Bulletin of the RUDN. The Theory of Language. Semiotics. Semantics. 2019 No.3 pp. 593-601
3. Lasswell G.D. Propaganda technique in the World War. Translated from the English by V.G. Nikolaeva M.: INION RAS, 2021. 236 p.
4. Maksimenko O.I., Khromenkov P.N. The study of conflictogenic texts by the method of content analysis: history and modernity // Scientific notes of the National Society of Applied Linguistics. 2013 No.4 (4). pp. 109-117
5. Titscher S., Vetter E., Wodak R., Meyer M. Methods of text and discourse analysis/ trans. A.A. Kiselevoj. Kharkov: Gumanitarnyj centr, 2009. 356 p.

УДК 811.161.1'42+811.161.1'37

Димитриева Ольга Альбертовна
Olga Dimitrieva

Аксиологический аспект ситуации винопития в произведениях Александра Грина

Axiological aspect of the situation of wine drinking in the works of Alexander Green

***Аннотация.** В статье рассматривается вакхическая ситуация в произведениях Александра Грина с точки зрения ее ценностного аспекта. Цель исследования заключается в том, чтобы изучить особенности языковой репрезентации ситуации винопития в творчестве А. Грина, в частности уделяется особое внимание утилитарной, эстетической и духовно-идейной семантике. Актуальность настоящего исследования видится в том, что разрабатывается, реконструируется и описывается часть фрагмента семантического поля Винопитие в его индивидуально-авторской интерпретации в художественном тексте. Видение автора, с одной стороны, национально обусловлено и маркировано общественными и культурными условиями. С другой стороны, понятие пропускается сквозь призму авторского мировидения, ситуация размещается на шкале авторских ценностей, с которой считываются значимые для автора аспекты, которые вербализуются языковыми средствами, «излюбленными» для языковой личности автора. Материалом для исследования являются отрывки из произведений А. Грина, в которых содержится лексика, связанная тем или иным образом с ситуацией употребления спиртного. Основным методом исследования является контекстуальный метод, в частности интерпретация*

контекстной семантики, а также описательный и метод моделирования. Выявлено, что основной доминантой в репрезентации ситуации винопития в художественном мире А. Грина является эстетизм. Отмечается, что вино может являться средством путешествия при перемещении из одного мира в другой (идеальный), в мир грез. Языковым средством выражения оценки являются признаковые слова, используемые в синонимических и антонимических парах, а также метафорический перенос. Романтический мир Грина приобретает свою реальность за счет введения бытовых деталей.

Abstract. Introduction. The article examines the bacchanalian situation in the works of Alexander Green from the point of view of its value aspect. The aim of the work is to study the peculiarities of the linguistic representation of the situation of wine drinking in the works of A. Green. In particular, the author pays special attention to utilitarian, aesthetic and spiritual-and-ideological semantics. Materials and Methods. The material for the study is excerpts from the works of A. Green, which contain vocabulary related in one way or another to the situation of alcohol consumption. The main method of research is the contextual method, in particular the interpretation of contextual semantics, as well as descriptive and modeling methods. Results. The relevance of this research is seen in the fact that a part of the fragment of the semantic field of wine drinking is being developed, reconstructed and described in its individual author's interpretation in a literary text. The author's vision, on the one hand, is nationally conditioned and marked by social and cultural conditions. On the other hand, the concept is passed through the prism of the author's worldview, the situation is placed on the scale of author's values, from which aspects significant for the author are read, which are verbalized by linguistic means "favorite" for the author's linguistic personality. Conclusions. It is revealed that the main dominant in the representation of the situation of wine drinking in the artistic world of A. Green is aestheticism. It is noted that wine can be a means of travel when moving from one world to another (ideal), to the world of dreams. The linguistic means of expressing evaluation are the characteristic words used in synonymic and antonymic pairs, as well as metaphorical transfer. Green's romantic world acquires its reality through the introduction of household details.

Ключевые слова: А. Грин, семантика, культура винопития, национальный менталитет, идиостиль, индивидуально-авторская картина мира

Key words: A. Green, semantics, wine drinking culture, national mentality, idiostyle, individual author's worldview

Вводные замечания

Диапазон исследований, посвященных теме еды и питья в языке и литературе, довольно широк. Во-первых, изучается лексика, репрезентирующая концепт «Еда» в разных языках и определяются ценностные ориентиры в культуре (см. [Савельева 2006]), рассматриваются гастрономические метафоры [Дормидонтова 2011; Юрина, Балдова 2020], составляются словари пищевых метафор [Словарь 2015; 2017]; во-вторых, воссоздается национальный и индивидуально-авторский образы еды и питья (см., например, в русском фольклоре [Егорова 2021], в художественном мире М. А. Булгакова [Химич 2006], Н. В. Гоголя [Бочкарев 2021] и др.

А. В. Павловская отмечает, что еда является «проводником культуры» и эффективным способом воздействия на людей в двух направлениях: 1) «пищевой образ» как средство создания положительного или отрицательного образа страны или народа; 2) т. н. «гастрономический патриотизм», появляющийся как результат запретов на продукты питания в качестве способа привлечения внимания к политической ситуации [Павловская 2018: 105]. Ею также предлагается введение термина «гастрософия» как раздела исторической науки, в котором изучается «пища (включая продукты питания), ее бытование в обществе и традиции ее приема в историко-культурном и социальном аспектах, как фактор исторического развития человека и общества, как часть повседневной культуры человечества» [Павловская 2016: 39].

Предметом рассмотрения данной статьи является сфера винопития, являющаяся частью гастрономической картины мира, и в частности, ее индивидуально-авторское преломление в художественном мире А. Грина. Актуальность настоящего исследования видится в том, что разрабатывается, реконструируется и описывается часть фрагмента семантического поля *Винопитие* в его индивидуально-авторской интерпретации в художественном тексте. Опираясь на исследование М. Л. Ковшовой о семантике головного убора в культуре (шире – костюмного кода) и ее классификацию аспектов семантики культуры, таких как (1) утилитарная семантика, 2) функциональная семантика, 3) социально-иерархическая семантика, 4) эстетическая, 5) духовно-идейная семантика [Ковшова 2015: 24]), примем тот факт, что за вакхической ситуацией также стоит семантика культуры, здесь выделяются свои оценочные планы и вино часто соотносится со шкалой ценностей. Цель исследования заключается в том, чтобы изучить особенности языковой репрезентации ситуации винопития в творчестве А. Грина с точки зрения ценностного аспекта. Рассмотрим, во-первых, некоторые черты вакхического мира А. Грина, во-вторых, аспекты ценностной семантики ситуации винопития.

Об особенностях вакхических образов в произведениях А. Грина

Мы уже ранее отмечали некоторые особенности вакхического образа человека и в целом ситуации винопития в художественном мире Александра Грина [Димитриева 2021a]. Так, картины пития и яств отличаются красочностью, частотным использованием золотисто-алых и серебряных тонов: *Загляни в мое помещение. Его теперь уже трудно узнать; устлан коврами пол, огромный стол посреди; на нем – графины, бутылки, кувшины, **серебряные** кубки и **вызолоченные** стаканы; на каждом стакане – тонкий узор цветов, взятый как сновидение. Они привезены из Венеции; **алое вино** обнимается в них с **золотыми цветами** (Блестящий мир) [Грин 1986: 140].* Автор избегает тривиальных характеристик предметов еды, сервировки и цветовой гаммы, вводит специфическую яркую и оригинальную палитру красок: *На скатерти в серебряных корзинах лежит **пухлый, как заспанная щека, хлеб**; вишни и виноград, **рыжие** апельсины и сливы, **подернутые сизым налетом, напоминающим иней**. Есть здесь также сыры, налитые золотым маслом, испанские сигары; окорок, **с разрезом, подобным снегу, пронутому земляничным соком**; жареные куры и торт – истинное кружево из сладостей, – залитый шоколадом, – но все смешано, все в беспорядке (Там же).* Описание посуды по красоте коррелирует с ее содержимым и отличается тем, что автор указывает в подробностях мельчайшие детали, рисунок, форму предметов быта: *Сахарница напоминала серебряное пирожное. Ложки, щипцы для сахара, салфетки в эмальированных кольцах и **покрытый золотым плетеньем из мельчайших виноградных листьев карминовый графин с коньяком** – все явилось, как солнце из туч (Золотая цепь) [Грин 1986а: 324].* Вино на таких картинах, как правило, гармонично вписывается в общий колористический контекст, «окрашиваясь» в золотистый или алый тона: *Горничная, накрыв к завтраку стол, ушла. Том заметил большой **графин с золотистым вином** и вспомнил, что капитан Кидд (из книги «Береговые пираты») должен был пить ром на необитаемом острове, в совершенном и отвратительном одиночестве (Гнев отца) [Грин 1980: 177].* А. Грин «любит» придавать вину черты отдельного существа, иногда легендарного (достаточно, к примеру, вспомнить описание столетнего вина в погребке Грэя из романа «Алые

паруса»), достойного уважения (в таких случаях отмечается его возраст: *Вино это старше вас, Гнор; вы томились в лесах, целовали Кармен, учились и родились, а оно уже лежало в погребке. – Он налил себе и Гнору, стараясь не расплескать (Жизнь Гнора) [Грин 1986б: 429]*). В качестве одной из отличительных черт морского волка является его умение и привычка пить спиртное: – *Такой старый морской волк, как ты, должен выпить стаканчик, – сказал Бутлер. – Верно? Выьем и забудем этих прохвостов. Твое здоровье! (Комендант порта) [Грин 1980: 184]*. В ситуациях винопития, участником которых является моряк, вводится одна из характерных особенностей его внешности, которая маркирует его статус, – это наличие усов и бороды: *Варнава пристально изучал лицо новичка [капитана Дюка], его вечно хмурый, крепко сморщенный лоб, под которым блестели маленькие, добродушные, умеющие, когда надо, холодно и грозно темнеть глаза; его упрямый рот, толстые щеки, толстый нос, изгрызенные с вечно похмелья, тронутые сединой усы и властное выражение подбородка (Капитан Дюк) [Грин 1980: 16]*.

В некоторых случаях спиртное является средством, порталом, с помощью которого становится возможным переход из одного времени в другое (в рассказе «Фанданго» 30 минут и стакан вина в мире Бам-Грана соответствуют нескольким годам в реальной жизни героя): *Между тем дорожите временем, сеньор Каур, – вы можете пробыть здесь только тридцать минут. Я не хотел бы, чтобы вы жалели об этом. Во всяком случае, мы успеем выпить по стакану вина. Ремм, как умилительна твоя быстрота! Вошел слуга. Он был в белой пижаме, с бритой головой. Поставив на стол поднос с кувшином из цветного стекла, в котором было вино, графин с гранатовым соком и лед в серебряной вазе, обложенный соломинками, он отступил и посмотрел на Бам-Грана взглядом обожания (Фанданго) [Грин 1988: 89]*; расширение текущего момента: *Так, например, легенда о бриллианте в тысячу восемьсот каратов, ехидно и тонко обработанная ими меж бокалов шампанского и арией «Жоселена», произвела могучее действие, бросив тысячи проходимцев на поиски чуда к водопаду Альпетри, где, будто над водой, в скале, сверкало чудовище*

(Сердце пустыни) [Грин 1986а: 485]; а также поставить или определить временные рамки: *Я не был собой; вернее, одновременно я был в гавани Лисса и здесь, так что должен был отделить прошлое от настоящего вразумляющим глотком вина, подобного которому не пробовал никогда* (Золотая цепь) [Грин 1986а: 285].

Исследователи творчества А. Грина пишут о его сложном языке мифометафор, архетипов и символов [Лопуха 1990; Шарданова 2009: 102; Ключерова 2017]. Гастрономические (в т. ч. вакхические) лексемы могут, с одной стороны, выступать в качестве характеристик событий, становятся источником для их образной номинации: <...> *граф и миллиардер, и о нем вздыхали уже наездницы, глотая слюнки в мечтах ресторано-ювелирного качества* (Блистающий мир) [Грин 1986а: 86]; *Примем в возражение факты, сущность которых так разительна, что мясо и дух события, иначе говоря – очевидство и проникновение в суть факта, немного прибавят к впечатлению, полученному путем сообщения. <...> достаточно вспомнить то хладнокровное внимание, с каким просматриваем мы газету, не помня на другой день, что читали сегодня, а между тем держали в руках не что иное, как трепет, борьбу и жизнь всего мира, предьявленные на манер ресторанного счета* (Там же) [Грин 1986а: 165]. С другой стороны, ситуация винопития и состояние опьянения часто являются мишенью для образной номинации: лексика из различных сфер характеризует тот или иной аспект состояния человека. Например, в рассказе «Ветка омелы» главный герой Тергенс приходит к решению перестать употреблять спиртное и в связи с этим проходит через ряд физиологических, физических и моральных испытаний, вербализуемых с помощью ряда метафор: алкоголь приобретает антропоморфные черты, в описание перемены в состоянии героя вовлекаются фитоморфные метафоры (ветка омелы и ветка клена), а само состояние опьянения связывается с мотивом странствий и грез [Димитриева 2021б].

Ценностная семантика ситуации винопития

При анализе фрагментов текста с вакхической семантикой воспользуемся обозначенной ранее классификацией М. Л. Ковшовой, рассмотрим проявление утилитарно-

функциональной, эстетической и духовно-идейной семантики. Ясно, что данное деление имеет условный характер и в «чистом» виде классификацию представить сложно, в особенности в рамках художественного текста.

1. Утилитарная семантика. Традиционное отношение к употреблению спиртного – это определение его значимости с точки зрения пользы для человека. В качестве основных черт, обычно упоминаемых в этом аспекте, является способность влиять на температуру тела: вспомним фразеологизм – *для сугрева* «Прост. Шутл. Совсем немного, только чтобы согреться (выпить спиртного)» [Федоров 2008: URL <http://phraseology.academic.ru>]. Рассмотрим следующие примеры из произведений Грина:

(1) *Рассматривая присутствующих, покуривая и внутренне веселясь в ожидании целого ряда каких-то прелестей, освеженный и согретый вином, я обратил внимание на вертлявоглазое, хитрое лицо старика, сидевшего неподалеку в обществе плохо одетой, смуглой и полной женщины* (Возвращенный ад) [Грин 1980: 47]; (2) *Резкий, как щелчки, дождь бил в лицо. В мраке суетилась вода, ветер скрипел и выл, раскачивая судно. Рядом стояла «Мелузина»; там мучители мои, ярко осветив каюту, грелись водкой* (Золотая цепь) [Грин 1988а: 272]; (3) *Как смерклось, – после обеда, тронутого ею весьма прихотливо, не в пример жажде, которую она время от времени успокаивала водой и чаем с вином, – лакей подал еще карточку* (Блистающий мир) [Грин 1986а: 143].

Как видно из примеров, наряду с традиционной утилитарной функцией – согреть (*согретый; грелись*, причем в последнем случае глагол *греться* одновременно означает *пить*) употребляется в функции седативной (*успокаивала*) и тонизирующей (*освеженный*).

2. Эстетическая семантика. Изображение ситуации винопития, как правило, вписывается органично в общую картину пиршества, в которой материальная красота соотносится с внутренним состоянием героя:

(1) *Озадаченный, я должен был бы сесть у камина в глубокое и покойное кресло, способствующее течению мыслей. Я должен был отдаться тихим шагам наития и, прихлебывая*

столетнее вино вишневого цвета, слушать медленный бой часов, рассматривая золотые угли (Фанданго) [Грин 1988: 72];

(2) *Руки соединились, и стаканы вскрикнули маленьким, осторожным звоном... Вино блеснуло, точно в нем судорожно билась крошечные золотые рыбки, и разноцветные зайчики скользнули по белизне скатерти. Журналист вынул платок, тщательно протер очки, надел их и внимательно посмотрел на жидкость. Она невинно горела перед ним в тонком стекле ровным, красным кружком. Женщина, молча, усиленно проглатывая, выпила все до последней капли; глаза ее смотрели поверх бокала, темные, ласковые глаза. Капитан выпил раньше всех. Бухгалтер нервно хихикал и потирал руки, озноб леденил его. Банкир сказал: – Вино порядочное* (Рай) [Грин URL].

В первом примере цветовая гамма (*вишневый* цвет вина, благородство и ценность которого подчеркивается его возрастом (*столетнее*) в сочетании с *золотым* цветом углей в камине), звуковое оформление (*медленный бой часов*), интерьер (*глубокое и покойное кресло; камин, часы*), манера питья героя (*прихлебывать*) – все это внешне осязаемое сочетается с внутренним медитативным состоянием героя – *отдаться тихим шагам наития, слушать, рассматривать*.

Во втором отрывке внутреннее состояние пяти героев, решивших покончить жизнь самоубийством, передается через последовательность их действий и способ обращения с вином, манеру его употребления: журналист *вынул платок, тщательно протер очки, надел их и внимательно посмотрел*; женщина, молча, усиленно проглатывая, *выпила все до последней капли*; капитан *выпил раньше всех*; бухгалтер *нервно хихикал и потирал руки, озноб леденил его*; банкир *сказал* свою оценку вину (*порядочное*). Но прежде для подчеркивания этих действий создается фон, в котором перекликаются золотые и красные оттенки вина (*крошечные золотые рыбки, разноцветные зайчики; горела ровным красным кружком*) и белизна скатерти и в который вписываются ненавязчивые звуки (*вскрикнули маленьким, осторожным звоном...*). Обстановка становится живой в отличие от желающих умереть героев: автор прибегает к зоо- и антропоморфным метафорам.

3. Духовно-идейная семантика. В произведениях А. Грина вряд ли можно встретить, к примеру, «толстовское» назидательное отношение к вину. Как отмечает, О. В. Ломакина, концепт «грех» в произведениях Л. Н. Толстого часто становится сопряжен с концептом «пьянство», т. к. винопитие сопровождается грехопадением [Ломакина 2018: 132]. «За вином» в художественном мире Грина стоит своя история. Приведем примеры:

(1) *Попробуйте это вино, сударыня. И вы, капитан... Позвольте, я налью вам. Рекомендую попробовать также это, оно слегка **заостряет мысли**. Затем можно перейти к более **буйным сортам**. Вот старое итальянское, от него приятно **кружится голова**, и розовый свет **туманит мозг**. Посмотрите сквозь стекло, я вижу там солнечные виноградники Этны. Эти **угрюмые бутылки** не должны смущать ваше милое лицо, принцесса: **под наружностью театрального злодея у них ясная и открытая душа**. Я лично предпочитаю вот этот археологический ликер: **вдохновенное опьянение**, в котором **начинает звучать торжественная и мрачная музыка**. Чокнемся, **господа** (Рай) [Грин URL: <http://lib.ru/RUSSLIT/GRIN/raj.txt>];*

(2) – *Глаза ваши не хороши, а сама бледная и дрожите, – сказал он. – Значит, больная. Но только, дитя мое, в той бутылке **вода не для детей**. **О воде этой уже сто лет пишут книги, что она вредная, и чем больше пишут, тем больше ее пьют**. Не знаю, можете ли вы ее пить. – Что же это такое? – **Виски**, друг мой (Джесси и Моргиана) [Грин URL: <http://lib.ru/RUSSLIT/GRIN/raj.txt>].*

Каждый сорт вина оказывает свое влияние. В первом фрагменте мы читаем о разных возможностях опьянения и способности вина воздействовать на интеллектуальную сферу человека: *заостряет мысли, приятно кружить голову, туманит мозг*, а также вызывать *вдохновенное опьянение* с торжественной и мрачной музыкой. Роль качественных слов (в особенности прилагательных и наречий) здесь бесспорна: они вступают в антонимические и синонимические отношения (*буйный – приятно; угрюмый / театральный злодей – ясная и открытая; вдохновенное / торжественная – мрачная; свет /*

туманит). В целом, общая оценочная модальность высказывания, характеристика вина, спектр его воздействия тяготеет к положительному полюсу аксиологической шкалы, здесь пересекаются эстетические и духовно-идейные оценки и создается позитивный образ вина и состояния опьянения. Во втором отрывке на фоне отсылки к общепринятой оценке с обобщенным субъектом в форме неопределенно-личного предложения (*уже сто лет пишут книги*) развертывается оценка вина говорящим (*чем больше пишут, тем больше ее пьют*). В этом случае также пересекаются два вида оценки: утилитарная (*вредная*) и духовно-идейная (неизменность употребления спиртного).

Нельзя сказать, что герои Грина не выражают своего негативного отношения к употреблению спиртного или относятся к вину только нейтрально и никак не оценивают его с точки зрения морали: *Это был первый припадок тоски. Наконец она стала невыносимо резкой. Увидев пылающий фонарями трактир, я вошел, выпил залпом у стойки несколько стаканов вина и сел в углу, повеселев и став опять грубее и проще, как час назад* (Возвращенный ад) [Грин 1980: 47]. Помимо различных «красивых» видов опьянения, в данном примере представлено изменение духовного состояния героя, оцениваемое им как *«став грубее и проще»*.

Выводы

Таким образом, доминантой гриновской репрезентации винопития является эстетизм. Если, например, для произведений Л. Н. Толстого винопитие связывается с этическим пониманием, вино сопровождает грехопадение и одной из возможных характеристик героя является ольфакторная оценка, то для мира Грина – это пространство нетривиальных красок и средство перехода в идеальный мир, мир грез (в таких случаях используется метафора путешествия). Визуальные оценки, переходящие в эстетические и эпикурейские, связываются с роскошью и изобилием. Область эстетического выполняет роль своего рода портала из мира реальности в мир мечты. Языковым средством выражения оценки являются признаковые слова, используемые в синонимических и антонимических парах, фито-, зоо- и антропоморфные метафорические переносы.

С одной стороны, эстетические оценки являют собой образ ирреального. С другой стороны, для того чтобы герои не казались совсем нереальными, не от мира сего, они должны иметь черты, которые делают их «приземленными»: например, настоящий морской волк умеет пить спиртное, как Грэй из романа «Алые паруса», который «задыхаясь пил водку», чтобы быть «дьявольским» моряком. Утилитарные оценки также становятся репрезентантом реальной действительности и не содержат негативного или иронического осмысления.

Литература

1. Бочкарев А. Е. О щак, бараньем боке, блинах и прочих кулинарных изделиях в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души»: ... всё вынесут русские желудки // Критика и семиотика. 2020. № 2. С. 302–314. DOI 10.25205/2307-1737-2020-2-302-314.
2. Грин А. С. Алые паруса: Избранное. Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1980. 341 с.
3. Грин А. С. Алые паруса; Блистающий мир; Золотая цепь; Рассказы. М.: Художественная литература, 1986а. 512 с.
4. Грин А. С. Бегущая по волнам: Романы и рассказы. Ленинград: Лениздат, 1986б. 639 с.
5. Грин А. С. Рай [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lib.ru/RUSSLIT/GRIN/raj.txt>. Дата обращения: 07.07.2021.
6. Грин А. С. Фанданго: Рассказы. М.: Современник, 1988. 128 с.
7. Димитриева О. А. Вакхическая лексика, вербализующая объект питания, в художественном мире Александра Грина // Научный диалог. 2021а. № 4. С. 80–96. DOI 10.24224/2227-1295-2021-4-80-96.
8. Димитриева О. А. Компаративные тропы как средство создания образа вакхического человека (на примере рассказа Александра Грина «Ветка омелы») // Функциональная грамматика: теория и практика: сб. научн. ст. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т им. И. Я. Яковлева, 2021б. С. 339–344.
9. Дормидонтова О. А. Гастрономическая метафора как средство концептуализации мира (на материале русского и французского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2011. 24 с.
10. Егорова О. А. Гастрономические традиции в русских народных сказках: из прошлого в настоящее // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. 2021. № 1(33). С. 43–52.
11. Ключерова А. О. Структура и функции метафор в произведениях А. С. Грина: дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 168 с.

12. Ковшова М. Л. Семантика головного убора в культуре и языке. Костюмный код культуры. М.: Гнозис, 2015. 368 с.
13. Ломакина О. В. Вербализация концепта "грех" фразеологическими средствами в языке Л. Н. Толстого // Научное наследие В. А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы: Труды и материалы междунар. конф. Казань: К(П)ФУ, 2018. С. 130–134.
14. Лопуха А. О. Фантастический мир Александра Грина // Проблемы исторической поэтики. 1990. №1. С. 112–114.
15. Павловская А. В. Гастрософия: наука о еде. К постановке проблемы. Часть 2 // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 1. С. 26–41.
16. Павловская А. В. Национальная гастрономическая культура как фактор формирования позитивного образа страны // Язык, культура и «мягкая сила»: Сб. научн. тр., Гуанчжоу, Китай, 11–14 ноября 2017 года. Гуанчжоу, Китай: [б.и.], 2018. С. 105–113.
17. Савельева О. Г. Концепт «еда» как фрагмент языковой картины мира: лексико-семантический и когнитивно-прагматический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2006. 26 с.
18. Словарь русской пищевой метафоры. Том 1. Блюда и продукты питания / А. В. Боровкова, М. В. Грекова, Н. А. Живаго, Е. А. Юрина. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2015. 428 с.
19. Словарь русской пищевой метафоры. Том. 2. Гастрономическая деятельность / А. В. Балдова, М. В. Грекова, Н. А. Живаго, Е. А. Юрина. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2017. 546 с.
20. Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13 000 фразеологических единиц. 3-е изд., испр. М.: Астрель: АСТ, 2008. 878 с. Режим доступа: <http://phraseology.academic.ru>.
21. Химич В. В. Эстетическая активность образов еды и питья в произведениях Михаила Булгакова // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2006. Т. 47. № 12. С. 204–224.
22. Шарданова И. В. Созвучие эстетических принципов Э. По и А. Грина (к вопросу о сходстве и различиях романтизма XIX и XX веков) // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2009. – №2 (26). – С. 97–104.
23. Юрина Е. А., Балдова А. В. Пищевая метафора в русском лингвокультурном дискурсе // Язык и культура. 2020. № 50. С. 152–169. DOI: 10.17223/19996195/50/11.

References

1. Bochkarev A. E. About cabbage soup, lamb side, pancakes and other culinary products in N. V. Gogol's poem "Dead Souls": ...Russian stomachs will take out everything // *Kritika i semiotika* [Criticism and semiotics]. №2 2020, pp. 302–314. DOI 10.25205/2307-1737-2020-2-302-314. (in Russian).
2. Grin A. S. *Alye parusa: Izbrannoe* [Scarlet sails: Favorites]. Gorky: Volga-Vyatka Book Publishing House, 1980. 341 p. (in Russian).
3. 3. Grin A. S. *Alye parusa; Blistayushchiy mir; Zolotaya tsep'; Rasskazy* [Scarlet sails; The Shining world; The Golden chain; Stories]. M.: Khudozhestvennaya literature publ., 1986a. 512 p. (in Russian).
4. 4. Grin A. S. *Begushchaya po volnam: Romany i rasskazy* [Running on the waves: Novels and short stories]. Leningrad: Lenizdat, 1986b. 639 p. (in Russian).
5. 5. Grin A. S. Ray [Paradise], Electronic resource. Access mode: <http://lib.ru/RUSSLIT/GRIN/raj.txt>. Date of address: 07.07.2021. (in Russian).
6. 6. Grin A. S. *Fandango: Stories*. M.: Sovremennik publ., 1988. 128 p. (in Russian).
7. 7. Dimitrieva O. A. Bacchanalian vocabulary, verbalizing the object of drinking, in the artistic world of Alexander Green // *Nauchnyy dialog* [Scientific dialogue]. № 4 2021a, pp. 80–96. DOI 10.24224/2227-1295-2021-4-80-96. (in Russian).
8. 8. Dimitrieva O. A. Comparative tropes as a means of creating an image of a bacchanalian person (on the example of Alexander Green's story "Mistletoe branch") // *Funktsional'naya grammatika: teoriya i praktika* [Functional grammar: theory and practice: collection of scientific articles]. Cheboksary: Chuvash I. Yakovlev State Pedagogical University, 2021b, pp. 339-344. (in Russian).
9. 9. Dormidontova O. A. *Gastronomicheskaya metafora kak sredstvo kontseptualizatsii mira (na materiale russkogo i frantsuzskogo yazykov)* [Gastronomic metaphor as a means of conceptualizing the world (based on the material of Russian and French)]: abstract of the dis. ... Candidate of Philology. sciences. Tambov, 2011. 24 p. (in Russian).
10. 10. Egorova O. A. *Gastronomic traditions in Russian folk tales: from the past to the present* // *Uchenye zapiski natsional'nogo obshchestva prikladnoy lingvistiki* [Scientific notes of the National Society of Applied Linguistics]. №1(33) 2021, pp. 43–52. (in Russian).
11. 11. Klyucherova A. O. *Struktura i funktsii metafor v proizvedeniyakh A. S. Grina* [The structure and functions of metaphors in the works of A. S. Green]: Dis. ... Candidate of Philology. M., 2017. 168 p. (in Russian).

12. 12. Kovshova M. L. Semantika golovnogo ubora v kul'ture i yazyke. Kostyumnyy kod kul'tury [Semantics of headgear in culture and language. Costume code of culture]. M.: Gnozis publ., 2015. 368 p. (in Russian).
13. 13. Lomakina O. V. Verbalization of the concept "sin" by phraseological means in the language of L. N. Tolstoy // Nauchnoe nasledie V. A. Bogoroditskogo i sovremennyy vektor issledovaniy Kazanskoy lingvisticheskoy shkoly: Trudy i materialy mezhdunar. konf. Kazan [Scientific heritage of V. A. Bogoroditsky and the modern vector of research of the Kazan linguistic school: Proceedings and materials of the international conference]. Kazan: K(P)FU publ., 2018, pp. 130–134. (in Russian).
14. 14. Lopukha A. O. The fantastic world of Alexander Green // Problemy istoricheskoy poetiki [Problems of historical poetics], №1 1990, pp. 112–114. (in Russian).
15. 15. Pavlovskaya A. V. Gastrosophy: the science of food. To the problem statement. Part 2 // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya [Bulletin of the Moscow University. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication], № 1 2016, pp. 26–41. (in Russian).
16. 16. Pavlovskaya A. V. National gastronomic culture as a factor in the formation of a positive image of the country // Yazyk, kul'tura i «myagkaya sila» [Language, culture and "soft power"]: Collection of Scientific Papers, Guangzhou, China, November 11-14, 2017. Guanchzhou, Kitay, 2018, pp. 105–113. (in Russian).
17. 17. Savelyeva O. G. Kontsept «eda» kak fragment yazykovoy kartiny mira: leksiko-semanticheskiy i kognitivno-pragmaticheskiy aspekty [The concept of "food" as a fragment of the linguistic picture of the world: lexico-semantic and cognitive-pragmatic aspects]: abstract. ... Candidate of Philology. Krasnodar, 2006. 26 p. (in Russian).
18. 18. Slovar' russkoy pishchevoy metafory. Tom 1. Blyuda i produkty pitaniya [Dictionary of Russian food metaphor. Volume 1. Dishes and food] / A. V. Borovkova, M. V. Grekova, N. A. Zhivago, E. A. Yurina. Tomsk: Publishing House of Tomsk University, 2015. 428 p. (in Russian).
19. 19. Slovar' russkoy pishchevoy metafory. Tom 2. Gastronomicheskaya deyatel'nost' [Dictionary of Russian food metaphor. Tom. 2. Gastronomic activity] / A. V. Baldova, M. V. Grekova, N. A. Zhivago, E. A. Yurina. Publishing House of Tomsk University, 2017. 546 p. (in Russian).

20. 20. Fedorov A. I. *Frazeologicheskiy slovar' russkogo literaturnogo yazyka* [Phraseological dictionary of the Russian literary language]: approx. 13,000 phraseological units. 3rd ed., corrected. M.: ASTREL: AST, 2008. 878 p. Access mode: <http://phraseology.academic.ru> (in Russian).
21. 21. Khimich V. V. Aesthetic activity of images of food and drink in the works of Mikhail Bulgakov // *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki* [Proceedings of the Ural State University. Series 2: Humanities], № 12 (47) 2006, pp. 204–224. (in Russian).
22. 22. Shardanova I. V. Consonance of the aesthetic principles of E. Poe and A. Green (on the question of the similarities and differences of Romanticism of the XIX and XX centuries) // *Vestnik LGU imeni A.S. Pushkina* [Bulletin of LSU named after A.S. Pushkin], №2 (26) 2009, pp. 97–104. (in Russian).
23. 23. Yurina E. A., Baldova A. V. Food metaphor in Russian linguocultural discourse // *Yazyk i kul'tura* [Language and culture], №50 2020, pp. 152–169. DOI: 10.17223/19996195/50/11. (in Russian).

УДК 81

Полубиченко Лидия Валериановна
Lydia Polubichenko

Английский язык для научно-публикационных целей в условиях плюрицентричности языка

Pluricentric English used for research publication purposes

***Аннотация.** Международные англоязычные журналы естественнонаучного профиля традиционно ориентируют авторов из числа неносителей языка на британскую или американскую норму, однако в условиях плюрицентричности английского языка на их страницы все чаще попадают статьи с серьезными лексико-грамматическими и стилистическими отклонениями от этих норм. Обсуждаются примеры, причины и следствия размывания норм письменной речи для обучения академическому письму в высшей школе.*

***Abstract.** International English-medium journals of natural sciences traditionally orient non-anglophone authors toward the norms of British or American varieties of English. In the modern situation of multiple World Englishes, however, research articles that abound in striking lexical, grammatical and stylistic deviations from these norms are getting more and*

more common. The paper discusses examples and causes of the erosion of written speech norms, and its consequences for teaching academic writing in higher education.

Ключевые слова: английский как международный язык науки, контактная вариантология английского языка, вариант языка, норма, преподавание и изучение английского языка, академический английский, академическое письмо для научно-публикационных целей

Keywords: English as an international language of science, World Englishes Paradigm, language variety, norm, English language teaching and learning, academic English, English for research publication purposes, ERPP

К концу прошлого века в лингвистике постепенно сложилось понимание, что распространение английского языка в мире привело к плюрицентричности языка [Proshina, Nelson 2020: 526] и сегодня он существует во многих признанных вариантах (World Englishes) – от уже давно сложившихся британского и американского, до находящихся на разных стадиях кодификации индийского, пакистанского, южноафриканского, сингапурского, малазийского, европейских вариантов и пр. В соответствии с известной теорией трех концентрических кругов Баджа Качру [Kachru 1985], страны внутреннего, а также в значительной степени и внешнего кругов имеют уже признанные собственные нормы произношения, лексики, грамматики, и даже в странах расширяющегося круга складываются свои региональные варианты английского языка (датский, немецкий, русский, голландский, китайский, японский и др.) [Proshina, Nelson 2020; Прошина 2012].

Поскольку английский язык не принадлежит уже больше своим носителям (native speakers), составляющим меньшинство среди его пользователей [Crystal 2001], да и само это понятие вместе с обозначающим его термином вытесняется из современного лингводидактического дискурса, заменяясь более нейтральными и соответствующими современным реалиям обозначениями типа «опытный пользователь» или «двухязычный говорящий» («expert user», «accomplished user», «bilingual speaker» и т.д.) [Ловцевич, Гич 2018], все варианты английского языка уравниваются в правах [Proshina, Nelson 2020] и вполне закономерно возникает вопрос, какому английскому учить сегодня в разных образовательных контекстах, в том числе – в высшей школе, на университетском уровне [Ловцевич 2019; Timmis, 2002; Seidlhofer, 2004; Canagarajah, 2006; Мацуда, 2012;

Alasgoff et al., 2012; Mauranen 2015; Vodopija-Krstanović, Marinac 2019; Pchenko, Kramar 2020 и мн. др.].

Следует признать, что в современной лингводидактике идет обсуждение новых принципов преподавания английского языка, для которых характерны два основных подхода - моноцентричный («английский язык как лингва франка, как язык-посредник») и плюрицентричный, исходящий из разнообразия существующих национальных, нативизированных и региональных вариантов английского языка. В последнем случае «моделью в классе должен служить двуязычный пользователь своего региона, успешно овладевший английским языком для межкультурного общения на акролектном уровне», и в качестве примера такой модели для России приводится, в частности, российский ученый, участвующий в международных проектах и конференциях на английском языке [Ловцевич 2019: 136-137].

На первый взгляд, такая постановка вопроса представляется вполне разумной, соответствующей духу времени и принципу функциональности, положенному контактной вариантологией в основу своих теоретических построений и практических рекомендаций. Однако участие в конференциях подразумевает использование английского языка главным образом в его устной форме, нормы которой, как известно, далеко не столь строги, как стандарты речи письменной, владение которой как раз и необходимо в первую очередь современному ученому, чей научный вес и институциональное признание определяются главным образом по количеству научных статей в журналах, индексируемых в ведущих международных базах данных, и по их цитированию. И тут приходится признать, что речь (как устная, так и письменная) подавляющего большинства российских ученых, даже свободно функционирующих в международной профессиональной среде на русском варианте английского языка и легко достигающих с его помощью своих коммуникативных целей, как правило, полна отступлений от лексико-грамматических норм стран внутреннего круга. То же, как свидетельствуют наблюдения англистов-вариантологов [Прошина 2012: 203; Прошина 2015: 112-113], по большей части относится и к «опытным пользователям» других

вариантов английского языка внешнего и расширяющегося кругов, причем прослеживаемые в их вариантах «трансференционные следы родного языка» [Прошина 2015: 108] и культуры в основном совпадают (при всем различии этих родных языков и культур!): употребление нулевого окончания в глагольных формах третьего лица единственного числа, универсального разделительного вопроса *isn't it?* в любом контексте, множественного числа у неисчисляемых существительных, предпочтение нулевого артикля остальным, а инфинитива - герундию и пр.

Анализ этих отступлений от норм внутреннего круга невольно наталкивает на мысль, что данные лексико-грамматические особенности, совсем недавно именовавшиеся просто ошибками, характеризуют не столько лингвокультурную идентичность носителей того или иного из новых вариантов английского языка, сколько уникальную специфику самого английского языка, а также неумение, неспособность или нежелание говорящих овладеть ею. Преподавателям-англистам, обучающим академическому письму молодых исследователей, для которых английский не является родным, и традиционно ориентированным на нормы стран внутреннего круга, трудно освободиться от этого подозрения и стыдно (ведь *scripta manent!*) начать использовать в качестве «модели в классе» письменные тексты, изобилующие – с точки зрения привычных норм – грубыми ошибками. Так что для преподавателей английского языка, особенно преподавателей академического письма, моноцентричный подход очевидно предпочтительнее плюрицентричного.

На Западе, прежде всего – в США, академическое письмо уже к 1980-м гг. сформировалось в самостоятельную дисциплину, вошедшую в программы всех ведущих университетов, а в помощь преподавателям и студентам, испытывающим затруднения в написании научных текстов на английском языке, были созданы университетские центры письма. В последние годы эта практика постепенно утверждается и в российских вузах, ориентированных на рост публикационной активности преподавательского состава в международных научных журналах и повышение своего места в международных

рейтингах [Короткина 2018a]. Более того, появилось даже новое направление научно-педагогических исследований — «Английский язык для научно-публикационных целей» (English for Research Publication Purposes, ERPP) [Короткина, 2018б], и в 2020 г. был создан научный журнал *Journal of English for Research Publication Purposes*.

Результаты изучения академического письма, активно ведущегося (в том числе и отечественными авторами), тоже говорят в пользу моноцентричного подхода к преподаванию английского языка в вузе: выявлена устойчивая тенденция к унификации используемых в глобальном академическом дискурсе методов организации текста, аргументации и представления результатов исследований, «методов передачи знания посредством ясного, связного, экономного в словах текста, убеждающего посредством точного и прямого доказательства» [Короткина 2018в: 24]. Для естественнонаучных дисциплин эти требования воплотились в унифицированной модели структуры текста IMRAD (Introductoin / Введение, Materials and Methods / Материалы и методы, Results / Результаты, and / и, Discussion / Обсуждение) с ее стандартизированным содержательным наполнением. Очевидно, что в такой ситуации разнообразие национальных и региональных вариантов английского языка идет вразрез с господствующей тенденцией к всеобщей унификации формально-содержательных параметров научных публикаций и вряд ли было бы уместным.

Согласно некоторым исследованиям [Hynninen, Kuteeva 2017; Shchemeleva 2021], сами активно публикующиеся на английском языке ученые, для которых этот язык не является родным, стремятся отнюдь не к утверждению собственных его региональных вариантов, а к правильности письменной речи в соответствии с определенным языковым стандартом, что обеспечивает ясность и понятность изложения. При этом «страны расширяющегося круга в основном руководствуются нормами внутреннего круга» [Мацуда 2012: 180].

Тем не менее, представления о плюрицентричности английского языка и равноправии его вариантов постепенно распространяются вширь, за пределы узкого круга специалистов-

языковедов, и с каждым годом качество английского языка статей в международных журналах естественнонаучного профиля становится все более неровным и все чаще отстает от норм не только британского варианта, традиционно выступающего в качестве модели для русскоязычных пользователей, но и от американского или любого другого варианта внутреннего круга. В самом деле, ни один грамотный «опытный пользователь» (читай: носитель языка) не позволил бы себе в серьезной научной статье в журнале, индексируемом в престижных международных базах данных Scopus, Web of Science и др., пассажи, подобных следующему, позаимствованному в качестве примера из статьи двух южнокорейских авторов (Ashu, A.; Lee, S.-I. Reuse of Agriculture Drainage Water in a Mixed Land-Use Watershed. *Agronomy* 2019, 9, 6):

- *Four water quality outputs (BOD, DO, TN and TSS) at one major location (Osan Stream 2-1, 5.15 km) was chosen for and sensitivity analyses, because of the presence of...;*
- *The MCS will be perform using YASAIw add-in, is an open source and freely available framework for MCS in Excel [19];*
- *Random outputs of the QUAL2Kw model within the Osan drain resulting in the magnification of errors in the outputs of the model.*

Выделенные полужирным шрифтом фрагменты не просто нарушают традиционные правила грамматики, но делают соответствующие предложения малопонятными или полностью бессмысленными. Не столь критичны для понимания текста, но все же режут глаз и отвлекают от содержания статьи неверное использование артиклей или колебания в их употреблении в одних и тех же словосочетаниях в аналогичных контекстах (например: *QUAL2Kw model / the QUAL2Kw model* или *Jaya Algorithm / the Jaya Algorithm* и др.), отдельные случаи несогласования подлежащего со сказуемым в 3 лице единственного числа (*In this study, outputs from Monte Carlos Simulation (MCS) produces sensitivity analysis...*), смешение однокоренных слов, относящихся к разным частям речи (*with similar characterizes of ADW* (вместо *characteristics*)),

неузуальные словосочетания типа *sensitivity analysis produces the contribution to* (вместо *makes a contribution*) и т.д.

В целом, журнал *Agronomy*, как и все журналы такого статуса, предъявляет высокие требования к качеству английского языка присылаемых в него статей: на сайте журнала представлена подробная информация о том, что потенциальные авторы могут сделать самостоятельно, чтобы обеспечить грамотное и ясное изложение материала на английском языке (на какой вариант правописания ориентироваться, какими бесплатными сервисами проверки грамматики воспользоваться и пр.), и предлагаются разные по временным и финансовым затратам схемы привлечения специалистов от редакции к переводу или редактированию текста. Поэтому, когда попадаете материал, подобный процитированной выше статье (а это, к сожалению, происходит в последнее время все чаще и чаще), невольно - вслед за рядом исследователей [Rozycki, Johnson 2013; Hyland 2016; Rowley-Jolivet 2017 и др.] - задумываешься о том, что во всех международных журналах количество рецензентов и редакторов, не являющихся носителями английского языка, сегодня нередко превышает число ученых из стран внутреннего круга. И тут, вероятно, возможны самые разные ситуации – от полного отсутствия у этих далеких от лингвистики ученых системных представлений о каких-либо нормах английского языка до осознанного признания права на существование за тем или иным его вариантом, несмотря на определенные его отступления от норм вариантов внутреннего круга.

Возвращаясь к статье авторов из Южной Кореи, необходимо учитывать, что по оценкам как зарубежных, так и отечественных социолингвистов, эта страна взяла сознательный курс, подкрепляемый щедрыми финансовыми вливаниями, на перемещение из расширяющегося круга во внешний круг с соответствующим изменением статуса английского языка («английский как 2-й язык» вместо «английский как иностранный язык») и трансформацией его функции (нормозависимой) в качественно иную – норморазвивающую [Абдусаламов 2019]. Соответственно, само собой напрашивается предположение, что рецензировать статью могли носители того же варианта английского языка, что и ее авторы, которым

поэтому не показались странными не только ее перечисленные выше лексико-грамматические особенности, но и такие, например, использованные в ней приёмы экспрессивного синтаксиса, как парцелляция или повтор:

- *...hence it may aid to estimate the permissible waste load to be released into a drain. Moreover, to attain suitable reuse water for irrigation and to manage the total pollution load in the drain.* (оставим сейчас в стороне тот факт, что согласно нормам внутреннего круга, глагол *aid* не употребляется с инфинитивом);
- *Thus, mixing wastewater with freshwater increases its suitability for irrigation and makes it suitable for irrigation.*

Использование таких приемов совершенно чуждо англо-американским представлениям о стилистике естественнонаучной статьи и, вероятно, представляет собой упомянутые выше «трансференционные следы родного языка» и культуры авторов публикации.

Овладение англоязычным академическим письмом приобрело сегодня огромную важность для тех студентов, кто планирует в дальнейшем посвятить себя научной деятельности, причем эффективное освоение необходимых навыков и умений требует ориентации на определенную модель обучения, на языковой идеал, к которому стремятся и преподаватель, и учащийся [Прошина 2015: 108]. Традиционно такой моделью на уровне аспирантуры служили научные статьи из последних номеров ведущих международных журналов по профилю профессиональной специализации аспирантов, но их язык уже не отличается былым единообразием и, как было показано выше, может грубо нарушать те нормы, следование которым как раз и оценивается на зачетах и экзаменах. Стандарт академического письма и модель обучения ему в высшей школе не могут быть плюрицентричными, во всяком случае в рамках одного типа дисциплинарного дискурса, одной и той же укрупненной группы специальностей и направлений подготовки. А вот ориентироваться ли при этом на нормы английского языка стран внутреннего или внешнего круга, на редуцированную модель английского как языка-посредника или на что-то иное, предстоит

определить специалистам-вариантологам совместно с преподавателями-практиками.

Пока же приходится с сожалением констатировать отрыв быстро развивающейся с конца прошлого века теории контактной вариантологии английского языка от практики его преподавания, особенно в высшей школе, где речь идет главным образом о преподавании английского языка для специальных целей (English for Specific Purposes, ESP). Что касается языка науки и техники, то, по мнению Д.Кристалла, он должен основываться на культурно нейтральном стандарте (A culturally neutral standard English does exist - it is of relevance in relation to science and technology, in particular) [Crystal 2001: 27], тогда как знакомить студентов с глобальным разнообразием вариантов английского языка, адаптированных к культурам использующих их народов, ученый предлагает в ходе работы над аудированием и чтением как рецептивными видами речевой деятельности.

Скорейшее преодоление разрыва между теорией и практикой, нормирование и стандартизация английского как международного языка науки в современных условиях плюрицентричности языка – насущная задача международного академического сообщества. Пути ее решения, как показал анализ литературы вопроса и некоторых выдвигаемых лингвистами идей [Полубиченко 2022], предполагают многовекторность подходов, учитывающих дисциплинарную принадлежность научного дискурса (лингвистика / иные гуманитарные специальности / естественные / точные и технические науки), его модус (устный или письменный), языковые уровни (фонетический, лексический, грамматический, прагматилистический) и разное отношение к правильности речи при формировании рецептивных и продуктивных умений.

Литература

1. Абдусаламов М. М. Особенности эволюции прагматических контекстов социолингвистики в Расширяющемся круге World Englishes по модели Б. Качру // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2019. Том 34. Вып. 1. С. 62-69

2. Короткина И. Б. Академическое письмо: необходимость междисциплинарных исследований // Высшее образование в России. 2018а. Т. 27. № 10. С. 64-74
3. Короткина И. Б. Английский язык для научно-публикационных целей как новое направление педагогических исследований // Отечественная и зарубежная педагогика. 2018б. Т. 1. № 4 (52). С. 115-130
4. Короткина И. Б. Теория и практика обучения академическому письму в зарубежных и отечественных университетах. Автореф. дисс. ... доктора пед. наук. М. 2018в. 36 с.
5. Ловцевич Г. Н. Преподавание английского как языка международного общения: время перемен // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2019. Т. XVI. No 1. С. 135-142
6. Ловцевич Г. Н., Гич О. Н. «Носитель языка» и «Native Speaker»: иллюзорное соответствие // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 22. No 2. С. 436—447
7. Мацуда А. «Английский язык как международный»: пересмотр основ преподавания английского языка // Личность. Культура. Общество. 2012. Том XIV. Вып. 2 (NoNo 71–72). С. 177-188
8. Полубиченко Л. В. Английский как международный язык науки: вариативность, нормирование, стандартизация // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2022. Том 19. No 1
9. Прошина З. Г. Динамика развития английского языка в его региональных вариантах // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Серия «Филология». 2012. No 2 (18). С. 200-206
10. Прошина З. Г. Терминологическая сумятица в новом лингвистическом ракурсе: метаязык контактной вариантологии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2015 № 1 С. 105–117
11. Alasgoff L., McKay S., Hu G., Renandya W. (eds) Principles and Practices for Teaching English as an International Language. New York: Routledge. 2012. 376 p.
12. Canagarajah A. S. The place of World Englishes in composition: Pluralization continued // College Composition and Communication. 2006. 57. P. 586–619

13. Crystal David. Global Understanding for Global English // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2001. № 4. С. 13-28
14. Hyland K. Academic publishing and the myth of linguistic injustice // Journal of Second Language Writing, 2016. 31, 58–69
15. Hynninen N., Kuteeva M. ‘Good’ and ‘acceptable’ English in L2 research writing: Ideals and realities in history and computer science // Journal of English for Academic Purposes. 2017. 30. 53–65
16. Ilchenko Olga M., Kramar Natalia A. English for academic purposes: keeping up with the times // STUDIA LINGUISTICA. 2020. Vol. 16. P. 40-57
17. Kachru B. B. Standards, codification and sociolinguistic realism: The English language in the outer circle // English in the world: Teaching and learning the language and literatures. Cambridge, 1985. P. 11-30
18. Mauranen A. English as a global Lingua Franca: changing language in changing global academia. In: Murata, K. (ed.) Exploring ELF in Japanese Academic and Business Contexts. Amsterdam: John Benjamins. 2015. P. 29-46
19. Proshina Zoya G., Nelson Cecil L. Varieties of English and Kachru’s Expanding Circle // Russian Journal of Linguistics. 2020. Vol. 24. No. 3. P. 523-550
20. Rowley-Jolivet Elizabeth. English as a Lingua Franca in research articles: the SciELF corpus // ASp, 2017. 71. P. 145-158
21. Rozycki W., Johnson N. H. Non-canonical grammar in Best Paper award winners in engineering // English for Specific Purposes. 2013. 32(3). P. 157-169
22. Seidlhofer Barbara. Research perspectives on teaching English as a lingua franca. // Annual Review of Applied Linguistics. 2004. 24. P. 209-239
23. Shchemeleva I. “There’s No Discrimination, These Are Just the Rules of the Game”: Russian Scholars’ Perception of the Research Writing and Publication Process in English // Publications 2021. 9. 8
24. Timmis Ivor. Native speaker norms and international English: a classroom view // ELT Journal. 2002. 56. P. 240-249
25. Vodopija-Krstanović Irena, Marinac Mladen. English as an International Language and English Language Teaching: The Theory vs. Practice Divide // Iranian Journal of Language Teaching Research. 2019. 7(2). P. 19-38

ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. КОММУНИКАЦИЯ

УДК 070.41:17. 022.1

Комкова Нина Илькамовна
Nina Komkova

Роль прозы Б.В. Шергина в репрезентации Северного текста

The role of the prose of Boris Shergin in the representation of the Northern text

***Аннотация.** Статья посвящена изучению Северного текста как феномена культуры, языка, литературы. Показана роль творчества Б.В. Шергина в репрезентации Русского Севера. На материале прозы писателя представлено, как при помощи различных лексико-фразеологических средств в рассказах раскрывается жизнь поморов, их быт, культура как часть наследия народов Архангельского края в целом.*

***Abstract.** The article is devoted to the study of the Northern text as a phenomenon of culture, language, literature and the role of prose of Boris Shergin in the representation of the Russian North. Based on the material of the writer's prose, it is shown that the linguistic features of his stories allow us to reveal the life of the Pomors, their way of life, culture as part of the heritage of the peoples of the Arkhangelsk Region as a whole.*

***Ключевые слова:** язык поморов, художественный текст, Северный текст, лексические средства, язык Б.В. Шергина, идиостиль, идиолект*

***Keywords:** the Pomor language, literary text, Northern text, lexical means, the language of Boris Shergin, idiostyle, idiolect*

Введение

Текст художественной литературы представляет собой памятник культуры, ведь, запечатлевая писательский замысел, он отражает социо-историко-культурный контекст (термин О.В. Ломакиной), транслируя языковые личности героев [Ломакина 2018: 107], при этом «способность понять текст, постичь его сущность зависит от ряда факторов, траектория которых простирается от формальных до концептуальных» [Ломакина 2017: 130].

Постановка проблемы

Художественные произведения Б.В. Шергина, представляющие собой пример Северного текста, наиболее полно отражают картину поморской действительности [Комкова 2021 б: 200].

Целью данной статьи является необходимость показать влияние прозы Б.В. Шергина на становление Северного текста.

Материалом исследования послужили следующие рассказы: «Детство в Архангельске», «Миша Ласкин», «Рождение корабля», «Двинская земля».

Изучению Северного текста и текстам определённых регионов посвящены работы Е.Ш. Галимовой (рассмотрение культурного наследия Архангельского края [Галимова 2017]), Е.Л. Березович (влияние культуры поморов на их язык [Березович 1998]), К.П. Гемп (оказиональная фразеология поморских писателей [Гемп 2004]), В.Н. Калуцкова (своеобразие культурного наследия Севера, обусловленное его географическими особенностями [Калуцков 2000]), О.В. Ломакиной (особенности яснополянской прозы Л.Н. Толстого [Ломакина 2015]), Н.Е. Меднис (сверхтексты в творчестве русских писателей [Меднис 2003]), Н.З. Шмидт (поэтические городские тексты [Шмидт 2007]).

Основная часть

Северный текст как литературный и культурно-языковой феномен – это семиотико-культурологический объект русской культуры последних десяти столетий с момента первого упоминания в XIV веке о поселенцах на западном берегу Белого моря, которых с XVI века называли «поморцы», а с начала XVIII века – поморы [Комкова 2021 б: 12]. Северный текст создан посредством топоса Поморского края и делится на ряд локальных сверхтекстов, превалирующим из которых является Северный текст [Галимова 2019: 9].

По наблюдениям Е.Ш. Галимовой, «в последние годы в центре внимания учёных при попытках описания локальных сверхтекстов чаще всего оказывается текст в его филологическом понимании: как сознательно организованный результат речевого процесса, как мысль, облечённая в определённую форму, и в более узком смысле – как письменный источник, как речевое (а для литературоведов – как литературное) произведение» [Галимова 2019: 10].

Н.Е. Меднис сверхтекстом называет «сложную систему интегрированных текстов, имеющих общую внетекстовую

ориентацию, образующих незамкнутое единство, отмеченное смысловой и языковой цельностью» [Меднис 2003: 105].

«Литературные сверткесты принято дифференцировать на “городские тексты” (Петербургский текст русской литературы), “провинциальные тексты” (например, Пермский текст русской литературы и др.), “историко-культурные тексты” (например, Римский текст, Венецианский текст и др.), “региональные тексты” (Сибирский текст русской литературы и др.)» [Галимова 2017: 122]. Н.Е. Меднис считает, что «наиболее проработанными в научном плане являются на данный момент сверткесты, порождённые некими топологическими структурами – так называемые «городские тексты» [Меднис 2003: 99].

Изучение литературных сверткестов регионального характера во многом отличается от исследования городских текстов. «При рассмотрении городского текста в литературе существенна, прежде всего, опора на концептуальное представление о городе как феномене культуры» [Меднис 2003: 99]. «Город – это способ окультуривания и структурирования масштабного пространства, введение человеческого измерения в природный мир. ...В итоге город становится культурной семиосферой, не только средоточием цивилизации и культуры, но подчас и неким сакральным топосом, на который накладывается сетка символично-мифологических представлений» [Шмидт 2007: 2].

Осознание Поморья и Русского Севера как не имеющего аналогов региона, нетождественного понятию «провинция», начало формироваться постепенно в национальном сознании, начиная с Петровских реформ, в которых Архангельский Север занял заметное место благодаря мореплаванию и корабельному делу. Становление представления о Русском Севере окончательно сложилось во второй половине XIX века, когда выяснилось, что древние киевские былины сохранились в первозданном виде только в устной традиции Севера.

Не менее значимым для становления сверткеста является наличие мифологизированного локуса. Геокультурной основой возникновения «северного мифа» стала оппозиция «Север vs Юг» в качестве осознания своеобразия «собственно русского

начала» [Калуцков 2000: 20], где под Севером понималась вся Русь, противопоставленная сначала Византии, а позже Греции и Италии.

Русский Север как локус (геокультурное пространство) и как топос (сверхтекст) получил сказочное начало, образно представленное в известном стихотворении И. Бродского [Комкова 2021 б:16]: «Северный край укрой. / И поглубже. В лесу. / Как смолу под корой, / спрячь под веком слезу. / И оставь лишь зрачок, / словно хвойный пучок, / и грядущие дни. И страну заслони» («К северному краю», 1964).

Роль творчества Б.В. Шергина в изучении Русского Севера не просто огромна, её можно рассматривать как превалирующую. В современных исследованиях выражена чрезвычайно важная мысль, что «ядерная сфера Северного сверхтекста конституируется шергинским текстом» [Галимова 2017: 13].

Как показывают исследования Е.Ш. Галимовой, Е.Л. Березович, роль литературного наследия Б.В. Шергина в воспроизведении картин Русского Севера можно представить в трёх проекциях: как транслятора, как хранителя и как преобразователя (реформатора) информации о культуре русских поморов. Главной особенностью прозы Б.В. Шергина служит то, что сам писатель был носителем народной традиции, выступал в роли продолжателя поморских традиций и определил своим творчеством сохранение и возрождение духовной культуры русских поморов.

Значимость Шергина-транслятора устного народного творчества поморов весьма высоко оценивалась современниками писателя, которые пророчили рассказам Б.В. Шергина особое место в русской и мировой литературе, и повлияла на творчество других поморских писателей (например, С.Г. Писахова).

Значение писателя в репрезентации Русского Севера как хранителя информации воспроизводится в автобиографических рассказах «Детство в Архангельске», «Миша Ласкин», «Рождение корабля», «Поклон сына отцу», в которых воссоздаются воспоминания детства Б.В. Шергина. В данных рассказах прошлое и настоящее Русского Севера слились воедино, помогая создать неподражаемую и целостную картину поморской жизни.

Роль писателя в репрезентации Русского Севера как реформатора информации заключалась, прежде всего, в художественном перевоплощении историко-этнографических данных. Применительно к литературному творчеству Б.В. Шергина основная цель писателя как преобразователя заключается в его способности придавать духовную направленность всем своим произведениям.

Наиболее наглядно шергинский почерк одухотворения действительности выявляется на примере репрезентации в произведениях писателя образа Архангельска – «древнего города Архангела» [Галимова 2017: 300]: «На берегу и у торгового звена много каменного строенья, а по улицам и концам город весь бревенчатый. У нас не любят жить в камне. В сосновом доме воздух лёгкий и вольный. Строят в два этажа, с вышками, в три, в пять, в семь, в девять окон по фасаду» («Двинская земля»).

Прозаические произведения Б.В. Шергина, помимо их основополагающей роли в репрезентации Русского Севера, отличаются ещё и языковыми особенностями, к которым можно отнести употребление «поморской говóри», фольклорную направленность языка, создание эффекта «живого слова», образность речи.

Наиболее заметной и наиболее частотной закономерностью языка произведений Б.В. Шергина является широкое обращение писателя к поморскому говору («поморьска говóря»). «Поморьска говóря» в произведениях писателя используется в основном для описания героев – истинных поморов, чтобы передать неподражаемый колорит условий их жизни и быта, традиций и ценностей [Комкова 2021 а: 355]. «Поморьска говóря» – это веками сложившаяся языковая среда поморов, самобытной и немногочисленной этнокультурной группы русского народа, которая занимает побережье Белого моря и устье Северной Двины, Онеги, Мезени и других рек, впадающих в Белое море. «Поморьска говóря» включает в себя общие и наиболее отличительные черты севернорусских говоров, распространенных на территории бывшей Архангельской губернии (до 1917 г.), а также северных частях Вологодской и Олонецкой и губерний. В лексическом составе «поморьской говóри» собраны древнейшие диалекты

исторического Поморья, люди которого издавна и до наших дней считали себя отдельным народом (по данным Всероссийской переписи населения за 2002 г. идентифицировали себя как «помор» более 6,5 тысяч человек, в том числе губернатор Архангельской области в 1996–2004 гг. А.А. Ефремов). Поморы до XX века сохраняли свою самобытность и этническое самосознание, стремились сохранять суверенитет от русской культуры, обособляя себя от основной территории страны. «Поморьска говóря» исторически является наддиалектным образованием и относится к надплеменным восточнославянским языкам, до сих пор недостаточно изученным в собственно лингвистическом плане. Древнее происхождение «поморьской говóри» и сохранение до сегодняшнего времени её этнической функции позволяет считать «поморьску говóрю» основным носителем исторического сознания и исконных культурных традиций коренного населения Русского Поморья. Лексический состав прозы Б.В. Шергина, восходящий непосредственно к единицам «поморьской говóри», составляет основной источник лексикона писателя, главный компонент языкового пространства его литературных произведений.

Фольклорный характер литературного языка – вторая особенность прозы Б.В. Шергина. Исследователи фольклорных истоков прозы Б.В. Шергина отмечали, что писатель «не просто трудился на стыке двух самостоятельных художественных систем – литературы и фольклора, он виртуозно объединял их в процессе своей работы» [Галимова 2017: 298]. Наиболее полно это проявляется в сказках Б.В. Шергина, язык которых воссоздаёт неподражаемую разговорную речь. Фольклорность языка прозы писателя обусловлена также тем, что основополагающим стилеобразующим фактором творчества Б.В. Шергина является форма сказа.

Сказ и его автора (сказителя) невозможно разграничить, поэтому проза Б.В. Шергина становится «сказовой»: нет типизированного воспроизведения фольклорного языка, но есть художественно необработанная речь, которую писатель использовал для живого, а не искусственно созданного повествования.

Живое восприятие читателем речи шергинских текстов не является следствием их создания с целью так называемого литературного эффекта. В языке прозы Б.В. Шергина есть место и просторечиям, и книжной лексике: диалектные и церковнославянские слова не выступают чужеродными друг другу, а вплетаются в языковую ткань повествования, создавая «живой язык, который творится здесь и сейчас», который «как явление духа не подчиняется законам времени» [Галимова 2017: 295].

Образность речи прозы Б.В. Шергина заключается не только в хрестоматийном для языка художественной литературы и достаточно хорошо изученном обращении к изобразительно-выразительным средствам общенародного языка: тропам, сравнениям, но и к словесной живописи поморского народа. Словесная живопись в художественном произведении реализуется в образности слова, его способности вызывать в сознании носителей языка определённые образы, зрительные, слуховые, осязательные.

Что касается лингвистического описания лексико-фразеологического пространства языка прозы Б.В. Шергина в рамках концепции изучения языка Северных текстов, то оно подразумевает некие границы в описании диалектной речи, в рассмотрении автора литературного произведения как языковой личности, в применении детального анализа в описании фразеологического и лексического своеобразия языка писателя.

Использование диалектной лексики в сказовом повествовании имеет ряд закономерностей, определяющих ее состав, способы введения диалектизмов в ткань художественного повествования, уровень точности отражения писателем системы говоров, служащих средствами описания географических мест.

Рассмотрение же автора литературного произведения как языковой личности включает в себя совокупность всех языковых особенностей идиостиля и идиолекта его автора как носителя языка. В центре любого высказывания каждого текста находится авторское сознание, определяющее семантику и форму повествования, то есть лингвистический анализ текста невозможен без обращения к индивидуальным особенностям автора как языковой личности и представителя данного этноса,

ведь личность автора определяет все элементы художественного текста (тему и идею, композицию и структуру, образные и языковые средства и т.д.). Автор предстаёт как индивид (реальное лицо со своей биографией), как образ (персонаж, который эквивалентен самому автору), как творец (субъект художественной деятельности). Автор всегда присутствует в произведении. Известные характеристики языковой личности автора (идиолекта) дают возможность наиболее полно объяснить те или иные особенности языка писателя (идиостиля), отражённые в его произведениях, то есть «языковая личность писателя – это обобщённый образ носителя культурных ценностей и норм поведения индивида как носителя языка, реализуемый посредством идиолекта в идиостиле.

Использование контекстуального анализа в описании фразеологического и лексического своеобразия языка писателя заключается в том, что текст художественной литературы рассматривается как замкнутая система языковых единиц, реализующихся в ней всякий раз неповторимым образом, когда всё произведение является контекстом употребления тех языковых единиц, которые в нём репрезентированы. Кроме того, текст художественной литературы не является неделимым текстовым образованием, языковые единицы в тексте не существуют изолированно друг от друга, ведь основными свойствами любого текста являются цельность и связность. В этой связности выражается потенциал элементов системы языка, реализуемый в контексте, то есть контекст делится на собственно лингвистический (непосредственно сам текст или его фрагменты) и экстралингвистический (восприятие текста, включая автора). Лингвистический контекст отражает взаимосвязь лексических и фразеологических единиц в тексте, экстралингвистический контекст – контекст, находящийся за пределами текста и позволяющий выявить его смысловое наполнение. Контекст выступает в качестве не только объекта, но и инструмента исследования языка текста художественной литературы. Контекстуальный анализ включает в себя исследование языковых единиц в художественном тексте одновременно в двух плоскостях: вертикальном и горизонтальном контекстах, при этом контекст употребления лексических единиц отличается от

контекста употребления единиц фразеологических, то есть контекстуальный анализ является обязательным условием выявления своеобразия лексико-фразеологического пространства художественной речи Б.В. Шергина в его прозаических произведениях.

Заключение

Центральное место в репрезентации Северного текста как сверхтекста в русской литературе выполняет фактор языка, которому принадлежит основополагающая роль среди преобладающих категорий Русского Севера. Постигание и сохранение Русского Севера как культурного и языкового логоса и топоса – это первостепенные мотивы Северного текста, центральное место в изучении которого занимают произведения Б.В. Шергина различных литературных жанров, образующие в современной русской литературе авторский вариант Северного текста. Роль же литературного творчества Б.В. Шергина в репрезентации Русского Севера предстаёт в трёх проекциях: как хранителя, как транслятора и как реформатора информации о традиционной духовной и материальной культуре русских поморов. Общей целью обращения Б.В. Шергина ко всем языковым средствам, образующим язык и идиостиль писателя, можно считать развитие и обогащение языка русской литературы, отвечающей неповторимой манере Б.В. Шергина синтезировать в рамках идиостиля книжно-письменную и устно-разговорную формы речи, позволяющую передать неповторимый быт и культуру соотечественников Б.В. Шергина, которых он знал, понимал, любил всей душой.

Литература

1. Березович Е. Л. Топонимия Русского Севера: Этнолингвистические исследования. – Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 1998. – 338 с.
2. Галимова Е. Ш. «Древний город Архангела» (Архангельск Бориса Шергина). Северный текст как логосная форма бытия Русского Севера: монография: в 2 т. / А. С. Антипина, Е. Ю. Ваенская, Е. Ш. Галимова [и др.]; сост., отв. ред. Е. Ш. Галимова, А. Г. Лошаков. – Архангельск: Имидж-Пресс, 2017. Т. 1. С. 291–300.
3. Гемп К. П. Словарь поморских речений // Сказ о Беломорье. Словарь поморских речений. – 2-е изд., доп. М.: Наука; Архангельск: Поморский ун-т, 2004. С. 275–568.

4. Калуцков В. Н. Север как культурно-географический регион // Геокультурное пространство Европейского Севера: генезис, структура, семантика: сб. ст. Архангельск: Поморский ун-т, 2009. С. 27–38. – (Поморские чтения по семиотике культуры. Т. 4).
5. Комкова Н. И. Концепт «смерть» в прозе Б.В. Шергина: особенности репрезентации // Когнитивные исследования языка. – 2021 а. – № 3 (46). С. 354–357.
6. Комкова Н. И. Лексико-фразеологическое пространство художественной прозы Б. В. Шергина: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2021 б. – 217 с.
7. Ломакина О. В. Писательский метаязыковой комментарий и его роль в понимании текста (на примере произведений русской литературы XIX в.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2017. – № 1. – С. 130-137.
8. Ломакина О. В. Фразеология в тексте: функционирование и идиостиль: монография. – М.: РУДН, 2018. – 341 с.
9. Ломакина О. В. Фразеология в языке Л.Н. Толстого: лингвистический комментарий и лексикографическое описание: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. – СПб., 2015. – 390 с.
10. Меднис Н. Е. Сверхтексты в русской литературе: учеб. пособие. – Новосибирск: НГПУ, 2003. – 170 с.
11. Шмидт Н. З. Городской текст в поэзии русского модернизма: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. – М., 2007. – 199 с.

References

1. Berezovich, E. L. Toponimiya Russkogo Severa: Etnolingvisticheskie issledovaniya. – Ekaterinburg: Ural. gos. un-t, 1998. – pp. 338.
2. Galimova, E. Sh. "The Ancient city of the Archangel" (Arkhangelsk by Boris Shergin). Severnyy tekst kak logosnaya forma bytiya Russkogo Severa: monografiya: v 2 t. / A. S. Antipina, E. Yu. Vaenskaya, E. Sh. Galimova [i dr.]; sost., otv. red. E. Sh. Galimova, A. G. Loshakov. – Arkhangel'sk: Imidzh-Press, 2017. T. 1. pp. 291–300.
3. Gemp, K. P. Dictionary of Pomeranian Sayings // Skaz o Belomor'e. Slovar' pomorskikh recheniy. – 2-e izd., dop. M.: Nauka; Arkhangel'sk: Pomorskiy un-t, 2004. pp. 275–568.
4. Kalutskov, V. N. The North as a cultural and geographical region // Geokul'turnoe prostranstvo Evropeyskogo Severa: genезis, struktura, semantika: sb. st. Arkhangel'sk: Pomorskiy un-t, 2009. pp. 27–38. – (Pomorskie chteniya po semiotike kul'tury. T. 4).

5. Komkova, N. I. The concept of "death" in B.V. Shergin's prose: features of representation // *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. – 2021 a. – № 3 (46). pp. 354–357.
6. Komkova, N. I. *Leksiko-frazeologicheskoe prostranstvo khudozhestvennoy prozy B. V. Shergina: dis. ... kand. filol. nauk.* – M., 2021 b. – pp. 217.
7. Lomakina, O. V. The writer's metalanguage commentary and its role in understanding the text (on the example of works of Russian literature of the XIX century) // *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser. Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika.* – 2017. – № 1. – pp. 130-137.
8. Lomakina, O. V. *Frazeologiya v tekste: funktsionirovanie i idiosstil': monografiya.* – M.: RUDN, 2018. – pp. 341.
9. Lomakina, O. V. *Frazeologiya v yazyke L.N. Tolstogo: lingvisticheskiy kommentariy i leksikograficheskoe opisanie: dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.01.* – SPb., 2015. – pp. 390.
10. Mednis, N. E. *Sverkhteksty v russkoy literature: ucheb. posobie.* – Novosibirsk: NGPU, 2003. – pp. 170.
11. Shmidt, N. Z. *Gorodskoy tekst v poezii russkogo modernizma: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.01.* – M., 2007. – pp. 199.

СПИСОК АВТОРОВ

Беляков Михаил Васильевич – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка. Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России.

E-mail: belmax007@hotmail.com

Галимова Халида Нурисламовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, КФУ / Институт филологии и межкультурной коммуникации / НИЛ «Текстовая аналитика». Казанский (Приволжский) федеральный университет.

E-mail: galikha@mail.ru

Губочкина Любовь Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики Московского государственного областного университета.

E-mail: glubov09@mail.ru

Димитриева Ольга Альбертовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и чувашского языков Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева.

E-mail: olgaal_79@mail.ru

Иконникова Валентина Александровна – доктор филологических наук, доцент, декан факультета лингвистики и межкультурной коммуникации Одинцовского филиала МГИМО МИД России.

E-mail: v.ikonnikova@odin.mgimo.ru

Комкова Нина Илькамовна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры педагогики, психологии, гуманитарных и естественнонаучных дисциплин. Частное образовательное учреждение высшего образования Тульский институт управления и бизнеса имени Н.Д. Демидова.

E-mail: lingvo_2012@mail.ru

Ломакина Ольга Валентиновна – доктор филол.н., профессор и вед. науч. сотрудник кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН.

E-mail: rusoturisto07@mail.ru

Лукин Дмитрий Сергеевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры переводоведения и когнитивной лингвистики Московского государственного областного университета.

E-mail: lu10kin@yandex.ru

Маник Светлана Андреевна – доктор филологических наук, доцент, директор Института гуманитарных наук ивановского государственного университета

E-mail: maniksa@ivanovo.ac.ru

Полубиченко Лидия Валериановна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английского языка для естественных факультетов факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова.

E-mail: lpolubichenko@mail.ru

Пронина Елена Анатольевна – старший преподаватель кафедры лингвистики и переводоведения и кафедры английского языка в сфере юриспруденции Одинцовского филиала МГИМО МИД России, аспирант кафедры международного частного и гражданского права им. С.Н. Лебедева МГИМО МИД России

E-mail: e.pronina@odin.mgimo.ru

Хохлов Алексей Александрович – аспирант каф. славянской филологии историко-филологического факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

E-mail: bart.reutov@list.ru

Шарифуллина Эльвира Альбертовна – старший преподаватель, Казанский федеральный университет.

E-mail: ehvi-ehvi12@rambler.ru

Шовкович Елена Геннадьевна – аспирант кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики. Московский государственный областной университет.

E-mail: shovkoviche@mail.ru

Уважаемые коллеги!

Национальное общество прикладной лингвистики (НОПриЛ) сообщает о начале приема статей для следующего номера научно-исследовательского журнала «Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики (НОПриЛ)».

В журнале публикуются статьи, рецензии и библиографические обзоры, информация о конференциях, семинарах и круглых столах по следующей тематике:

1. Теория и практика преподавания языков на всех уровнях
2. Устный и письменный перевод
3. Лексикография
4. Терминоведение и терминография
5. Социолингвистика
6. Психолингвистика
7. Язык средств массовой информации
8. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация
9. Стилистика и анализ дискурса
10. Информационно-коммуникационные технологии в прикладной лингвистике
11. Языковая ситуация в различных регионах мира.

О журнале

Научный журнал «Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики (НОПриЛ)» освещает результаты исследований в разных областях гуманитарного знания, связанных с изучением языка в его прикладных аспектах и на широком фоне культурной, социальной, политической жизни народов, на нем говорящих, т.е. «мира изучаемого языка», без знания которого невозможно ни международное, ни межкультурное общение.

Издание зарегистрировано в **Международном центре ISSN**, входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ). Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзоре), Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-52630 от 25 января 2013 года.

Каждый из выпусков журнала направляется в Российскую книжную палату, которая осуществляет рассылку журнала

«Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики (НОПриЛ)» в Российскую государственную библиотеку и другие ведущие библиотеки, образовательные и научные учреждения Российской Федерации.

Качество публикуемых статей контролируется редколлекцией, в состав которой входят ведущие ученые, возглавляющие научные секции Национального общества прикладной лингвистики. Редакционная коллегия оставляет за собой право отклонить заявку на публикацию по результатам отзывов рецензентов.

Авторы несут ответственность за точность и достоверность содержащихся в их материалах сведений научного и энциклопедического характера.

Поступившие в редакцию материалы возврату не подлежат.

По всем вопросам, касающимся публикации статей в журнале «Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики», просьба обращаться на электронный адрес редакционной коллегии журнала limw.editor@gmail.com.

Требования к оформлению статьи

По всем вопросам, касающимся публикации статей в журнале «Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики», просьба обращаться на электронный адрес редакционной коллегии журнала limw.editor@gmail.com.

Все статьи, поступающие в редакцию, должны быть оформлены строго в соответствии с требованиями. Статьи, оформление которых не соответствует предъявляемым требованиям, рассматриваться не будут.

Статья должна быть оформлена в соответствии с изложенными ниже требованиями и содержать указанные ниже пункты:

1. **УДК**. Просьба указать развернутый шифр УДК статьи.
2. **Объем статьи**

Средний рекомендуемый объем статьи — 0,5 п.л. (что соответствует 12 страницам текста в 1,5 интервала при шрифте 14 Times New Roman), но допустима и меньшая, и большая длина с учетом информативности текста. Редакционный совет оставляет за

собой право делать сокращения в статье (по согласованию с автором) или рекомендовать автору расширить статью.

3. Название статьи

Название статьи отражает предмет и тему статьи, основную цель (вопрос), поставленную автором для раскрытия темы.

4. Аннотация

Статья сопровождается аннотацией (примерно 200-250 слов) на русском и английском языках. Аннотация должна быть **структурирована**: давать представление об исследовании, актуальности, новизне, цели, материалах и методах, результатах, выводах.

Англоязычная версия аннотации представляет собой резюме статьи (Aim, Materials and Methods, Results, Conclusions), и также включает 200-250 слов.

5. Список ключевых слов

Необходимо указать ключевые слова - 5-6, способствующих индексированию статьи в поисковых системах. Ключевые слова должны попарно соответствовать на русском и английском языке.

6. Содержание статьи

Статья должна быть **структурирована** (Введение, постановка проблемы, Основная часть, Заключение)

Введение – постановка рассматриваемого вопроса, актуальность, краткий обзор научной литературы по теме, четкая постановка цели работы.

Основная часть статьи должна быть разбита на пронумерованные разделы, имеющие содержательные названия. Возможны подразделы. Она должна содержать описание материала и методов исследования, описание проведенного анализа и полученные результаты.

Заключение – основные выводы исследования.

7. Оформление ссылок в тексте

Ссылки на источники в тексте с указанием фамилии автора, года издания и цитируемой страницы заключаются в квадратные скобки [Иванов 1990: 25; Петров 2001; см. также: Сидоров 2002; 2003 и др.].

8. Литература/ References

Список использованной литературы дается в алфавитном порядке, начиная с русскоязычных работ. В списке литературы ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ Р. 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка». В нем обязательно указывается год и место издания, издательство и общее количество страниц источника (для статей, напр.: С. 23-35; для монографий, напр.: — 256 с.)

Если источник имеет DOI, он указывается в конце ссылки

Ссылки на интернет-источники размещаются с полным указанием электронного адреса [Игнатенко URL: http://www.ec-dejavu.net/f/Fraud_Islam.html]. Автор несет ответственность за точность приводимых в его статье цитат и правильность оформления ссылок на источники.

ИСТОЧНИКИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ необходимо транслитерировать, используя для автоматической транслитерации программу BGN (Board of Geographic Names) на сайте <http://www.translit.ru>.

Прилагается также перевод списка литературы на английский язык. При этом название всей книги (монографии, диссертации, сборника статей, журнала) приводится также по-русски латинским шрифтом.

Образец:

Romanova, N.N., Filippov, A.V. *Stilistika i Stili* [Stylistics and Style]. М.: FLINTA, 2006. – 405 pp. (in Russian).

Liu Juan. Symbolism of Colour in Russian and Chinese Culture // *Inostrannyie yazyki v vysshei shkole* [Foreign Languages in Higher Education]. Ryazan: RSU named for S.A. Esenin, № 1(20) 2012, pp.94-98 (in Russian).

9. Сведения об авторах

Предоставляются следующие сведения:

- фамилия, имя, отчество автора (полностью, буква «ё» не должна заменяться на «е»);
- учёная степень, звание, должность и место работы (с точным названием кафедры и вуза);
- информация о месте учебы аспиранта либо соискательства автора (кафедра, вуз);
- адрес с почтовым индексом, все возможные средства связи, удобные для быстрого согласования правки (служебный, домашний, мобильный телефоны, e-mail).

Научно-исследовательский журнал

**УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ НАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА
ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ**

Национальное общество прикладной лингвистики

Коллектив авторов

Подписано в печать 22.02.22. Формат 60х90/16

Заказ № 27. Тираж 1000 экз.

Типография Академии акварели и изящных искусств

art-tipografia.ru

117133, Москва, ул. Академика Варги, 15

Тел.: (495) 531-55-55

academy.andriaka.ru

